

Сборникъ „НИВЫ“ 1899 г.

не по

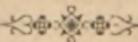
ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

Томъ I.

ЯНВАРЬ 1899.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издаіе А. ѳ. Маркса.

30-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1899 г.

„НИВА“

выходящій еженедѣльно, со многими бесплатными приложениями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1899 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ. Въ нумерахъ „Нивы“ за 1899 годъ будетъ печататься приобретенный редакціею въ рукописи **новый романъ**

ГРАФЪ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА

ТОЛСТОГО:

„ВОСКРЕСЕНІЕ“, со множествомъ
рисунковъ-иллюстрацій
Л. О. ПАСТЕРНАКА.

12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

И. А. ГОНЧАРОВА,

которое является **первымъ** по полнотѣ содержанія, такъ какъ въ него войдутъ рассказы, не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ, *столбцахъ въ отдельной приложеньи* 13 р. 50 к. Полное собраніе сочиненій Гончарова будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе одного 1899 года, въ 12 томахъ, отпечатанныхъ на хорошо глазированной бумагѣ, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ „Сборника Нивы“, по одному тому въ началѣ каждаго мѣсяца.

Соч. Гончарова могутъ быть приобретены въ видѣ бесплатнаго приложенья подпиской на „Ниву“ только въ теченіе 1899 г. и отдѣльно отъ „Нивы“ не продаются.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, выходящихъ при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержащихъ романы, повѣсти, рассказы и пр. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертней-выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1899 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложениями: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 5 р. 50 к.; 2) въ МОСКВѢ (въ конг. Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи) — 6 р. 25 к.; 3) въ ОДЕССѢ (въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12) — 6 р. 50 к. — СЪ ДОСТАВКОЙ въ СПВ. — 6 р. 50 к. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА И МѢСТНОСТИ РОССИИ 7 р. За границу — 10 р.

Требованія просить адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская д. № 22.

1885

U. Louvages

Начало писанія этого романа относится къ концу сороковых годов. Помнится, *Сонъ Обломова* напечатанъ въ *Альманахъ* при *Современникъ* въ 1848 или 1849 году. Этой главы (*Сонъ Обломова*) тутъ нѣтъ.

И. Гончаровъ.

Обломовъ.

ЧАСТЬ I.

Въ Гороховой улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, народонаселенія котораго стало бы на цѣлый уѣздный городъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ Илья Ильичъ Обломовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти отъ роду, полный, гораздо полнѣе, нежели обыкновенно бываютъ люди въ эти лѣта. Независимо отъ этой благопріобрѣтенной полноты, кажется и сама природа не позаботилась создать его постройки. Голова у него была довольно большая, плеча широкія, грудь крѣпкая и высокая: глядя на это могучее туловище, непременно ожидаешь, что оно поставлено на соответствующій ему солидный пьедесталъ,—ничего не бывало. Подставкой служили двѣ коротенькія, слабыя, какъ будто чѣмъ-то измятыя ноги.

Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно блѣдный, а такъ, безразличный. Взглядъ безпечный, разсѣянно переходившій отъ одного предмета къ другому, иногда усталый, больше апатическій. Волосы ужъ рѣдѣли на маковкѣ. Можно было предвидѣть, что этотъ человѣкъ обрюзнетъ и опустится совсѣмъ,—теперь его отъ этого пока спасали еще лѣта. Впрочемъ

Предълатъ начало такъ:

Его будятъ записками, то отъ пріятелей, то отъ женщины, которая его любитъ; наконецъ дворникъ приходитъ понуждать его съѣхать съ квартиры, потомъ онъ вспоминаетъ о письмѣ старосты, потомъ Захаръ со счетами. Онъ всякій разъ хочетъ вставать и все лежитъ, волнуясь однакоже, что много дѣл. Лакей не дождался отвѣта, ушелъ, онъ велѣлъ зайти за отвѣтомъ, тотъ пришелъ — все еще не готово и такъ ушелъ только съ словеснымъ приказаніемъ; съ квартирой сцена извѣстная, со счетами, съ письмомъ старосты — тоже. Такъ и проходитъ утро.—Женщина влюблена въ него и зоветъ его въ театръ, чтобы оттуда вечеромъ къ ней — онъ въ театръ не поспѣваетъ. Облом. любилъ полежать въ темной комнатѣ, не спать, а такъ полежать...

— Что это у насъ хорошо пахнетъ, Захаръ?

— Нѣтъ, не хорошо.

(отъ раздушенной записочки).

Захаръ любилъ сидѣть у печки на полу и, глядя на огонь, мѣшать кочергой. Онъ и мечтами тогда—уносился къ себѣ въ Обломовку, отъ того и любилъ топить. Обломовъ вскакивалъ иногда съ постели и ночью (какъ В. А. Яз.) метался въ тоскѣ, что онъ ничто, что онъ не исполнилъ своего назначенія.

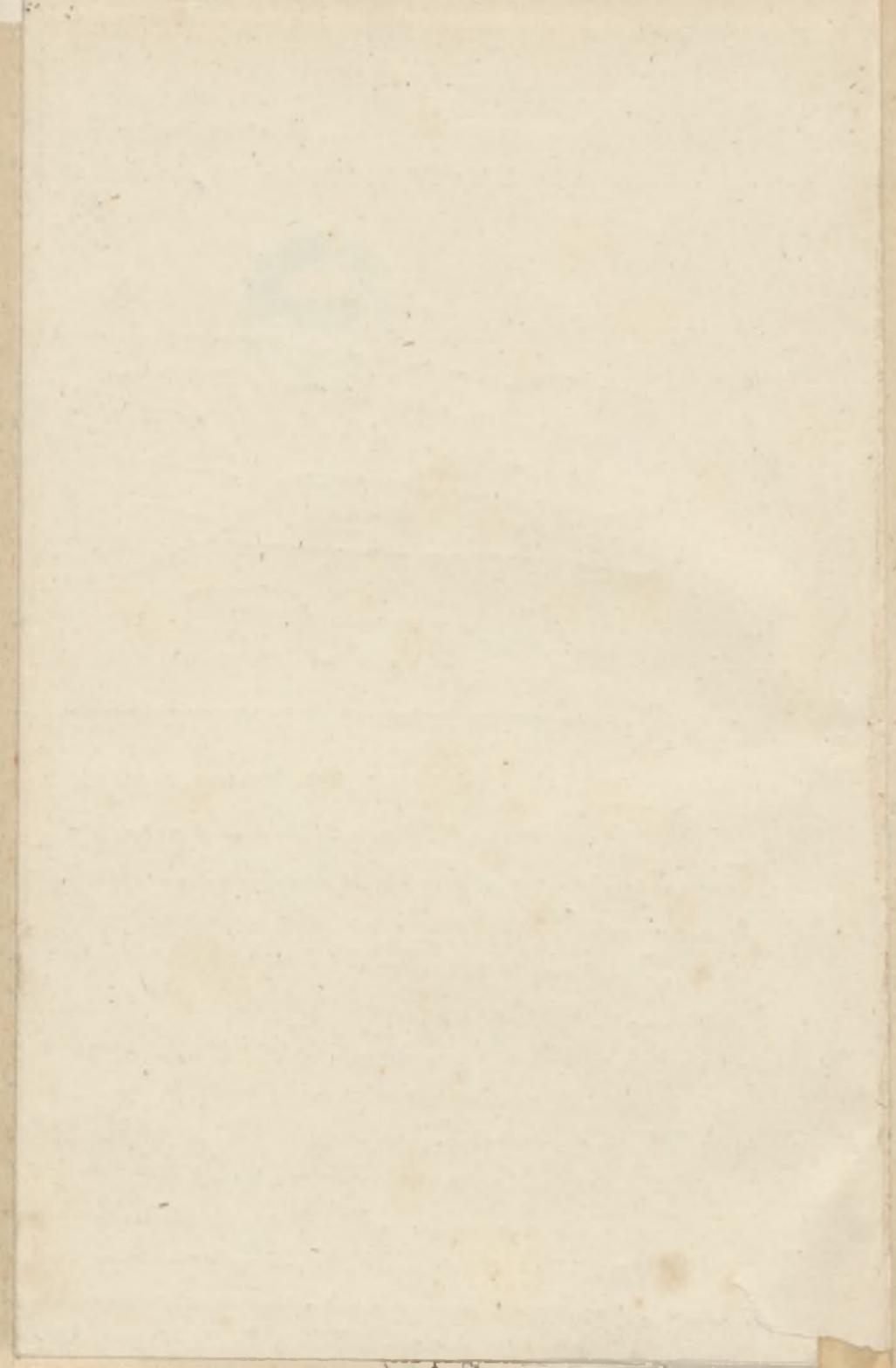
— Захаръ! сколько я чашекъ чаю выпилъ?

— Двѣ—заспалъ.

Пока Захаръ мурлыкалъ, сидя съ кочергой, Обломовъ ворочался (ужъ вечеромъ, передъ театромъ), его волновала мысль о страсти, когда человѣкъ плаваетъ въ ней, какъ въ океанѣ, когда ослѣпленный, подавленный ею, онъ волнуется, онъ у ногъ женщины, любовь, экзальтація, все въ немъ работало, какъ вулканическій огонь въ груди земли; нервы его пѣли, музыка нервъ, онъ вскакивалъ, ходилъ и потомъ, усмиранный дожилъ опять.

Иногда онъ, гонимый вихремъ мыслей и чувствъ, онъ улеталъ куда-то высоко, онъ дѣлалъ немыслимые подвиги, потомъ падалъ съ облаковъ и ночью одинъ, вскакивалъ и плакалъ холодными слезами, слезами отчаянія надъ своимъ безсиліемъ.

(Это пожалуй пусть онъ расскажетъ Почаеву).

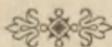

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ
И. П. Пожалостинымъ, и факсимиле.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1899.

162074

Типографія А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., М. 1.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ

(6-го іюня 1812—15-го сентября 1891).

Біографическій очеркъ.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился 6-го іюня 1812 г. въ Сямбирекѣ. Въ противоположность большинству писателей сороковыхъ годовъ, Гончаровъ происходилъ изъ очень зажиточнаго купеческаго семейства, что не помѣшало ему, однако, получить весьма тщательное по тому времени образованіе. Мать его, простая, но хорошая женщина, на рукахъ которой онъ остался, послѣ смерти отца, трехлѣтнимъ ребенкомъ, ничего не жалѣла для воспитанія сына. Обстоятельства пришли ей на помощь. На другой сторонѣ Волги, въ имѣніи княгини Хованской, жилъ священникъ, мало похожій на обычный типъ захолустнаго, деревенскаго попа. Это былъ воспитанникъ казанской духовной академіи, образованный и просвѣщенный. Вещь еще болѣе замѣчательная для православнаго священника — онъ былъ женатъ на французкѣ. Съ ея помощью онъ открылъ пансіонъ, имѣвшій большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ среди мѣстнаго дворянства. Сюда-то, по совѣту друзей матери, былъ отданъ молодой Гончаровъ.

Дѣло обученія и воспитанія велось священникомъ чрезвычайно тщательно. Онъ слѣдилъ не только за ученіемъ, но и за чтеніемъ своихъ учениковъ, которое регулировалось строгимъ выборомъ. Дѣтямъ давали только серьезныя книги, и даже такая вещь, какъ Фонвизинскій «Бригадиръ», была исключена изъ числа разрѣшенныхъ книгъ, чтобы отдалить юношескіе умы отъ всякаго намека на фривольность и легкомысліе. Нельзя не обратить вниманіе на этотъ строгій выборъ. Въ біографіяхъ другихъ нашихъ писателей мы въ

огромномъ большинствѣ случаевъ наталкиваемся на фактъ совершенно противоположный; въ домѣ имѣется отцовская или дѣдовская библіотека, наполненная, какъ у всѣхъ людей веселаго XVIII вѣка, разными веселыми романами; доступъ къ библіотекѣ совершенно свободенъ, — и юноша читаетъ рѣшительно все, что попадаетъ подъ руку. Правда, и Гончаровъ, когда возвращался домой на праздники и каникулы, доставалъ сентиментальные романы г-жи Жанлисъ и полные привидѣній и всяческихъ ужасовъ романы г-жи Радклифъ и даже мистическія мудретствованія Экартгаузена; но все-таки въ общемъ характеръ чтенія былъ дѣловой и серьезный. Въ 12 лѣтъ Гончаровъ уже прочиталъ, кромѣ произведеній нашихъ классиковъ — Державина, Хераскова, Озерова, и цѣлый рядъ ученыхъ сочиненій: исторію Ролена, Голикова, путешествія Мунго-Парка, Крашенинникова, Палласа и др. Путешествіями молодой Гончаровъ особенно увлекался. Къ нимъ, кромѣ поощренія папсіонскаго начальства, автора «Фрегата Паллады» привлекали рассказы крестнаго отца — стараго моряка, выведеннаго въ «Воспоминаніяхъ» подъ именемъ Якубова. Именно это раннее чтеніе путешествій было главнымъ источникомъ рѣшенія Гончарова ѣхать кругомъ свѣта, рѣшенія — столь противорѣчащаго обычному комфортабельному теченію его жизни, при которомъ «откажешься ѣхать на вечеръ въ конецъ города, подъ предлогомъ «далеко ѣхать», боишься пропустить урочный часъ лечь спать» («Фрегатъ Паллада»).

Внутренняя жизнь родительскаго дома въ значительной степени напоминала Обломовку. Семья жила въ большомъ каменномъ домѣ, который выходилъ на три улицы. «Домъ у насъ», говоритъ Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ: — «былъ, что называется, полная чаша. Большой дворъ, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣбами, сараями, амбарами, прачечной и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки, все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго шпена и всяческой провизіи для продовольствія нашего, и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня».

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, рисуя жизнь въ Обломовкѣ, Гончаровъ имѣлъ передъ глазами картины дѣтства. Онъ и прямо объ этомъ говоритъ въ воспоминаніяхъ:

«По пріѣздѣ домой, по окончаніи университетскаго курса, меня обдало той же «обломовщиной» какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая паружность роднаго города не представляла ничего дру-

того, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ же болѣею частью деревянные, посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки, съ мезонинами, съ садпками, иногда съ колонками, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, безконечные заборы; тѣ же деревянные тротуары съ недостающими досками, та же пустота и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли. Вся улица слышать, когда за верету ѣдетъ телега или стучитъ сапогами по мосткамъ прохожій. Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными шторами и жалюзи, на сонныя фізіономіи сидящихъ по домамъ или попадающихся на улицѣ людей. «Намъ нечего дѣлать», зѣвая, думаетъ, кажется, всякое изъ этихъ лицъ, глядя лѣниво на васъ: «мы не торопимся, живемъ—хлѣбъ жуемъ, да небо коптимъ».

Непосредственно помѣщичью жизнь Гончаровъ и не зналъ даже. Въ «Слугахъ» онъ категорически заявляетъ: «Я не знаю сельской жизни», «я не владѣлъ крестьянами, не было у меня никакой деревни, земли; я не сѣялъ, не собиралъ, даже не жилъ никогда по деревнямъ»; только «ребенкомъ девяти и десяти лѣтъ я прожилъ въ деревнѣ два года»; «я вѣкъ свой провелъ въ городахъ».

Если, тѣмъ не менѣе, Гончарову въ «Обломовѣ» удалось создать такую поразительно-типичную картину помѣщичьяго быта, то это, конечно, только отчасти потому, что жизнь въ началѣ вѣка въ захолустныхъ городахъ, да еще въ такихъ домахъ-помѣстьяхъ, какъ домъ родителей Гончарова, мало чѣмъ отличалась отъ заправской усадьбной жизни; главная же причина заключается въ удивительнѣйшемъ дарѣ обобщенія, присущемъ Гончарову въ болѣе степени, чѣмъ кому бы то ни было изъ его литературныхъ сверстниковъ.

Съ воспоминаніями о Симбирскѣ тѣсно связанъ и «Обрывъ». Только первая часть романа происходитъ въ Петербургѣ, затѣмъ дѣйствіе перенесено въ маленькій приволжскій городъ — это и есть Симбирскъ. Идея романа блеснула въ головѣ автора въ 1849 году, когда онъ «послѣ 14-лѣтняго отсутствія прѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу». «Тутъ толпой хлынули ко мнѣ старыя, знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившія патріархальный бытъ, и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ». Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства—все это залегло въ голову автору, и послужило впоследствии фономъ романа. По поводу празднованія, состоявшагося недавно 250-лѣтняго юбилея Симбирска въ газетахъ сооб-

шалось о лежащей под самым Симбирском живописной мѣстности Киндяковкѣ. Киндяковская роща—любимое мѣсто прогулки симбирцевъ. «Рядомъ съ ней находится знаменитый *Гончаровскій Обрывъ* и барекій домъ, находящійся въ рощѣ—свидѣтель всего того, что описываетъ Гончаровъ въ своемъ романѣ» *).

Нѣсколько лѣтъ тому въ Симбирскѣ еще были живы старожилы, хорошо помнившіе людей, которые послужили прототипами для главныхъ персонажей «Обрыва».

Въ 1831 году Гончаровъ, пробывши предъ этимъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ, поступилъ на словесный факультетъ московскаго университета. Въ знаменательное время попалъ онъ въ этотъ университетъ. Какъ мнѣ уже приходилось говорить въ своихъ статьяхъ объ эпохѣ Вѣлинскаго, «въ началѣ тридцатыхъ годовъ московскій университетъ находился на рубежѣ совершенно новой эпохи, на рубежѣ рѣзкой переменъ въ профессорахъ и студенчествѣ. Цѣлый рядъ молодыхъ профессоровъ: шеллингиистъ Павловъ, основатель новѣйшей русской критики Надеждинъ, Шевыревъ — тогда еще молодой энтузіастъ, только-что вернувшійся изъ-за границы и еще не превратившійся въ того сухого педанта, съ которымъ ожесточенно ратоборствовалъ впоследствии кружокъ Вѣлинскаго,—Погодинъ, тоже еще молодой и свѣжій,—все эти молодые силы внесли новый духъ въ университетское преподаваніе, который не могъ не отразиться и на старыхъ профессорахъ. Въѣсто прежняго монотоннаго считыванія съ старыхъ тетрадокъ, въ незапамятныя времена заготовленныхъ и изъ года въ годъ, безъ малѣйшихъ переменъ, повторяемыхъ, съ профессорской кафедры послышалось живое слово, отражавшее въ себѣ стремленія времени, удовлетворявшее паряжающимъ потребностямъ жизни».

Большая переменъ происходитъ и въ студенчествѣ. Студентъ изъ бурша превращается въ молодого человѣка, поглощеннаго высшими стремленіями. До тридцатыхъ годовъ московскіе студенты, главнымъ образомъ, занимались пьянствомъ, буйствомъ, задираніемъ на улицѣ прохожихъ, а въ стѣнахъ университета—устраиваніемъ разнаго рода скандаловъ профессорамъ, въ родѣ такого, наприм.: принесутъ подъ полюю воробья въ аудиторію и затѣмъ, когда профессоръ войдетъ въ паосъ и воробей примется летать, студенты, будто вня себя отъ негодованія, съ шумомъ и гамомъ повскакиваютъ со скамеекъ и начинаютъ ло-

*) «Нпва» 1898 г., № 40. «Новь» 1898 г., № 19.

вить нарушителя порядка. Эти времена школьничества и незнанія, куда дѣтъ запасъ юношескихъ силъ, мало-по-малу исчезаютъ и замѣняются стремленіемъ къ «солнцу истины», какъ выражается Константинъ Аксаковъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ. Именно въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ среди московскихъ студентовъ начинается образованіе тѣсно-сплоченныхъ кружковъ молодыхъ юношей, восторженныхъ и чистыхъ, сходящихся, чтобы выяснить себѣ вопросы нравственные, философскіе, политическіе. Какъ разъ во время пребыванія Гончарова въ московскомъ университетѣ, между студентами организовались два кружка, для характеристики которыхъ достаточно сказать, что въ составъ ихъ входили Станкевичъ, поэты Сатинъ, Красовъ и Клюшниковъ, Константинъ Аксаковъ, Кетчеръ, Евгенийъ Коршъ, Владимъ Пасекъ, Бѣлинскій, Герценъ и Огаревъ,—словомъ, почти всѣ члены впоследствии сплотившагося въ одно московскаго кружка, знаменитаго въ исторіи русской литературы подъ именемъ *кружка Станкевича*.

Гончаровъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не свелъ знакомства. Умственное направленіе молодого Гончарова было совсѣмъ иное, чѣмъ у Станкевича, Бѣлинскаго и ихъ друзей. Достаточно указать на то, что во время пребыванія своего въ университетѣ Гончаровъ увлекался Карамзинымъ. Между тѣмъ, въ 1834 г., — значить, когда Гончаровъ кончалъ курсъ, — въ «Молвѣ» были напечатаны «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго, въ которыхъ онъ, выражая настроеніе и взгляды своего кружка, отрицательно отнесся къ старымъ корифеямъ и между прочимъ писалъ по поводу Карамзина: «И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы! Еще нѣтъ! Съ одной стороны насъ, «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны», призываютъ «молиться на могилѣ Карамзина», и «шептать его святое имя», а съ другой—слушаютъ это воззваніе съ недовѣрчивой и насмѣшливой улыбкой. Любопытное зрѣлище! *Борьба двухъ поколѣній, не понимающихъ одно другое*».

Вотъ къ этой-то борьбѣ двухъ поколѣній Гончаровъ и не былъ причастенъ. Сверстникъ Бѣлинскаго и его друзей, авторъ «Обыкновенной исторіи», какъ впоследствии, такъ и въ началѣ своей жизни, держался въ сторонѣ отъ людей и тенденцій слишкомъ стремительныхъ, не принимающихъ во вниманіе требованій жизни. Гончаровъ—и въ этомъ центръ тяжести его духовной личности—никогда не былъ консерваторомъ, какъ и не былъ ни-

когда «либераломъ» въ вызывающемъ смыслѣ этого слова. И вотъ почему нельзя считать одною простою случайностью то, что во время своего пребыванія въ университетѣ Гончаровъ остался въ сторонѣ отъ бурнаго кружка мятушагося, «неистоваго Виссаріона».

Въ 1834 году Гончаровъ кончилъ курсъ со званіемъ дѣйстви-тельного студента и отправился на родину. Сначала онъ весь отдался во власть «домашняго баловства», но затѣмъ рѣшено было взяться за «дѣло». А «дѣломъ» по тому времени считалась служба, и юный питомецъ московскаго университета поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ симбирскому губернатору. Служба мало подходила къ характеру и темпераменту Гончарова и впоследствии онъ весьма прописчески изобразилъ ее въ своихъ воспоминаніяхъ. Прослужилъ онъ не больше года и затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ. Хорошее знаніе иностранныхъ языковъ доставило ему мѣсто переводчика въ министерствѣ финансовъ. Въ этомъ министерствѣ онъ и прослужилъ вплоть до отправления своего въ кругосвѣтное плаваніе въ 1852 году.

Въ Петербургѣ у Гончарова скоро завязываются литературно-артистическія знакомства, при чемъ онъ попадаетъ въ такой кружокъ, гдѣ изъ двухъ типовъ творчества — Шиллеровскаго и Гётевскаго — предпочтеніе отдавалось олимпійскому спокойствію Гёте, гдѣ царило поклоненіе искусству для искусства и возведеніе объективнаго творчества въ единственную истинно-художественный идеаль. Гончаровъ дѣлается своимъ человѣкомъ въ домѣ художника Николая Александровича Майкова, отца тогда еще четырнадцатилѣтняго юноши Аполлона Майкова и его братьевъ, безвременно погибшаго даровитаго критика Валеріана Майкова и пылкія вице-президента Академіи Наукъ Леонида Майкова. Литературная дѣятельность Валеріана Майкова мало имѣетъ общаго съ теоріей искусства для искусства и художественнаго объективизма. Но эта дѣятельность относится къ болѣе позднему времени — къ 1847 г., когда связи Гончарова съ Майковыми уже носили совѣтъ иной характеръ. Въ концѣ же тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ — періодъ наиболѣе тѣсныхъ отношеній Гончарова къ дому Майковыхъ, — общее направленіе дома можетъ быть охарактеризовано тѣмъ, что именно тогда были написаны Аполлономъ Майковымъ его антологическія пьесы, имѣющія въ основѣ своей такое замѣчательное эпическое спокойствіе.

Гончаровъ былъ домашнимъ учителемъ въ семьѣ Майковыхъ. Онъ давалъ уроки латинскаго языка, риторики и піитики, сна-

чала Аполлону, а затѣмъ Валеріану. Въ высоко-интеллигентномъ домѣ Майковыхъ издавался рукописный журналъ «Лунныя Ночи», въ которомъ принимали участіе члены семьи и ихъ знакомые. Здѣсь Гончаровъ помѣстилъ повѣсть «Счастливая ошибка». Впрочемъ, по нѣкоторымъ указаніямъ онъ еще студентомъ помѣстилъ въ «Телескопъ» 1832 г. переводъ романа Эжеша Сю «Атаръ Гюль».

Съ кружкомъ Бѣлинскаго Гончаровъ познакомился только въ 1846 г., благодаря «Обыкновенной исторіи», которая была прочтена знаменитымъ критикомъ еще въ рукописи и привела его въ необычайный восторгъ. Но это знакомство не было основано на настоящей, органической связи. Если мы обратимся къ воспоминаніямъ Гончарова о Бѣлинскомъ, мы увидимъ, что между ними во многихъ существенныхъ вопросахъ была цѣлая пропасть, что они расходились во многихъ важнѣйшихъ воззрѣніяхъ общественныхъ, этическихъ и политическихъ. Въ 1846 г. Бѣлинскій былъ въ разгарѣ своихъ увлеченій идеями, шедшими къ намъ въ то время изъ Франціи, — изъ Франціи Луи-Блана и Ледрю-Роллена. Врагъ всякихъ крайностей, Гончаровъ, при всемъ своемъ искреннемъ уваженіи къ Бѣлинскому, всего менѣе увлекался этими идеями, не увлекался даже самымъ сравнительно слабымъ выраженіемъ ихъ — жоржъ-зандизмомъ.

«Обыкновенная исторія», появившаяся въ «Современникѣ» 1847 г., имѣла успѣхъ необычайный и вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщій. Романъ нравился всемъ слоямъ читающей публики. Если Бѣлинскій и его друзья восхищались реализмомъ романа, то не менѣе восхищались имъ люди противоположнаго направленія: люди умѣренности и размѣренности съ удовольствіемъ видѣли, что настроеніе ихъ поддержано талантомъ сильнымъ, молодымъ и много обѣщающимъ. Романомъ восхищались даже такія сферы, куда русская книга и попадала-то рѣдко. Въ одномъ изъ писемъ къ Василию Боткину, Бѣлинскій пишетъ: «повѣсть Гончарова произвела въ Питерѣ фуроръ. Успѣхъ неслыханный! Все міѣнія слились въ ея пользу. Даже свѣтлѣйшій князь Волконскій изъявилъ Панаеву свое удовольствіе».

Но фактъ самый поразительный — «Сѣв. Пчела», ярая ненавистница такъ-называемой «натуральной школы», считавшая Гоголя русскимъ Поль-де-Кокомъ, отнеслась крайне благосклонно къ дебютанту, несмотря на то, что романъ былъ написанъ по всемъ правиламъ непанвистной Булгарину школы.

Такимъ образомъ, 35 лѣтъ, которыя Гончаровъ имѣлъ въ

запасѣ, когда писалъ «Обыкновенную исторію», оказали большое вліяніе на первые шаги литературной карьеры нашего писателя. Никого не задѣвая, избѣгая задора, который свойственъ юности и людямъ перваго темперамента, того задора, который больше всего злитъ и бѣситъ старое поколѣніе,—Гончаровъ не нажилъ себѣ враговъ и сталъ всеобщимъ любимцемъ публики.

Въ 1852 г. Гончаровъ попадаетъ въ экспедицію адмирала Путятина, отправляющагося въ Японію для того, чтобы завязать сношенія съ этою, тогда еще недоступною для иностранцевъ страной. Гончаровъ былъ прикомандированъ къ экспедиціи въ качествѣ секретаря. Съ пути онъ писалъ своимъ друзьямъ письма, которыя во второй половинѣ 50-хъ годовъ печатались въ разныхъ журналахъ и затѣмъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 2 томахъ подъ заглавіемъ «Фрегатъ Паллада».

Возвратившись изъ путешествія, на половину прерваннаго наступившею восточною войною, Гончаровъ усердно берется за «Обломова», который появился въ свѣтъ въ 1858 г. въ «Отеч. Запискахъ». Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія. «Нужно было жить въ то время»,—говоритъ одинъ изъ свидѣтелей этого успѣха, А. М. Скабичевскій:—«чтобы понять, какую сенсацію возбудилъ романъ въ публикѣ и какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ онъ на все общество. Онъ, какъ бомба, упалъ въ интеллигентную среду».

Еще въ 1856 г. Гончаровъ перешелъ на службу въ цензурное вѣдомство, гдѣ въ 1863 г. дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1862 г. онъ нѣсколько мѣсяцевъ редактировалъ официальную «Сѣверную Почту». Въ 1869 г. появился на страницахъ «Вѣстника Европы» третій большой романъ нашего писателя—«Обрывъ».

Въ концѣ 1867 г. Гончаровъ вышелъ въ отставку. Написалъ онъ съ тѣхъ поръ лишь нѣсколько небольшихъ этюдовъ («Милліонъ терзаній», «Литературный вечеръ», «Замѣтки о личности Вѣлинскаго», «Лучше поздно, чѣмъ никогда», «Воспомнанія», «Слуги», «Превратность судьбы», «Май мѣсяцъ въ Петербургѣ»). Тихо и замкнуто провелъ онъ остатокъ своей жизни въ небольшой квартирѣ, изъ 3-хъ комнатъ, на Моховой, гдѣ онъ и умеръ 15-го сентября 1891 г. Похоронили его въ Александровской лаврѣ.

Гончаровъ не былъ женатъ и литературную собственность свою завѣщалъ семьѣ своего стараго слуги.

Таковы несложныя рамки долгой и не знавшей пикарихъ

сильных потрясеній жизни автора «Обыкновенной исторіи» и «Обломова». И именно эта-то безмятежная ровность, которая сквозила и въ наружности знаменитаго писателя, породила въ публикѣ убѣжденіе, что изъ всѣхъ созданныхъ имъ типовъ Гончаровъ ближе всего подходитъ къ Обломову. Поводъ къ такому предположенію далъ онъ самъ. Онъ былъ очень склоненъ выставить себя Обломовымъ. Помните эпилогъ «Обломова»:

«Шли по деревяннымъ тротуарамъ, на Выборгской сторонѣ, два господина. Одинъ изъ нихъ былъ Штольцъ, другой, его пріятель, литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами».

Изъ дальнѣйшаго оказывается, что апатичный литераторъ, бесѣдующій со Штольцомъ «лѣниво зѣвая», — есть никто иной, какъ самъ авторъ романа.

Во «Фрегатѣ Палладѣ» Гончаровъ восклицаетъ: «Видно, мнѣ по роду написано быть самому лѣнивымъ и заражать лѣнью все, что приходитъ въ соприкосновеніе со мною».

Несомнѣнно, самого себя вывелъ проницески Гончаровъ въ лицѣ пожилого беллетриста Скудельникова изъ «Литературнаго Вечера». Скудельниковъ «какъ сѣлъ, такъ и не пошевельнулся въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза, взглядывалъ на чтеца и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ, и вообще ко всему вокругъ себя».

Наконецъ, въ авторской повѣди своей—«Лучше поздно, чѣмъ никогда», Гончаровъ прямо заявляетъ, что образъ Обломова не только результатъ наблюденія окружающей среды, но и результатъ самонаблюденія.

И на другихъ Гончаровъ съ перваго раза производилъ впечатлѣніе Обломовъ. Извѣстный итальянскій историкъ литературы Анджело-де-Губернатисъ, очевидно, лично его знавшій, такимъ образомъ описываетъ вышній видъ романиста въ своемъ «Dizionario dei scrittori contemporanei»: «Средняго роста, плотный, медленный въ походкѣ и во всѣхъ своихъ движеніяхъ, съ безстрастнымъ лицомъ и какъ бы неподвижнымъ (spento) взглядомъ, онъ кажется совершенно безучастнымъ къ суетливой дѣятельности бѣднаго человѣчества, которое копошится вокругъ него».

Не будемъ, однакоже, увлекаться этимъ вышнимъ впечатлѣніемъ, какъ не увлекается имъ и де-Губернатисъ, тутъ же

немедленно прибавляющій: «и все-таки ни одна малѣйшая мелочь не ускользаетъ отъ его прощипательнаго взора».

Нѣтъ, Гончаровъ не Обломовъ. Для этого имѣются вполне убѣдительныя доказательства даже во внѣшнихъ фактахъ его жизни. Ну какой же это Обломовъ, который полѣтка тому назадъ рѣшился пуститься въ то дальнее плаваніе, результатомъ котораго явился «Фрегатъ Паллада». Въ настоящее время, при огромныхъ усовершенствованіяхъ морской техники, совершить кругосвѣтное плаваніе, въ концѣ концовъ, не Богъ вѣсть что такое. Но сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, на парусномъ кораблѣ, съ возможностью заштилѣть на экваторѣ, съ возможностью при первой сильной бурѣ потерять мачты и стать, при отсутствіи паровой машины, безпомощною игрушкою океанскихъ волнъ— для всего этого нужна была рѣшительность, всего менѣе напоминающая Обломова. Въ 1852 г. кругосвѣтное плаваніе составляло эффектное мѣсто даже въ формулярѣ профессиональнаго моряка.

Всего менѣе Обломовымъ назовемъ мы Гончарова и тогда, когда ознакомимся съ тою тщательностью, съ которою онъ писалъ свои романы, хотя именно за эту тщательность, неизбежно ведущую къ медленности, въ публикѣ и критикѣ было принято упрекать Гончарова въ обломовщину. Совершенно неправильно усматривали авторскую лѣнь тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ была страшно напряженная умственная работа.

Если судить только по внѣшней сторонѣ, то дѣйствительно приходила охота пожурить автора за зарываніе таланта въ землю. Внѣшняя сторона такова: въ 1847 г. появился первый романъ Гончарова — «Обыкновенная исторія»; слѣдующій — «Обломовъ», только черезъ 12 лѣтъ, въ 1859 г. Правда, въ промежуткахъ были напечатаны Гончаровымъ въ разныхъ журналахъ отдѣльныя письма изъ кругосвѣтнаго плаванія, которыя, собранныя вмѣстѣ, составили 2 тома «Фрегата Паллады». Но эта работа, такъ-сказать, подневольная: отправился человекъ въ кругосвѣтное путешествіе, такъ нельзя же его не описать. Слѣдующій за «Обломовымъ» романъ — «Обрывъ» появился десять лѣтъ спустя, въ 1869 году. И на этомъ авторъ закончилъ свою дѣятельность, обмолвившись съ тѣхъ поръ только нѣсколькими небольшими очерками полубеллетристическаго и критическаго характера.

Конечно, перечень не обширный для такого первокласснаго таланта, какъ Гончаровъ, и для восьмидесяти лѣтъ жизни. Сверст-

ники Гончарова—Тургеневъ, Достоевскій, Писемскій меньше его жили, а написали больше.

И все же, если мы приедем ближе къ дѣлу, то не преминемъ убѣдиться, что авторская лѣнь тутъ рѣшительно ни при чемъ.

Гончаровъ написалъ три романа. *Количество*, дѣйствительно небольшое. Но что же собою представляютъ эти три романа по области *воспроизведенія*? Мы тутъ оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о мастерствѣ исполненія, чего у тѣхъ писателей, которыхъ мы сейчасъ сопоставили съ Гончаровымъ, не меньше же. Нѣтъ, мы говоримъ только о широтѣ захвата, о количествѣ беллетристическаго матеріала, заключающагося въ трехъ романахъ Гончарова. Еще Вѣлинскій говорилъ о немъ: «Что другому стало бы на десять повѣстей, у Гончарова укладывается въ одну рамку». У Гончарова нѣтъ второстепенныхъ вещей, которыя занимаютъ добрую половину даже у Тургенева, не говоря уже о Достоевскомъ и Писемскомъ.

Между живописцами есть такіе, которые могутъ писать только огромные холсты. Гончаровъ—изъ ихъ числа. Каждый изъ его романовъ задуманъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, каждый старается воспроизвести цѣлыя періоды, цѣлыя полосы русской жизни. Много такихъ вещей, слѣдовательно, нельзя писать, если не впадать въ повторенія и не выходить за предѣлы реального романа, т. е. воспроизводить только то, что авторъ самъ видѣлъ и наблюдалъ. Въ обоихъ Адуевыхъ, въ Обломовѣ, въ Штольцѣ, въ бабушкѣ, наконецъ, въ Вѣрѣ и Маркѣ Волоховѣ (въ послѣднихъ двухъ, правильно или неправильно, это все равно въ данномъ случаѣ)—Гончаровъ исчерпалъ все крупное въ психологій цѣлага полувѣка русской жизни. Путемъ необыкновенно напряженного художественнаго синтеза онъ въ этихъ немногихъ лицахъ воплотилъ все тѣ характерныя черты пережитыхъ имъ періодовъ русскаго общественнаго развитія, которыя онъ считалъ дѣйствительно характерными, основными. А на миниатюры, на отдѣльное воспроизведеніе мелкихъ явленій и лицъ, если они не составляютъ необходимыхъ аксессуаровъ общей широкой картины, онъ не былъ способенъ по основному складу своего болѣе синтетическаго, чѣмъ аналитическаго таланта. И только оттого полное собраніе его сочиненій сравнительно менѣе объемисто. Но попробуйте выбросить изъ Писемскаго все тѣ слабыя вещи, которыя онъ написалъ въ послѣднія 20 лѣтъ своей литературной дѣятельности, вещи, въ родѣ «Игрока», написаннаго неключи-

тельно потому, что кредиторы брата не давали покоя своими назойливыми приставаіями, — попробуйте выбросить всё эти, не скажу даже плохія, а случайныя и второстепенныя по замыслу, по своему авторскому намѣренію, произведенія — и вы получите не больше, но даже меньше того, что дано Гончаровымъ. Повторяю еще разъ, не вслѣдствіе обломовщины, а исключительно вслѣдствіе прямого неумѣнья писать второстепенныя вещи, отъ которыхъ всегда бухнутъ полныя собранія сочиненій другихъ писателей, Гончаровъ, прожившій 79 лѣтъ, написалъ не много для такого долгаго литературнаго вѣка. «Напрасно просили», — рассказываетъ онъ въ авторской исповѣди: — «моего сотрудничества въ качествѣ рецензента или публициста: я пробовалъ и ничего не выходило, кромѣ блѣдныхъ статей, уступавшихъ всякому бойкому перу привычныхъ журнальныхъ сотрудниковъ».

Но когда этотъ же Гончаровъ въ «Милліонѣ терзаній» взялся хотя и за критическую, но все-таки обширную тему, — за разборъ «Горе отъ ума», то получилась рѣшительно крупная вещь. Въ небольшомъ этюдѣ, на пространствѣ немногихъ страницъ, разѣяно столько ума, вкуса, глубокомыслія и пронизательности, что его нельзя не причислить къ лучшимъ плодамъ творческой дѣятельности Гончарова. Въ немъ брошенъ совершенно новый взглядъ на характеръ Чацкаго, взглядъ, который до извѣстной степени вытѣснилъ прежніе взгляды на Чацкаго Пушкина и Вѣлинскаго.

Итакъ, мы еще разъ наглядно убѣждаемся, до какой степени талантъ Гончарова только тогда и можетъ развернуться во всемъ своемъ объемѣ, когда предъ нимъ какая-нибудь большая задача. Но часто браться за большія задачи нельзя, какъ бы ни былъ великъ запасъ творческихъ силъ.

Принято удивляться Флоберу за необыкновенную тщательность въ обдумываніи и разработываніи своихъ произведеній. Но едва ли цѣною меньшей интенсивности въ работѣ достались Гончарову его произведенія. Въ публикѣ было распространено мнѣніе, что Гончаровъ напишетъ романъ, а потомъ десять лѣтъ отдыхаетъ. Это совершеннѣйшее заблужденіе. Промежутки между появленіями романовъ были наполнены у Гончарова сильнѣйшею, хотя и не осязательною, но все-таки творческой работой. Если его герои такъ выпукло и заковченно обрисованы, то только потому, что по десяти и по двадцати лѣтъ выпанивалъ онъ въ душѣ свои образы. «Обломовъ» появился въ 1859 г., по заду-

манъ онъ былъ и набросанъ въ программѣ тотчасъ же послѣ «Обыкновенной исторіи», въ 1847 году. «Обрывъ» напечатанъ въ 1869 г., но концепція его и даже наброски отдѣльныхъ сценъ и характеровъ относятся еще къ 1849 г. Какъ только какой-нибудь сюжетъ завладѣвалъ воображеніемъ нашего писателя, онъ тотчасъ начиналъ набрасывать отдѣльные эпизоды, сценки, характеры, читалъ ихъ своимъ знакомымъ и притомъ не только цѣлителямъ, но и вообще знакомымъ. Все это до такой степени его переполняло и волновало, что онъ «изливался всѣмъ, кому попало», выслушивалъ мнѣнія, спорилъ. Затѣмъ начиналась связанная работа. Появляются цѣлыя законченныя главы, которыя даже отдаются въ печать. Такъ, напр., одно изъ центральныхъ мѣстъ «Обломова» — «Сонъ Обломова» появился въ печати десятью годами раньше появленія всего романа (въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ» 1849 г., разосланномъ въ видѣ преміи подписчикамъ «Современника»). Отрывки изъ «Обрыва» появились въ свѣтъ за 8 лѣтъ до появленія всего романа. А главная работа тѣмъ временемъ продолжается «идти въ головѣ», и фактъ глубоко любопытный: «лица не даютъ покоя, пристають, позируютъ въ сценахъ». «Я слышу», — рассказываетъ Гончаровъ: — «отрывки ихъ разговоровъ, и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться». Чтобы оцѣнить все значеніе этого поразительнаго факта, нужно принять во вниманіе крайне ровный, отнюдь не нервный, темпераментъ Гончарова. У Достоевскаго подобныя галлюцинаціи были бы однимъ изъ многочисленныхъ проявленій его болѣзненной психики. Но у Гончарова эти галлюцинаціи — были исключительно результатомъ необыкновенно сильнаго живанія автора съ создаваемыми имъ лицами. Они до того имъ были обдуманы во всѣхъ деталяхъ, что самый актъ писанія становился для него вещь второстепенною. Годами обдумывалъ онъ свои романы, но писалъ ихъ недѣлями. Вся вторая часть «Обломова», напр., написана имъ въ пять недѣль пребыванія въ Мариенбадѣ. Гончаровъ писалъ ее, не отходя отъ стола. И это не только съ «Обломовымъ». Какъ только онъ путемъ многолѣтняго обдумыванія окончательно осваивался съ своимъ сюжетомъ, осваивался, такъ сказать, до бреда наяву, онъ тотчасъ брался за работу, и она шла у него живо, бодро, рука едва успѣвала писать.

Неужели все это обломовщина, а не разительный при-

мѣръ необыкновенно законченнаго творчества, плоды котораго появляются на свѣтъ только тогда, когда они окончательно созрѣли?

Такимъ образомъ ходячее представленіе о Гончаровѣ какъ объ Обломовѣ даетъ совершенно ложное представленіе о немъ. Дѣйствительная основа его характера, обусловившая собою и весь ходъ его творчества — вовсе не апатія, а *уравновѣшенность*. Отнюдь не флегматичный, Гончаровъ не отъ душевной вялости былъ такъ размѣренъ въ своихъ чувствахъ, а исключительно потому, что созерцательно-спокойное отношеніе ко всему, что происходитъ, есть органическое свойство такихъ натуръ и исключаетъ всякую стремительность въ какую бы то ни было сторону, хорошую и дурную. Это и сдѣлало его корифеемъ «объективнаго» романа.

Но, безспорно, лучшимъ источникомъ для изученія темперамента нашего писателя можетъ намъ послужить «Фрегатъ Паллада» — книга, являющаяся дневникомъ душевной жизни Гончарова за цѣлыхъ два года, притомъ проведенныхъ при наименѣе будничной обстановкѣ. Путешествіе въ дальнія страны было для Гончарова осуществленіемъ одного изъ самыхъ сильныхъ душевныхъ желаній. Съ самаго ранняго дѣтства, начитавшись путешествій Мунго-Парка, Крашенинникова, Палласа, Кука и множества другихъ, наслушавшись кромѣ того рассказовъ своего крестнаго отца — стараго моряка, Гончаровъ всю жизнь лелѣялъ мечту увидѣть собственными глазами чудеса отдаленныхъ странъ и морей. «Избалованнѣйшій изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ городскою жизнью», какъ онъ самъ себя рекомендуетъ въ первой главѣ «Фрегата Паллады», Гончаровъ никогда бы не сталъ хлопотать о томъ, чтобы попасть въ далекую экспедицію адмирала Нутятна, если бы это не было осуществленіемъ пламенной грезы дѣтства, «тайнственно мапившей» его съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни самому посмотрѣть «картины тропическихъ лѣсовъ, синяго моря, золотого, радужнаго неба».

И между тѣмъ вспомните общій характеръ «Фрегата Паллады» — этой книги, написанной такъ умно, занимательно, блестяще и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ спокойно. Разбросанныя по книгѣ картины тропической природы мѣстами, на примѣръ въ знаменитомъ описаніи заката солнца подъ экваторомъ, возвышаются до истинно-поразительной роскоши красокъ, до истинно-ослѣпительной красоты. Но красоты какой? Спокойной и торжественной. Когда «Паллада» шла Индійскимъ океаномъ, надъ нею разлился

ураганъ «во всей формѣ». Спутники, естественно полагавшіе, что Гончаровъ захочетъ описать такое, хотя и грозное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величественное явленіе природы, звали его на палубу. Но, комфортабельно усѣвшись на одно изъ немногихъ покойныхъ мѣсть въ каютѣ, онъ не хотѣлъ даже смотрѣть бурю и почти насильно былъ выгнать наверхъ.

— Какова картина? — спросилъ его капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.

— Безобразіе, безпорядокъ, — отвѣчалъ онъ, главнымъ образомъ занятый тѣмъ, что долженъ былъ уйти «весь мокрый въ каюту, переобуться и переодеться».

Любопытно вообще приемотрѣться, чему больше всего удѣлено мѣста въ «Фрегатѣ Палладъ». Исключите тѣ страницы, которыя посвящены описаніямъ красотъ природы, и вы получите преимущественно жапровыя наблюденія. Куда бы авторъ ни прѣхалъ, на мысъ Доброй Надежды, въ Сингапуръ, на Яву, въ Японію, — его почти исключительно занимаютъ жанровые типы. Попавъ въ Лондонъ въ день замѣчательно пышныхъ похоронъ герцога Веллингтона, взбудоражившихъ всю Англію, онъ «нетерпѣливо ждалъ другого дня, когда Лондонъ выйдетъ изъ ненормальнаго положенія и заживетъ своею обычною жизнью». «Многіе обрадовались бы видѣть такой необыкновенный случай», — вѣрно замѣчаетъ по этому поводу Гончаровъ: — «но мнѣ улыбался завтрашній будничный день». Точно также «довольно равнодушно» нашъ путешественникъ «пошелъ велѣдъ за другими въ британскій музей, по сознанію только необходимости видѣть это колоссальное собраніе рѣдкостей и предметовъ знанія». Но его не удержио «тянуло все на улицу». «Съ неспытаннымъ наслажденіемъ», — рассказываетъ далѣе Гончаровъ: — «я вглядывался во все, заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ дома, уходилъ въ предмѣстья, на рынки, смотрѣлъ на всю толпу и на каждаго встрѣчнаго отдѣльно. Чѣмъ смотрѣть на сфинксы и обелиски, мнѣ лучше нравится простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и смотрѣть, какъ встрѣтятся два англичанина, сначала попробуютъ оторвать другъ у друга руку, потомъ освѣдомятся взаимно о здоровьи и пожелаютъ одинъ другому всякаго благополучія; съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, какъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою питею, или какъ вся эта цѣпь мгновенно

онѣмѣть, лишь только полисмень съ тротуара подниметь руку. Въ тавернахъ, въ театрахъ—вездѣ пристально смотрю, какъ и что дѣлають, какъ веселятъ, ѣдятъ, пьютъ».

Этотъ необычайный интересъ къ мелочамъ ежедневной жизни и сдѣлалъ изъ Гончарова первокласснаго жанриста.

Вспомните, въ заключеніе, вѣчно юную эстетическую примѣту—*le style c'est l'homme*, и мы получимъ еще одну яркую черту для характеристики уравновѣшенности Гончарова. Слогъ Гончарова удивительно плавень и ровень, безъ сучка и задоринки. Нѣтъ въ немъ меланхолическихъ топовъ Тургенева, колоритныхъ словечекъ Писемскаго, нервнаго нагроможденія первыхъ попавшихся выраженій Достоевскаго. Гончаровскіе періоды округлы, построены по вѣснмъ правиламъ синтаксиса, и нѣтъ у него своего синтаксиса, своей грамматики, какъ у другихъ писателей нервнаго темперамента. Слогъ Гончарова сохраняетъ всегда одинъ и тотъ же темпъ, не ускоряясь и не замедляясь, не ударяясь ни въ пафосъ, ни въ негодованіе. Словомъ, это такой же «объективный» слогъ, какъ объективно творчество Гончарова, такой же ровный слогъ, какъ ровень весь художественный темпераментъ автора «Обыкновенной исторіи»: несомнѣнная красота его напоминаетъ красоту мраморной красавицы Бѣловодовой изъ «Обрыва».

Весь этотъ огромный запасъ художественной безмятежности, нелюбви къ «безпорядку» и предпочтенія обыденнаго экстравагантному не могъ не привести къ тому, что типы Гончарова стоятъ обособленно въ ряду типовъ, созданныхъ другими представителями его литературнаго поколѣнія. Бросимъ общій взглядъ на нихъ и начнемъ съ того общественнаго теченія, которое воспроизведено Гончаровымъ въ «Обыкновенной исторіи».

Эпоха конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, или—назовемъ ее для краткости—эпоха Бѣлинскаго, въ наше время является синонимомъ идеализма и витанія въ сферахъ абстракціи. Но если вы на нее взглянете съ исторической точки зрѣнія, сравнивъ ее съ предшествовавшимъ періодомъ двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, вы должны будете совершенно иначе отнестись къ ней. *Исторически* главною чертою эпохи Бѣлинскаго является не туманный идеализмъ, а какъ разъ наоборотъ—стремленіе къ реализму, отрѣшеніе отъ прежняго игнорирования жизни, отъ того напыщеннаго риторства, которое составляетъ характерную особенность литературы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: Марлинскихъ, Вуколышниковъ и имъ подобныхъ.

Исчезаетъ презрѣніе къ живой дѣйствительности, является стремленіе ближе ознакомиться съ жизнью, настоящею жизнью, а не фантомами, созданными разнузданнымъ воображеніемъ романтической школы. Намъ трудно иногда распознать это стремленіе къ реализму. Повѣсти Григоровича, напримѣръ, въ настоящее время считаются въ критикѣ сентиментальными, очень честными по замыслу, но мало реальными по исполненію; его крестьянъ даже не иначе называютъ какъ «пейзанами», желая этимъ сказать, что они мало напоминаютъ заправскихъ русскихъ мужичковъ. Но для своего времени, для литературы, все еще переполненной повѣстями, въ которыхъ фигурировали одни только графы да князья, выразившіе длиннѣйшими, изысканно-отточенными тирадами изысканно-топкія и деликатныя чувствованія и ощущенія, для литературы, въ которой Гоголь и его послѣдователи, такъ-называемая «натуральная школа» все еще составляла предметъ суевѣрнаго ужаса, для этой литературы пейзажи Григоровича были новшествомъ, шагомъ впередъ по пути къ реализму, рѣшительнымъ стремленіемъ установить живую связь между искусствомъ и дѣйствительностью. Въ той, можно сказать, ярости, съ которою Бѣлинскій преслѣдовалъ Кукольника, и вообще во всѣхъ своихъ нападкахъ на напыщенность и чопорность враждебнаго лагеря, онъ для своего времени являлся знаменосцемъ, провозвѣстникомъ той новой полосы русской литературы, которая поразила Европу своимъ реализмомъ. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Островскій, Некрасовъ, гр. Л. Толстой, Достоевскій — все это умственные дѣти Бѣлинскаго, которыхъ онъ научилъ уважать и понимать великаго основателя русскаго реализма, Гоголя.

Глубоко былъ правъ, поэту, Гончаровъ, когда, рѣшивъ отразить въ своемъ первомъ романѣ эпоху 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, онъ понималъ ее какъ эпоху «ломки старыхъ понятій и нравовъ — сентиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви», какъ эпоху, протестующую противъ прежней «праздности», семейной и домашней лжи, напускныхъ, въ сущности небывалыхъ «чувствъ», противъ прежней «мечтательности и аффектаціи», какъ «зарю чего-то трезваго, дѣловаго, нужнаго».

Да, несомнѣнно, эта новая заря занималась, но занималась она только въ умалъ и сердцахъ. Жизнь же, реальная дѣйствительность, стояла неподвижно въ старыхъ рамкахъ. Отсюда тотъ трагическій разладъ, который составляетъ основную черту

психологии наиболѣ выдающихся представителей поколѣнія сороковых годовъ. Линніе люди, Рудины, Лаврецкіе, Бельтовы, герои Некрасовской «Саша», которые

... по свѣту рыцуютъ,
Дѣла себѣ исполнскаго щуютъ,

все это жертвы рокового несоотвѣтствія дѣйствительности и идеала, роковой невозможности сыскать себѣ дѣятельность по душѣ.

Но все это, вмѣстѣ съ тѣмъ, люди, стоящіе на *вершинѣ* духовнаго сознанія своей эпохи, меньшинство, люди, такъ сказать, *необыкновенные*, рядомъ съ которыми должны же были существовать и люди *обыкновенные*. Последнихъ-то въ лицѣ Адуева-дяди Гончаровъ и изобразилъ въ своемъ романѣ, при чемъ, однако, нисколько не какъ *противоположность* меньшинству, а какъ людей, примыкающихъ къ новому теченію, но только *безъ стремительности*.

Относительно этого основнаго намѣренія автора «Обыкновенной исторіи» долго господствовало одно существенное недоразумѣніе. Несмотря на то, что Вѣлинскій при разборѣ «Обыкновенной исторіи» отнесся очень благосклонно къ личности Адуева-дяди и нашелъ въ немъ множество похвальныхъ качествъ, этотъ типъ, ни въ эпоху появленія романа, ни позже, не привлекъ къ себѣ симпатій. За исключеніемъ Вѣлинскаго, большинство критиковъ подозрительно отнеслось къ «положительности» старшаго Адуева. На этой подозрительности сходятся критики самыхъ противоположныхъ лагерей. Писаревъ и Аполлонъ Григорьевъ, А. М. Скабичевскій и Орестъ Миллеръ—все въ житейской философіи «трезваго» дяди усматриваютъ карьеризмъ по преимуществу. Мало того, даже «Сѣверная Пчела», разбирая въ 1847 году только-что появившуюся «Обыкновенную исторію», сочла пужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту идеализма отъ «трезваго» взгляда на него чиновнаго дядюшки. Вообще можно сказать, что какъ публика, такъ и критика не видѣла безусловной разницы между нравственною личностью Адуева и Фамусова. Самого автора, поэтому, большинство читателей предпочитало видѣть въ племянникѣ, конечно, до его превращенія въ дядю.

Но съ появленіемъ авторской исповѣди Гончарова («Лучше поздно, чѣмъ никогда») отношеніе къ старшему Адуеву должно

значительно измѣниться. Дѣло въ томъ, что въ этой исповѣди авторъ, комментируя свои творческія намѣренія, прямо заявляетъ, что въ лицѣ Адуева-дяди онъ отнюдь не хотѣлъ вывести типъ отрицательный. Такимъ образомъ, въ пониманіе типа Адуева вносится существенная поправка. Я этимъ не хочу сказать, что поправка должна быть внесена въ *наше* пониманіе типа Адуева. Мы-то, пятьдесятъ лѣтъ спустя, ушедши впередъ въ своихъ идеалахъ, вольны и не усматривать свой идеалъ въ трезвости Адуева и даже относиться къ ней отрицательно. Но если мы хотимъ понять Адуева исторически,—а всякій типъ только и можно вполне понять, когда его разсматриваешь въ связи съ условіями времени,—то мы непременно должны взглянуть на него и сквозь призму авторскихъ намѣреній. И тогда-то намъ станеть, между прочимъ, понятнымъ благосклонное отношеніе къ Адуеву Вѣлинскаго. Неужели же Вѣлинскій, да еще Вѣлинскій 1846 года, весь переполненный стремленіемъ къ переустройству общества на началахъ высшей гуманности, сталъ бы благосклонно относиться къ родственнику по духу Фамусова?

Нѣтъ, по авторскому намѣренію, Адуевъ-дядя представляетъ собою явленіе прогрессивное. Въ его лицѣ Гончаровъ хотѣлъ отразить первое «мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоємъ».

«Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ,— читаемъ мы дальше:— отразилась тогдашняя, только-что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ — сентиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзіи праздности, семейной и домашней лжи, напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ, пустой траты времени на визиты, на непужное гостепріимство и т. д., словомъ всей праздной, мечтательной и аффектаціонной стороны старыхъ нравовъ. Все это отживало, уходило: являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣловаго, нужнаго. Первое, т.-е. старое, исчерпалось въ фигурѣ племянника. Второе, т.-е. трезвое сознаніе *необходимости дѣла, труда, знанія*—выразилось въ дядѣ». Адуевъ, напримѣръ, устраиваетъ заводъ. «Тогда это была смѣлая новизна, чуть-чуть не униженіе; я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи, которыми они сами не занимались. Тайные совѣтники мало на это рѣшались. Чинъ не позволялъ, а званіе купца не было лестно».

Можно различно отнестись къ этому замѣчательно-характерному сближенію «дѣла» и «дѣловитости», но нельзя не признать, что замысль его очень глубока. Заслуга или особенность Гончарова въ томъ, что онъ подмѣтилъ эволюцію общественнаго настроенія въ тѣхъ сферахъ, гдѣ стремительные сверстники его усматривали одну пошлость. Они смотрѣли, говоря словами Адуева, только «на небо», а Гончаровъ внимательнѣйшимъ образомъ вглядывался въ землю. Благодаря послѣднему обстоятельству, между прочимъ, такъ превосходны жанровыя картины «Обыкновенной исторіи»: отъѣздъ молодого Адуева изъ деревни, дворня, благородный приживальщикъ Антошъ Ивановичъ, ключница Аграфена, способная выражать свою любовь только колотушками и неистовою бранью,—все это чудесные плоды реализма, которые никогда не перестанутъ входить во все хрестоматіи и которыми Гончаровъ обязанъ исключительно тому, что умственный взоръ его съ особенною охотою останавливается на явленіяхъ жизни большинства.

Двѣнадцать лѣтъ отдѣляютъ первый романъ Гончарова отъ второго. Много за это время воды утекло, большія перемѣны произошли въ русской общественной жизни. Грозный урокъ крымской войны заставилъ всѣхъ встрепенуться, оглянуться на прошедшее и настоящее, чтобы приготовить себѣ лучшее будущее. 1855 годъ становится рубежомъ между старой и новой Россіей. Но ту сторону остались стремленія къ обуздыванію всякаго самостоятельнаго проявленія мысли, понятія о государствѣ и обществѣ—какъ о враждебныхъ другъ другу элементахъ. Начинается новая пора русской исторіи, полоса пробужденія общественнаго сознанія и общественныхъ силъ. На арену русской исторіи впервые выступаетъ человѣкъ, *гражданинъ* своей родины, а не чиновникъ, офицеръ, помѣщикъ. Русское общественное мнѣніе вырастаетъ въ своемъ собственномъ уваженіи и въ уваженіи къ нему окружающей среды, а это ведетъ къ цѣлому ряду реформъ, быстро слѣдующихъ одна за другою и создающихъ совершенно нныя условія общественнаго и народнаго быта, болѣе согласныя съ истиннымъ представленіемъ о человѣческомъ достоинствѣ. Наступаетъ, однимъ словомъ, та радостная пора, полная самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и упованій, которая не даромъ называется эпохою нашего возрожденія.

Литература, которая въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, есть выразительница духовныхъ силъ родной земли, ярко отражаетъ собою новое теченіе. Ею овладѣваетъ лихорадочное, страстное

возбужденіе, которое, съ одной стороны, порождаетъ новые таланты, а съ другой — придаетъ новыя силы талантамъ, раньше начавшимъ свою творческую дѣятельность. Въ пятилѣтіе 1855—1860 гг. почти вся плеяда писателей сороковыхъ годовъ достигаетъ апогея развитія своихъ творческихъ способностей. Тургеневъ пишетъ «Рудина», «Дворянское гнѣздо», «Наканунъ», Гончаровъ — «Обломова», Островскій — «Грозу», Писемскій — «Тысячу душъ», Тютчевъ, Майковъ, Мей, Щербина, Фетъ, Полонскій поютъ лучшія свои пѣсни.

Что составляетъ главное содержаніе художественной литературы этого знаменательнаго пятилѣтія, медоваго мѣсяца новой эры?

Главнымъ образомъ, подведеніе итоговъ прошлому. Въ воздухѣ носилось нарожденіе совершенно иной поры, иныхъ людей, иныхъ нравовъ. Значитъ, была настоятельная потребность въ суммированіи результатовъ дѣятельности прошлаго поколѣнія, а нетерпѣливая мысль, кромѣ того, побуждала къ гаданіямъ о поколѣніи будущемъ.

Это подведеніе итоговъ и гаданіе о будущемъ шло двумя путями: просто воспроизведеніемъ типовъ отжившаго поколѣнія и затѣмъ путемъ такъ-называемаго «обличенія».

Первымъ путемъ пошелъ Тургеневъ. Рудинъ, Лаврецкій, Михалевичъ послужили надгробными памятниками времени отходящихъ; Елена, Инсаровъ возвѣщали зарю будущаго.

Мало радости испыталъ при этомъ авторъ. Какое оно тамъ ни было, зарываемое въ землю старое поколѣніе, какъ ни ясны и очевидны были его недостатки, какъ ни отчетливо было сознаніе, что на смѣну ему нарождалось новое, лучшее поколѣніе, а все-таки хоронилось *свое* поколѣніе, погребалась собственная молодость. Глухая меланхолія, разлитая по «Рудину», «Дворянскому гнѣзду» — этимъ двумъ отходнымъ поколѣнію сороковыхъ годовъ, безысходная грусть, которая слышится въ напутствіи Лаврецкаго грядущимъ молодымъ силамъ, — имѣютъ свой естественный источникъ въ сознаніи, что и авторская жизнь прожита, что и ему самому «время тлѣть».

Совѣмъ иначе было настроеніе литературы «обличительной». Безпощадно относилась она къ прошедшему и бодро говорила о будущемъ, которое должно вырасти на почвѣ, удобренной гніеніемъ стараго.

Гончаровъ, годами старше Тургенева, какъ это ни странно съ

перваго взгляда, примкнулъ къ бодрому настроенію литературы «обличительной». Онъ хоронилъ «обломовщину» съ такимъ веселымъ чувствомъ, его увѣренность, что на смѣну отжившей обломовщины идетъ новая полоса жизни, была такъ непоколебима, что она была подъ-стать самымъ рьянымъ изъ современныхъ «обличителей», съ такою увѣренностью возвыщавшихъ наступленіе новыхъ временъ. Въ этомъ, опять-таки, ярко сказался бытописатель жизни большинства, которое въ то время не знало никакого унынія.

Для читателя нашихъ дней лучшую часть «Обломова» составляетъ яркая жанровая колоритность этого лучшаго и наиболѣе знаменитаго изъ произведеній Гончарова. Намъ, отошедшимъ почти на полвѣка отъ тревоженій того времени, болѣе всего нравятся мѣста, гдѣ у автора нѣтъ ни малѣйшей охоты что бы то ни было обличить въ Обломовкѣ, гдѣ ни на одинъ уголокъ не наложены болѣе густыя или болѣе свѣтлыя краски. Однакоже освѣщенная картина обломовскаго житья-бытья возстаетъ передъ нами, какъ живая, во всей выпуклости своихъ изумительно-схваченныхъ деталей. Но не эпические совершенства были причиною потрясающаго впечатлѣнія, которое въ свое время произвелъ «Обломовъ»: тайна его колоссальнаго успѣха, повторяемъ, въ условіяхъ той эпохи, въ томъ страстномъ и единомысленномъ желаніи порвать всякія связи съ ненавистнымъ прошлымъ, которымъ характеризуются годы, непосредственно слѣдующіе за Крымскою кампаніей. Нужно было яркое воплощеніе нашей апатіи, нужна была кличка для обозначенія нашей дореформенной инертности и косности — и она быстро вошла во всеобщій обиходъ, какъ только Добролюбовъ ее сформулировалъ въ своей знаменитой статьѣ: «Что такое обломовщина». Современныя свидѣтельства сводятся къ тому, что рѣшительно всякій усматривалъ въ себѣ элементы «обломовщины», всемъ казалось, что найдено объясненіе несовершенствъ нашего общественнаго строя, всякій съ ужасомъ отворачивался отъ перспективы столь же бесплодно и безславно пройти жизненное поприще, какъ герой Гончаровскаго романа, всякій давалъ клятву истребить въ себѣ все слѣды этого сходства.

Всего десять лѣтъ отдѣляютъ «Обломова» отъ «Обрыва». Но страшная перемѣна произошла за этотъ короткій срокъ въ русскомъ обществѣ. Гордо и задорно выступило новое поколѣніе на арену общественной жизни и въ какіе-нибудь три-четыре года порвало всякія связи съ прошлымъ. Отъ недавняго единомыслія

не осталось и малѣйшаго слѣда. Общественная мысль раздѣлилась на рѣзко-враждебныя теченія, не желавшія имѣть что-либо общее другъ съ другомъ, обмѣнивавшіяся угрозами, тяжкими обвиненіями и проклятіями. Поколѣніе, еще такъ недавно считавшее себя носителемъ прогресса, было совершенно оттерто: ему бросали въ лицо упреки въ устарѣлости, отсталости, даже регрессивствѣ. Понятно, что озлобленіе, вызванное этими, въ значительной степени незаслуженными, упреками, было очень велико. Гончаровъ, какъ уже было сказано, никогда не былъ ни либераломъ, ни консерваторомъ, писалъ «объективно» въ то время, когда сверстники его ратовали за поэзію «мести и печали». Но потому-то онъ меньше всего и былъ склоненъ къ снисходительности, когда «Обрывомъ» вмѣшался въ споръ между «отцами» и «дѣтьми».

Руководящая мысль, положенная въ основу романа, получила различное истолкованіе. Въ сферахъ, близкихъ къ «дѣтямъ», на «Обрывѣ» взглянули какъ на памфлетъ противъ молодого поколѣнія; въ сферахъ, близкихъ къ «отцамъ», усмотрѣли, напротивъ того, въ Маркѣ Волоховѣ рѣзкое, но вполне вѣрное изображеніе поваго теченія. Есть и среднее мнѣніе, которое утверждаетъ, что Гончаровъ, съ его глубокимъ умомъ, не могъ *все* поколѣніе шестидесятыхъ годовъ олицетворить въ образѣ циничнаго буяна, не гнушающагося для личныхъ своихъ нуждъ выманивать деньги подложнымъ писемомъ. Рѣчь, по этому пониманію «Обрыва», идетъ только о *нѣкоторыхъ* несимпатичныхъ автору элементахъ движенія шестидесятыхъ годовъ. Въ статьѣ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», въ этой своей авторской повѣди Гончаровъ примкнулъ къ такому толкованію типа Волохова. «Меня крайне удивляло», говоритъ онъ, «какъ могло молодое поколѣніе принять Волохова на свой счетъ, Волоховъ—будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформъ—и туда уложило все силы! Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это Волоховы! Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всехъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы! Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объявляя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго преобразователя! И все это Волоховы! Кому могла придти такая мысль!»

Въ «Обрывѣ» великій жанровый талантъ Гончарова сказался въ лицахъ второстепенныхъ. Бабушка и весь ея антуражъ обрисованы со всею силою изобразительной способности Гончарова. Истиннымъ художественнымъ перломъ является образъ простушки Марѣньки. Въ галереѣ русскихъ женскихъ типовъ живой, схваченный во всей своей, если можно такъ выразиться, прозаической поэзи, портретъ Марѣньки занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

С. Венгеровъ.

Содержание
I. Письма к А. С. Пушкину
II. Письма к А. А. Дельвилю
III. Письма к А. М. Соболеву
IV. Письма к А. П. Сумарокову
V. Письма к А. П. Сумарокову
VI. Письма к А. П. Сумарокову
VII. Письма к А. П. Сумарокову
VIII. Письма к А. П. Сумарокову
IX. Письма к А. П. Сумарокову
X. Письма к А. П. Сумарокову

СОЧИНЕНИЯ

И. А. ГОНЧАРОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА. *)

(КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.)

Я давно положилъ перо и не печаталъ ничего новаго. Такъ думалъ я и закончить свою литературную дѣятельность, полагая, что мое время прошло, а вмѣстѣ съ нимъ «прошли» и мои сочиненія, т.-е. прошла ихъ пора.

Я рѣшился возобновить только изданіе очерковъ кругосвѣтнаго плаванія «Фрегатъ Паллада», по причинамъ, о которыхъ сказано въ предисловіи къ этому изданію. Путешествія въ дальніе концы міра имѣютъ вообще привилегію держаться долѣе другихъ книгъ. Всякое изъ нихъ оставляетъ надолго неизгладимый слѣдъ или колею, какъ колесо, пока дорога не проторится до того, что всѣ колена сольются въ одинъ общій широкій путь. Кругосвѣтнымъ путешествіямъ еще далеко до того.

Другое дѣло—романы и вообще художественныя произведенія слова. Они живутъ для своего вѣка и умираютъ вмѣстѣ съ нимъ; только произведенія великихъ мастеровъ переживаютъ свое время и обращаются въ историческіе памятники.

*) Мы предпосылаемъ эту критическую статью Гончарова всѣмъ другимъ его сочиненіямъ, потому что она полнѣе и лучше всего выясляетъ основную идею трехъ его капитальныхъ романовъ: «Обыкновенная исторія», «Обломовъ» и «Обрывъ».

Прочія, отслуживъ свою службу въ данный моментъ, поступаютъ въ архивъ и забываются.

Я ожидалъ этой участи и для своихъ сочиненій, послѣ того, какъ они выдержали — одни два, другія три издавiя, и не располагалъ, и теперь не имѣю въ виду, печатать ихъ вновь.

Но въ публикѣ, гдѣ еще много живыхъ современниковъ моей литературной дѣятельности, нерѣдко вспоминаютъ и о моихъ романахъ, иногда печатно, и очень часто въ личныхъ обращенiяхъ ко мнѣ.

Одни освѣдомляются, отчего нѣтъ моихъ сочиненiй у книгопродавцевъ? Другiе лестно упрекаютъ меня, зачѣмъ я не пишу ничего новаго, иногда даже предлагаютъ написать о томъ или о другомъ предметѣ, на ту или другую тему, говоря, что отъ меня будто бы ожидаютъ въ публикѣ еще какого-нибудь произведенiя. Третьи — и такихъ болѣе всего — обращаются къ собственному моему взгляду на то или другое изъ моихъ сочиненiй, требуютъ поясненiй о томъ, что я разумѣлъ подъ тѣмъ, что хотѣлъ сказать этимъ; кого или что имѣлъ въ виду, изображая такого-то героя или героиню, вымышленны ли эти лица и событiя, или дѣйствительно они были и т. д. Этимъ вопросамъ нѣтъ конца!

При этомъ, какъ это случалось почти со всѣми писателями, стараются меня самого подводить подъ того или другого героя, отыскивая меня то тамъ, то сямъ, или угадывая тѣ или другiя личности въ герояхъ и героиняхъ. Чаше всего меня видятъ въ Обломовѣ, любезно упрекая за мою авторскую лѣнь и говоря, что я это лицо писалъ съ себя. Иногда же, напротивъ, затруднялись, куда меня дѣвать въ которомъ-нибудь романѣ, напримеръ, въ дядю или племянника въ «Обыкновенной исторiи».

Иные откровенно выражаютъ мнѣ и порицанiе, за то, за другое, за третье, указываютъ слабыя мѣста, находятъ невѣрности, или преувеличенiя, и за все зовутъ меня къ отвѣту. Еще недавно гдѣ-то я видѣлъ въ печати бѣглый критическiй очеркъ моихъ сочиненiй.

А я все думалъ, что если я уже замолчалъ въ печати самъ, то и другіе поговорять-поговорять, да и забудутъ меня съ моими сочиненіями. и потому на обращаемые ко мнѣ вопросы отвѣчалъ что приходило въ голову подъ вліяніемъ минуты, личности вопрошателя и другихъ случайностей.

Но вопросы, освѣдомленія, требованія разъясненій и прочее, не только не прекратились, но, напротивъ, съ появленіемъ новаго изданія «Фрегатъ Паллады», усилились. Постышаю прибавить, что я не утомляюсь и не скучаю этимъ, напротивъ, принимаю какъ выраженія лестнаго вниманія. Меня только иногда затрудняютъ отвѣты, которые я долженъ держать всегда, такъ сказать, наготовѣ, на обращаемые ко мнѣ вопросы, причемъ, конечно, неизбѣжно приходится впадать въ постоянныя повторенія.

Чтобы выйти изъ этого положенія отвѣтчика передъ тѣми или другими читателями за свои сочиненія и ходячаго критика послѣднихъ, и разъ навсегда разъяснить свой собственный взглядъ на мои авторскія задачи, я рѣшился напечатать давно праздно лежавшую въ моемъ портфельѣ нижеслѣдующую рукопись.

Этотъ критическій анализъ моихъ книгъ возникъ изъ предисловія, которое я готовилъ-было къ отдѣльному изданію «Обрыва» въ 1870 году, но тогда, по сказаннымъ въ этомъ очеркѣ причинамъ, не напечаталъ. Потомъ въ 1875 г. я опять возвратился къ нему, кое-что прибавилъ и опять отложилъ въ сторону.

Теперь, пробѣгая его вновь, я нахожу, что онъ можетъ служить достаточнымъ, съ моей стороны, разъясненіемъ и отвѣтомъ почти на всѣ обращаемые ко мнѣ съ разныхъ сторонъ и лично, и печатно, вопросы, иногда лестныя, превеличенныя похвалы, чаще — порицанія, недоразумѣнія, упреки, — какъ относительно общаго значенія моихъ авторскихъ задачъ, такъ относительно и дѣйствующихъ лицъ, подробностей и т. д.

Я отнюдь не выдаю этотъ анализъ своихъ сочиненій за критическій непреложный критерій, не навязываю его никому, и даже предвижу, что во многомъ и многіе читатели, по разнымъ причинамъ, не раздѣлятъ его. Сообщая его, я только желаю, чтобъ они знали, какъ я смотрю на свои романы самъ, и приняли бы его, какъ мой личный отвѣтъ на дѣлаемые мнѣ вопросы, такъ чтобъ затѣмъ не оставалось уже о чемъ спрашивать меня самого.

Ежели читатели найдутъ этотъ мой ключъ къ моимъ сочиненіямъ—невѣрнымъ, то они вольны подбирать свой собственный. Если же бы, противъ моего ожиданія, мнѣ понадобилось издать вновь всѣ мои сочиненія, *то этотъ же анализъ можетъ служить авторскимъ предисловіемъ къ нимъ.*

Я опоздалъ съ этимъ предисловіемъ, скажутъ мнѣ: но если оно не покажется лишнимъ и теперь — то «лучше поздно, чѣмъ никогда»—могу отвѣтить на это.

Со времени появленія романа «Обрывъ» въ 1869 году, мнѣ пришлось прочесть не мало суровыхъ, даже раздражительныхъ приговоровъ въ печати; напротивъ того, въ обществѣ, лично, я встрѣчалъ много сочувствія, выражавшагося въ горячихъ, иногда восторженныхъ, конечно преувеличенныхъ, похвалахъ.

Я получалъ и письма отъ нѣкоторыхъ любителей литературы, наполненныя тѣми же похвалами, которыя всего болѣе относились къ моей «живописи»: и въ «Обрывѣ», и въ другихъ моихъ романахъ находили цѣлыя «галлерей» картинъ, лицъ, портретовъ, за которые хотѣли поставить меня на высокій пьедесталъ въ литературѣ.

Но я, въ отвѣтахъ своихъ и письменно, и устно, уклонялся отъ всякихъ, слишкомъ лестныхъ похвалъ. Эти похвалы имѣли бы для меня гораздо болѣе цѣны, если бы въ моей *живописи*, за которую меня особенно хвалили, найдены были тѣ идеи и вообще все тѣ, чтѣ, сначала

инстинктивно, потомъ, по мѣрѣ того, какъ подвигались мои авторскія работы впередъ, замѣтно для меня самого, укладывалось въ написанные мною образы, картины и простыя, несложныя событія.

Иные не находили, или не хотѣли находить въ моихъ образахъ и картинахъ ничего, кромѣ болѣе или менѣе живо нарисованныхъ портретовъ, пейзажей, можетъ-быть, живыхъ копій съ нравовъ—и только.

За что же тутъ хвалить? Развѣ такъ трудно вообще для таланта, если онъ есть, нагромоздить въ кучу лица провинціальныхъ старухъ, учителей, женщинъ, дѣвицъ, дворовыхъ людей и т. п.? Чтò за заслуга? Все бы это не заслуживало *ni excès d'honneur, ni excès d'indignités*, которыми, т.-е. послѣдними, меня осыпали не скупо, особенно въ печати.

Только когда я закончилъ свои работы, отошелъ отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе и время, — тогда сталъ понятенъ мнѣ вполне и скрытый въ нихъ смыслъ, ихъ значеніе—идея. Напрасно я ждалъ, что кто-нибудь и кромѣ меня прочтетъ между строками и, полюбивъ образы, свяжетъ ихъ въ одно цѣлое и увидитъ, чтò именно говоритъ это цѣлое? Но этого не было.

Могъ бы это сдѣлать и сдѣлалъ бы Вѣлинскій, но его не было. Потомъ, съ наступленіемъ реформъ, на очередь стали другіе вопросы, важнѣе вопросовъ искусства, и отъбенили послѣднее на второй планъ. Все молодое и свѣжее поколѣніе жадно отозвалось на зовъ времени и приложило свои дарованія и силы къ злобѣ и работѣ дня. Было не до эстетическихъ критикъ. А тутъ еще вторгнулось въ общество новое явленіе, такъ-называемый *нигилизмъ*, явленіе сложное — и заглушило, на время конечно, чистый вкусъ, здравыя понятія въ искусствѣ, примѣшавъ къ нему Богъ знаетъ чтò. И критика, какъ и само искусство, отъ крупнаго, мыслящаго и осмысливающаго синтеза, перешла къ мелкому анализу.

И въ огромной толпѣ моихъ лицъ, она также погрузилась въ мелкій анализъ ихъ, не добираясь до синтеза. Читатели терялись въ обширной рамкѣ, останавливаясь, то съ одобреніемъ, то съ порицаніемъ, кто передъ *бабуикою*, кто передъ *Марвинькой*, другіе передъ *Върой*, и почти всё—пятились отъ Волохова, находя его «рѣзкимъ, растрепаннымъ», негоднымъ и ненужнымъ въ романѣ. Многіе видѣли въ немъ—будто бы рѣзкую карикатуру на молодое поколѣніе, другіе пожимали плечами, *удивляясь*, какъ я могъ поставить такого уroda рядомъ съ чистою, изящною *Върой*! Объ этомъ скажу подробно ниже. И тѣмъ покончили, сдавъ дѣло въ архивъ.

Больше ничего. не видѣли—и замолчали. Молчалъ и я. Мнѣ нечего было дѣлать: нельзя было ходатайствовать за свое *дѣтище*, выводить его въ публику, объявлять, что оно такое-сякое, словомъ, рекомендовать. И молчалъ потому, что, если не замѣтили и не нанли того другіе, что замѣчаю и нахожу я самъ, значить, я—слабый художникъ, и образы, и картины мои не говорятъ ничего, кромѣ того, что говорятъ висящіе по стѣнамъ портреты, красивые или некрасивые, похожіе или непохожіе, съ добрыми, злыми, или гордыми лицами—и больше ничего!

Хорошо еще что хвалили за колоритъ, за вѣрность лицъ, за живость пейзажей—и то слава Богу!

Хотѣлъ-было, однако, я, въ 1870 году, сдѣлать нѣсколько возраженій нѣкоторымъ критикамъ, собственно по поводу *Волохова* и *Въры*, защитить ихъ и себя, но раздумалъ, чтобы не напрашиваться на новыя, еще болѣе раздражительные отзывы, нежели какіе обращены были ко мнѣ тогда, именно за то, что будто бы я въ *Волоховѣ* изображалъ представителя новаго поколѣнія! Эти возраженія были предметомъ довольно обширнаго предисловія, которое я намѣревался напечатать при отдѣльномъ изданіи «Обрыва», но отложилъ, говорю я, и возьму оттуда теперь сюда то, что покажется мнѣ умѣстнымъ.

Если молчать столько времени — зачѣмъ же теперь принимаюсь самъ объяснять свою книгу или, лучше сказать, свои книги, потому что придется затронуть мимоходомъ и первые два мои романа, говоря о послѣднемъ, ибо, скажу прежде всего, что они, особенно «Обломовъ» и «Обрывъ», *тѣсно и послѣдовательно связаны между собою*, какъ связаны отразившіеся въ нихъ, какъ въ кантѣ воды, періоды русской жизни.

Пишу прежде всего для тѣхъ, не составляющихъ уже теперь большинства въ обществѣ любителей художественной литературы, которые еще нерѣдко продолжаютъ въ разговорахъ со мною обращаться къ «Обрыву» и среди которыхъ найдется болѣе сочувствія и, слѣдовательно, болѣе чуткости, опредѣлительности и безпристрастія въ оцѣнкѣ — и самыхъ образовъ, и того, что они выражаютъ, если они выражаютъ какой-нибудь другой смыслъ, кромѣ портретнаго сходства и яркости кисти. Если и они не найдутъ ничего, тогда я уже и самъ, послѣ опыта, перестану находить ключъ къ моимъ сочиненіямъ.

Стало-быть, прежде всего мнѣ это нужно для повѣрки себя, правъ я или нѣтъ — и если со мной согласятся и другіе и найдутъ, что я — въ значительной степени правъ, тогда, съ объясненіемъ внутренняго значенія моихъ картинъ, объяснитея само собою и то, въ чемъ собственно состоитъ заслуга *романиста*, если онъ художникъ.

«Художникъ мыслить образами», сказалъ Бѣлинскій — и мы видимъ это на каждомъ шагу, во всѣхъ даровитыхъ романистахъ.

Но какъ онъ мыслить — вотъ давнишній, мудреный, спорный вопросъ! Одни говорятъ — сознательно, другіе — бессознательно.

Я думаю и такъ, и этакъ: смотря по тому, что преобладаетъ въ художникѣ, умъ или фантазія и такъ-называемое сердце?

Онъ работаетъ сознательно, если умъ его тонокъ, наблюдателенъ и преодолеваетъ фантазію и сердце. Тогда идея рѣдко высказывается помимо образа. И если талантъ не силенъ, она заслоняетъ образъ и является тенденціею.

У такихъ сознательныхъ писателей умъ досказываетъ, чего не договариваетъ образъ — и ихъ созданія бывають рѣдко сухи, блѣдны, неполны; они говорятъ уму читателя, мало говоря воображенію и чувству. Они убѣждаютъ, учатъ, вѣряють, такъ-сказать, мало трогая.

И наоборотъ—при избыткѣ фантазій и при—относительно меньшемъ противъ таланта—умѣ, образъ поглощаетъ въ себѣ значеніе, идею; картина говоритъ за себя и художникъ часто самъ увидитъ смыслъ—съ помощью тонкаго критическаго истолкователя, какими, напримѣръ, были Бѣлинскій и Добролюбовъ.

Рѣдко, въ лицѣ самого автора, соединяются и сильный объективный художникъ, и вполнѣ сознательный критикъ.

Да не подумаютъ, что я беру такую роль на себя. Единицы такой величины встрѣчаются весьма рѣдко, хотя большая часть извѣстныхъ литераторовъ конечно обладаютъ и значительною степенью критическаго такта.

Почти всѣ они болѣе или менѣе въ состояніи судить и другихъ, и самихъ себя, какъ ни труденъ вообще судъ надъ собою.

Можетъ-быть и у меня найдется нѣкоторая доля критическаго такта — по крайней мѣрѣ мнѣ случается почти всегда вѣрно опредѣлять значеніе литературныхъ произведеній другихъ: почему же я не могу опредѣлить вѣрно кое-что и въ самомъ себѣ? Безъ сомнѣнія, я рискую быть пристрастнымъ—и, пожалуй, впасть въ самообольщеніе и самовосхваленіе. Но тѣ, которымъ я сообщу мои критическія замѣтки о себѣ, конечно укажутъ мнѣ эту смѣшную черту и просвѣтятъ меня на мой счетъ.

Обращаясь къ любопытному процессу сознательнаго и

безсознательнаго творчества, я о себѣ прежде всего скажу, что я принадлежу къ послѣдней категоріи, т.-е. увлекаюсь больше всего (какъ это замѣтилъ обо мнѣ Бѣлинскій) «своею способностью рисовать».

Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, портретъ, характеръ: я только вижу его живымъ, передъ собою — и смотрю, вѣрно ли я рисую, вижу его въ дѣйствиі съ другими — слѣдовательно, вижу сцены и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполне, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ пока разбросанныя въ головѣ, части цѣлаго. Я слышу, чтобъ не забыть, набрасывать сцены, характеры, на листкахъ, клочкахъ — и иду впередъ какъ будто оцущью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ *Обломовѣ* и *Райскомъ*), и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока вдругъ не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ идти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ — и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что попадется подъ руку, т.-е., что близко относится къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, рука едва успѣваетъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа, между тѣмъ, идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристають, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ — и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться.

Мнѣ, напримѣръ, прежде всего бросался въ глаза лѣтний образъ *Обломова* — въ себѣ и въ другихъ — и все ярче и ярче выступалъ передо мною. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру входятъ мало-по-малу элементарныя свойства русскаго челоуѣка — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру.

Если бъ мнѣ тогда сказали все, что Добролюбовъ и дру-

гіе и, наконецъ, я самъ потомъ нашли въ немъ — я бы повѣрили, а повѣривъ, сталъ бы умышленно усиливать ту или другую черту — и, конечно, испортилъ бы.

Вышла бы тенденціозная фигура! Хорошо, что я не вѣдалъ, что творю!

Въ «Обрывѣ» больше и прежде всего меня занимали три лица: *Райскій, бабушка и Вѣра*, но особенно Райскій. Труднѣе всего было мнѣ вдумываться въ этотъ неопредѣленный, туманный еще тогда для меня образъ, сложный, измѣнчивый, капризный, почти неуловимый, слагавшійся постепенно, съ ходомъ времени, которое отражало на немъ всѣ переливы свѣта и красокъ, т.-е. видоизмѣненія общественнаго развитія. Я долженъ былъ его больше, нежели кого-нибудь, писать инстинктомъ. глядя то въ себя, то вокругъ, безпрестанно говоря о немъ въ кругу тогдашнихъ литераторовъ, повѣряя себя, допрашиваясь ихъ мнѣнія, читая имъ на выдержку отдѣльныя главы, объясняя, что будетъ дальше, чтобъ видѣть, какое впечатлѣніе производитъ онъ, и бодрѣе идти впередъ. И это началось съ 1855 года (романъ задуманъ былъ въ 1849 г., когда я, послѣ 14-лѣтняго отсутствія, пріѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу). Тутъ толпой хлынули ко мнѣ старья, знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патриархальный бытъ, и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспомнанія дѣтства — все это залегло мнѣ въ голову и почти мѣшало кончать «Обломова», котораго написана была первая часть, а остальные гнѣздились въ головѣ. Я унесъ новый романъ, возилъ его вокругъ свѣта въ головѣ и въ программѣ, небрежно написанной на клочкахъ — и говорилъ, рассказывалъ, читалъ вслухъ всѣмъ кому попало, радуясь своему запасу.

Кончилъ «Фрегатъ Палладу», кончилъ, въ 1857 году, за границую на водахъ «Обломова» и тогда же, прямо изъ Маріенбада, поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ засталъ двухъ-трехъ

приятелей изъ русскихъ литераторовъ, и прочелъ имъ только что написанныя въ уединеніи, на водахъ, три послѣднія части «Обломова», за исключеніемъ послѣднихъ главъ, которыя дописалъ въ Петербургѣ, и опять прочелъ ихъ уже тамъ тѣмъ же лицамъ. Послѣ того весь отдался «Обрыву», который извѣстенъ былъ тогда въ кружкѣ нашемъ просто подъ именемъ «Художника».

Приступаю теперь прямо къ тому, что мнѣ видится въ моихъ трехъ романахъ, къ общему ихъ смыслу.

Я упомянулъ выше, что вижу *не три романа, а одинъ*. Всѣ они связаны одною общою нитью, одною послѣдовательною идеею — перехода отъ одной эпохи русской жизни, которую я переживалъ, къ другой — и отраженіемъ ихъ явленій въ моихъ изображеніяхъ, портретахъ, сценахъ, мелкихъ явленіяхъ и т. д.

Прежде всего надо вспомнить и уяснить себѣ слѣдующее положеніе искусства: если образы типичны — они непременно отражаютъ на себѣ — крупнѣе или мельче — и эпоху, въ которой живутъ, оттого они и типичны. То-есть, на нихъ отразятся, какъ въ зеркалѣ, и явленія общественной жизни, и нравы, и бытъ. А если художникъ самъ глубокъ, то въ нихъ проявляется и психологическая сторона. На глубину я не претендую, поспѣшаю замѣтить: и современная критика уже замѣчала печатно, что я не глубокъ.

Я самъ и среда, въ которой я родился, воспитывался, жилъ — все это, помимо моего сознанія, само собою отразилось силою рефлексіи у меня въ воображеніи, какъ отражается въ зеркалѣ пейзажъ изъ окна, какъ отражается иногда въ небольшомъ прудѣ громадная обстановка: и опрокинутое надъ прудомъ небо съ узоромъ облаковъ, и деревья, и гора съ какими-нибудь зданіями, и люди, и животныя, и суета, и неподвижность — все въ миниатюрныхъ подобіяхъ.

Такъ и надо мною, и надъ моими романами совершался

этотъ простой физическій законъ — почти незамѣтнымъ для меня самого путемъ.

Когда я писалъ «Обыкновенную исторію», я, конечно, имѣлъ въ виду — и себя, и многихъ подобныхъ мнѣ учившихся дома, или въ университетѣ, жившихъ по затишьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей, и потомъ — отрывавшихся отъ нѣги, отъ домашняго очага, со слезами, съ проводами (какъ въ первыхъ главахъ «Обыкновенной исторіи») и являвшихся на главную арену дѣятельности, въ Петербургъ.

И здѣсь — въ встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ, мечтателя-племянника съ практическимъ дядей — выразился намекъ на мотивъ, который едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ — въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ — слабое мерцаніе сознанія необходимости *труда*, настоящаго нерутиннаго, *а живого дѣла*, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоємъ.

Это отразилось въ моемъ маленькомъ зеркалѣ въ среднемъ чиновничьемъ кругу. Безъ сомнѣнія то же — въ такомъ же духѣ, тонѣ и характерѣ, только въ другихъ размѣрахъ, разыгрывалось и въ другихъ, и высшихъ, и низшихъ сферахъ русской жизни.

Представитель этого мотива въ обществѣ былъ дядя: онъ достигъ значительнаго положенія въ службѣ, онъ директоръ, тайный совѣтникъ, и кромѣ того онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда, отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ — это была смѣлая новизна, чуть не *униженіе* (я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи и которыми они сами не занимались). Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца — не было лестно.

Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ отразилась и тогдашняя, только-что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ — сентиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и

домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ (напримѣръ, любви съ *желтыми цвѣтами* старой дѣвы тѣтки и т. п.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостепрѣимство и т. д.

Словомъ, вся праздная, мечтательная и аффектаціонная сторона старыхъ нравовъ, съ обычными порывами юности— къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ.

Все это — отживало, уходило; являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣловаго, нужнаго.

Первое, т.-е. старое исчерпалось въ фигурѣ племянника— и оттого онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе.

Второе—т.-е. трезвое сознание необходимости дѣла, труда, знанія, выразилось въ дядѣ— но это сознание только нарождалось, показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія — и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ грушахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника.

Наденька, дѣвушка, предметъ любви Адуева — вышла также отраженіемъ своего времени. Она уже не безусловно покорная дочь передъ волей какихъ бы ни было родителей. Мать ея слаба передъ ней и едва въ состояніи сохранять только *desoign* авторитета матери, хотя и увѣряетъ, что *она строга, даромъ, что молчитъ*, и что будто Наденька ни шагу *безъ нея не ступитъ*. Неправда, она сама чувствуетъ, что слаба и слѣпа до того, что допускаетъ отношенія дочери и къ Адуеву, и къ графу, не понимая въ чемъ дѣло.

Дочь нѣсколькими шагами — впереди матери. Она *безъ спросу* полюбила Адуева— и почти не скрываетъ этого отъ матери или молчитъ только для приличія, считая за собою право распоряжаться по-своему *своимъ внутреннимъ міромъ*

и самимъ Адуевымъ, которымъ, изучивъ его хорошо, овладѣла и командуетъ. Это ея послушный рабъ, нѣжный, безхарактерно-добрый, что-то общающій, но мелко-самолюбивый, простой, обыкновенный юноша, какихъ вездѣ — легионъ. И она приняла бы его, вышла бы замужъ — и все пошло бы обычнымъ ходомъ.

Но явилась фигура графа, сознательно-умная, ловкая, съ блескомъ. Наденька увидала, что Адуевъ не выдерживаетъ сравненія съ нимъ, ни въ умѣ, ни въ характерѣ, ни въ воспитаніи. Наденька въ своемъ быту не приобрѣла сознанія ни о какихъ идеалахъ мужского достоинства, силы, и какой силы?

Тогда ихъ и не было, этихъ идеаловъ, какъ не было никакой русской, самостоятельной жизни. Онѣгины, и подобные ему, вотъ кто были идеалы, т.-е. франты, львы, презиравшіе мелкій трудъ и не знавшіе, что съ собой дѣлать!

Ея достало разглядѣть только, что молодой Адуевъ — не сила, что въ немъ повторяется все, что она видѣла тысячу разъ во всѣхъ другихъ юношахъ, съ которыми танцевала, немного кокетничала. Она на минуту прислушалась къ его стихамъ. Писаніе стиховъ тогда было дипломомъ на интеллигенцію. Она ждала, что сила, талантъ кроются тамъ. Но оказалось, что онъ пишетъ только сносные стихи, но о нихъ никто не знаетъ, да еще дуется про себя на графа за то, что этотъ просто, уменъ и держитъ себя съ достоинствомъ. Она перешла на сторону послѣдняго. Въ этомъ пока и состоялъ *сознательный шагъ русской дѣвушки* — безмолвная эмансипація, протестъ противъ безпомощнаго для нея авторитета матери.

Но тутъ и кончилась эта эмансипація. Она *сознала*, по въ *дѣйствіе своего сознанія не обратила*, а остановилась въ *невѣдѣніи*, такъ какъ и самый моментъ эпохи былъ моментомъ невѣдѣнія. Никто еще не зналъ, что съ собой дѣлать, куда идти, что начать? Онѣгинъ и подобные ему

«идеалы» только тосковали въ бездѣйствіи, не имѣя опредѣленныхъ цѣлей и дѣла, а Татьяны не вѣдали.

— «Что же изъ этого будетъ?»—въ страхѣ спрашиваетъ Наденьку Адуевъ:—«графъ не женится?»

— «Не знаю!»—отвѣчаетъ она въ тоскѣ. И дѣйствительно не знала русская дѣвушка, какъ поступить сознательно и рационально въ томъ или другомъ случаѣ. Она чувствовала только смутно, что ей можно и пора протестовать противъ отдачи *ея замужъ родителями*—и только могла, безсознательно, конечно, какъ Наденька, заявить этотъ протестъ, забракodawъ одного и перейдя чувствомъ къ другому.

Тутъ я и оставилъ Наденьку. Мнѣ она была больше не нужна, какъ тишь, а до нея, какъ до личности, мнѣ не было дѣла.

И Бѣлинскій однажды замѣтилъ это. «Пока ему нужна она, до тѣхъ поръ онъ съ ней и возится!»—сказалъ онъ кому-то при мнѣ:—«а тамъ и бросить!»

А меня спрашивали многіе, что же было съ нею дальше? Почему я знаю? Я *рисовалъ не Наденьку, а русскую дѣвушку известнаго круга той эпохи*, въ известный моментъ. Самъ я никакой одной Наденьки лично не зналъ, или зналъ многихъ.

Мнѣ скажутъ, что какъ ея, такъ и другія фигуры блѣдны—и типовъ собой не образуютъ! очень можетъ быть—объ этомъ я спорить не могу. Я только говорю, что самъ подъ ними разумѣлъ.

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда задумывался и писался этотъ романъ, я еще не могъ вполне ясно глядѣть въ слѣдующій періодъ, который не наступалъ, но предчувствія котораго жили уже во мнѣ, потому что вскорѣ послѣ напечатанія, въ 1847 году въ «Современникѣ», «Обыкновенной исторіи»—у меня уже въ умѣ былъ готовъ планъ *Обломова*, а въ 1848 г. (или 1849 г.—не помню) я помѣстилъ въ «Иллюстрированномъ Сборникѣ» при «Современникѣ» и

«Сонъ Обломова» — эту увертюру всего романа, слѣдовательно, я переживалъ про себя въ воображеніи и этотъ періодъ — и, благодаря своей чуткости, предчувствовалъ, что слѣдуетъ далѣе. Теперь могу отвѣчать, «что случилось съ Наденькой?»

Смотрите въ «Обломовъ» — *Ольга* есть превращенная *Наденька* слѣдующей эпохи. Но до этого дойдемъ ниже.

Адуевъ кончилъ, какъ большая часть тогда: послушался практической мудрости дяди, принялся работать въ службѣ, писалъ и въ журналахъ (но уже не стихами) и, переживъ эпоху юношескихъ волненій, достигъ положительныхъ благъ, какъ большинство, занялъ въ службѣ прочное положеніе и выгодно женился, словомъ, обдѣлалъ свои дѣла. Въ этомъ и заключается «Обыкновенная исторія».

Она — въ моихъ книгахъ — *первая галлерей*, служащая преддверіемъ къ слѣдующимъ двумъ *галлереймъ* или *періодамъ* русской жизни, уже тѣсно связаннымъ между собою, т.-е. къ «Обломову» и «Обрыву», или къ «Сну» и къ «Пробужденію».

Мнѣ могутъ замѣтить, что задолго передъ этимъ намеки на подобныя же отношенія между лицами, какъ у меня въ «Обломовѣ» и «Обрывѣ», частью въ «Обыкновенной исторіи», есть у нашего великаго поэта Пушкина, напримѣръ, въ Татьянѣ и Онегинѣ, Ольгѣ и Ленскомъ и т. д.

На это я отвѣчу прежде всего, что отъ Пушкина и Гоголя въ русской литературѣ теперь еще пока никуда не уйдешь. Школа Пушкино-Гоголевская продолжается доселѣ. и всѣ мы, беллетристы, только разрабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ. Даже Лермонтовъ, фигура колоссальная, весь, какъ старшій сынъ въ отца, вылился въ Пушкина. Онъ ступалъ, такъ-сказать, въ его слѣды. Его *Пророкъ* и *Демонъ*, поэзія *Кавказа* и *Востока* и его романы — все это развитіе тѣхъ образцовъ поэзіи и идеаловъ, какіе далъ Пушкинъ. Я сказалъ въ критическомъ этюдѣ о Грибоѣдовѣ,

«Милліонъ терзаній», что Пушкинъ—отецъ, родоначальникъ русскаго искусства, какъ Ломоносовъ—отецъ науки въ Россіи. Въ Пушкинѣ кроются всѣ сѣмена и зачатки, изъ которыхъ развились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ, какъ въ Аристотелѣ крылись сѣмена, зародыши и намеки почти на всѣ послѣдовавшія вѣтви знанія и науки. И у Пушкина, и у Лермонтова, вѣтъ одинъ родственннй духъ, слышится одинъ общій строй лиры, иногда являются будто одни образы,— у Лермонтова можетъ-быть болѣе мощные и глубокіе; но зато менѣе совершенные и блестящіе по формѣ, чѣмъ у Пушкина. Вся разница въ моментѣ времени. Лермонтовъ ушелъ дальше временемъ, вступилъ въ новый періодъ развитія мысли, новаго движенія европейской и русской жизни и опередилъ Пушкина глубиною мысли, смѣлостью и новизною идей и полета.

Пушкинъ, говорю, былъ нашъ учитель—и я воспитался, такъ-сказать, его поэзіею. Гоголь на меня вліялъ гораздо позже и меньше: я уже писалъ самъ, когда Гоголь еще не закончилъ своего поприща.

Самъ Гоголь, объективностью своихъ образовъ, конечно, обязанъ Пушкину же. Безъ этого образца и предтечи искусства— Гоголь не былъ бы тѣмъ Гоголемъ, какимъ онъ есть. Прелесть, строгость и чистота формы— тѣ же. Вся разница въ бытѣ, въ обстановкѣ, и въ сферѣ дѣйствія— а творческій духъ одинъ, у Гоголя весь перешедшій въ отрицаніе.

Поэтому неудивительно, что черты Пушкинской, Лермонтовской и Гоголевской творческой силы—доселѣ входятъ въ нашу плоть и кровь, какъ плоть и кровь предковъ переходить къ потомкамъ.

Надо сказать, что у насъ, въ литературѣ (да, я думаю, и вездѣ), особенно два главные образа женщинъ постоянно являются въ произведеніяхъ слова параллельно, какъ двѣ

противоположности: характеръ положительный—Пушкинская *Ольга*, и идеальный—его же *Татьяна*. Одинъ—безусловное пассивное выраженіе эпохи, типъ, отливающійся, какъ воскъ, въ готовую, господствующую форму. Другой—съ инстинктами самосознанія, самобытности, самодѣятельности. Оттого первый ясенъ, открытъ, понятенъ сразу (*Ольга въ Онѣгинѣ, Варвара въ Грозѣ*). Другой, напротивъ, своеобразенъ, ищетъ самъ своего выраженія и формы, и оттого кажется капризнымъ, таинственнымъ, мало-уловимымъ. Есть они у нашихъ учителей и образцовъ, есть и у Островскаго въ *Грозѣ*—въ другой сферѣ; они же, смѣю прибавить, явились и въ моемъ *Обрывѣ*. Это два господствующіе характера, на которые въ основныхъ чертахъ, съ разными оттѣнками, болѣе или менѣе дѣлятся всѣ женщины.

Дѣло не въ изобрѣтеніи новыхъ типовъ—да коренныхъ общечеловѣческихъ типовъ и немного—а въ томъ, какъ у кого они выразились, какъ связались съ окружающею ихъ жизнью, и какъ послѣдняя на нихъ отразилась.

Пушкинскія *Татьяна* и *Ольга* какъ нельзя болѣе отвѣчали своему моменту. Татьяна, подавленная своей грубой и жалкой средой, также бросилась къ Онѣгину, но не нашла отвѣта и покорилась своей участи, выйдя за генерала. Ольга вмѣгъ забыла своего поэта и вышла за улана. Авторитетъ родителей рѣшилъ ихъ судьбу. Пушкинъ, какъ великій мастеръ, этими двумя ударами своей кисти, да еще нѣсколькими штрихами—далъ намъ вѣчные образцы, по которымъ мы и учимся безсознательно писать, какъ живописцы по античнымъ статуямъ.

У меня (въ дальнѣйшей противу Онѣгина эпохѣ) и Наденька, и Ольга, или, лучше сказать, *Наденька — Ольга*, (потому что я утверждаю, что это одно лицо въ разныхъ моментахъ) поступила иначе, согласно съ временемъ. Отъ невѣдѣнія Наденьки—естественный переходъ къ сознательному замужеству Ольги со Штольцемъ, представителемъ труда, знанія, энергіи—словомъ, силы.

Я не остановлюсь долго надъ «Обломовымъ». Въ свое время его разобрали и значеніе его было оцѣнено, и критикой, особенно въ лицѣ Добролюбова, и публикою, весьма сочувственно.

Воплощеніе сна, застоя, неподвижной мертвой жизни— *переползаніе изъ дня въ день*— въ одномъ видѣ и въ его обстановкѣ— было всѣми найдено вѣрнымъ—и я счастливъ.

Я закончилъ свою *вторую* картину русской жизни, *Сна*, нигдѣ не пробудивъ самого героя *Обломова*.

Только Штольцъ время отъ времени представлялъ ему зеркало обломовской бездонной лѣни, апатіи, сна. Онъ истощилъ, вмѣстѣ съ Ольгой, всѣ силы къ пробужденію его—и все напрасно.

Въ послѣднемъ свиданіи со Штольцемъ только вырывается у Обломова нѣсколько сознательныхъ словъ—и напрасно я вставилъ ихъ. Я помѣстилъ ихъ въ концѣ, когда одинъ пріятель, гонявшійся всегда въ произведеніяхъ искусства за сознательною мыслию, но мало вообще доступный непосредственному дѣйствію образа, замѣтилъ мнѣ: «что же онъ, ужели не отзовется на призывъ Штольца?»

Я и вставилъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ выглядывасть сознаніе и самого Обломова.

И образъ его немного, такъ сказать, тронулся отъ этого, немного потерялъ цѣлости характера: въ портретѣ оказалось пятно. Но это, къ счастью, въ самомъ концѣ. Не надо было трогать вовсе. Не даромъ Бѣлинскій, въ своей рецензій обь «Обыкновенной исторіи», упрекнулъ меня за то, что я тамъ сталъ на «почву сознательной мысли!» Образы такъ образы: ими и надо говорить.

Штольцъ, уходя въ послѣдній разъ, въ слезахъ говоритъ: *„прощай, старая Обломовка: ты отжгла свой свѣкъ!“*

И того бы не нужно было говорить. Обломовъ самъ достаточно объясняетъ себя, проситъ Штольца *уйти, не трогать его*, говоря, что *онъ приросъ одною больною половиною къ старому, отдерн—будетъ смерть!*

Этимъ бы и слѣдовало закончить вторую картину *Сонъ*, т. е. непробудимымъ сномъ, потому что далѣе, за *обломовскимъ хребтомъ* (выраженіе Герцена гдѣ-то въ «Колоколѣ»), мнѣ открывалась дальнѣйшая, третья перспектива:—это картина *Пробужденія*.

Я, повторяю, ужъ съ 1849 года носилъ эту толпу лицъ, сценъ, пейзажей, въ памяти и въ программѣ (т. е. «Обрывѣ»), набросанной безпорядочно, какъ все это носилось у меня въ головѣ. На первомъ планѣ являлась во весь ростъ *Бабушка*, потомъ *Въра. Райскій*, послѣ *Маремъка*, *Козловъ* съ женой (университетскія воспоминанія товарищества), дворня, садъ съ обрывомъ. Все это тѣснилось въ воображеніи и требовало только сосредоточенности уединенія и покоя, чтобы отлиться въ форму романа.

А этого всего было у меня мало, да я все сомнѣвался въ своихъ силахъ, все не довѣрялъ себѣ, все справлялся съ мнѣніемъ и впечатлѣніемъ другихъ, рассказывалъ все до подробности Боткину, Дудыкину, Дружинину, и болѣе всего одному, еще живому литератору, требуя мнѣнія, совѣта, но совѣтовъ ни отъ кого не получалъ, и кончалъ тѣмъ, что приводилъ все медленно, послѣ тщательной отдѣлки, къ концу. Я рѣдко могъ урываться за границу—между службою, свѣтскимъ и всякимъ другимъ бездѣльемъ—и работать. Всего болѣе затрудняла меня архитектоника, сведеніе всей массы лицъ и сценъ въ стройное цѣлое, и вотъ, между прочимъ, причины медленности!

«Что другому стало бы на десять повѣстей», замѣтилъ однажды Бѣлинскій про меня, еще по поводу «Обыкновенной исторіи»,—«у него укладывается въ одну рамку».

Да и періоды, уложившіеся въ эти три рамки, растянулись лѣтъ на тридцать, слѣдовательно, и романы—или отраженія жизни—должны были тянуться параллельно долго.

У меня раскидывался и четвертый періодъ, захватывавшій и современную жизнь, но я оставилъ этотъ планъ, по-

тому что творчество требует спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни, а новая жизнь слишкомъ нова, она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется не по днямъ, а по часамъ. Нынѣшніе герои не похожи на завтрашнихъ и могутъ отражаться только въ зеркалѣ сатиры, легкаго очерка, а не въ большихъ эпическихъ произведеніяхъ.

Прежде чѣмъ перейти къ «Обрыву», скажу нѣсколько словъ о *Штольцѣ* въ «Обломовѣ».

Меня упрекали за это лицо — и съ одной стороны справедливо. Онъ слабъ, блѣденъ — изъ него слишкомъ голо выглядываетъ идея. Это я самъ сознаю. Но меня упрекали, зачѣмъ я ввелъ его въ романъ? Отчего нѣмца, а не русскаго поставилъ я въ противоположность Обломову?

Я могъ бы отвѣтить на это, что изображая лѣнь и апатію во всей ея широтѣ и закоренѣлости, какъ стихійную русскую черту, и только одно это, я, выставивъ рядомъ русскаго же, какъ образецъ энергіи, знанія, труда, вообще всякой силы, впалъ бы въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, т.-е. съ своею задачей — изображать застой, сонъ, неподвижность. Я разбавилъ бы цѣлость одной, избранной мною для романа стороны русскаго характера.

Но я молча слушалъ тогда порицанія, соглашаясь вполнѣ съ тѣмъ, что образъ Штольца блѣденъ, не реаленъ, не живой, а просто идея.

Особенно, кажется, славянофилы, и за нелестный образъ Обломова, и всего болѣе за нѣмца — не хотѣли меня, такъ сказать, знать. Покойный Ѳ. И. Тютчевъ однажды ласково, съ свойственною ему мягкостью, упрекая меня, спросилъ, «зачѣмъ я взялъ Штольца!» Я повинился въ ошибкѣ, сказавъ, что сдѣлалъ это случайно: подъ руку, моль, подвернулся!

Между тѣмъ, кажется, помимо моей воли — тутъ ошибки

собственно не было, если принять во вниманіе ту роль, какую играли и играютъ до сихъ поръ въ русской жизни и нѣмецкій элементъ, и нѣмцы. Еще доселѣ они у насъ учителя, профессора, механики, инженеры, техники по всѣмъ частямъ. Лучшія и богатыя отрасли промышленности, торговыхъ и другихъ предпріятій въ ихъ рукахъ.

Это, конечно, досадно, но справедливо—и причины этого порядка дѣль истекають все изъ той же *обломовщины* (между прочимъ, изъ крѣпостного права), главный мотивъ которой набросанъ мною въ *Снѣ Обломова*.

Я вижу, однако, что не спроста подвернулся мнѣ нѣмецъ подъ руку—и, должно-быть, тогда (я теперь забылъ) мнѣ противно было брать чисто-нѣмецкаго нѣмца. Я взялъ родившагося здѣсь и обрусѣвшаго нѣмца и нѣмецкую систему неизмѣненнаго, бодрого и практическаго воспитанія.

Обрусѣвшіе нѣмцы (напримѣръ, остзейцы) сливаются, хотя туго и медленно, съ русскою жизнію и — нѣтъ сомнѣнія, сольются когда-нибудь совсѣмъ. Отрицать полезность этого притока посторонняго элемента къ русской жизни — и несправедливо, и нельзя. Они вносятъ во всѣ роды и виды дѣятельности — прежде всего свое терпѣніе, *persévérance* своей расы, а затѣмъ и много другихъ качествъ, и гдѣ бы ни было — въ арміи, во флотѣ, въ администраціи, въ наукѣ, словомъ, всюду — они служатъ съ Россіей и Россіи, и большею частію становятся ея дѣльми.

Отвергать ихъ при этихъ условіяхъ, какъ притокъ, сливающейся съ общею рѣкою — было бы такъ же возмутительно-несправедливо съ нашей русской стороны, какъ возмутительно-несправедливо со стороны нѣкоторой партіи остзейскихъ нѣмцевъ, живя въ Россіи, съ русскими, находя въ ней надежную опору своего политическаго существованія и всѣ условія благосостоянія, считать ее чуждою себѣ, своему нѣмецкому духу, пятиться отъ сліянія съ нею и стараться удержать *statu quo*.

Все это, конечно, минуетъ въ будущемъ, хотя, можетъ-быть, и не очень близкомъ. Закоsnблость и упрямство нашихъ доморожденныхъ нѣмцевъ уступитъ духу времени, когда они, съ своею мнимою остзейскою цивилизаціею, очутятся позади шагающей впередъ Россіи. И самое славянофильство, оставаясь тѣмъ, что оно есть, т.-е. выраженіемъ и охраненіемъ коренного славяно-русскаго духа, нравственной народной силы и историческаго характера Россіи, будетъ искреннѣе протягивать руку къ всеобщей, т.-е. европейской культурѣ: ибо если чувства и убѣжденія національны, то знаніе—одно для всѣхъ и у всѣхъ.

Обращаюсь къ «Обрыву». Тамъ на первомъ планѣ—*Райскій* и *Бабушка*, потомъ Вѣра, Волоховъ, Марейныка и Викентьевъ, далѣе учитель Козловъ съ женою, большая дворня и, наконецъ, Тушиня.

Что же представляетъ эта группа? Ужели ничего больше, кромѣ портретовъ, индивидуальныхъ характеровъ, мало связанныхъ съ общею жизнью извѣстнаго момента?

Такъ иные и смотрѣли. Нѣкоторые упрекали меня, зачѣмъ я такъ пложу и растягиваю тѣ или другія сцены? зачѣмъ обременяю ихъ подробностями? довольно бы—де однимъ намекомъ, нѣсколькими словами, штрихомъ, маленькой сценой—выразить мысль...

Но я выражалъ прежде всего не мысль, а то лицо, тотъ образъ, то дѣйствіе, которое видѣлъ въ фантазіи. Поступи я по совѣту этой критики, у меня не вышло бы ни одной живой и полной фигуры, законченнаго портрета, а вышли бы сухіе рисунки, силуэты, эскизы карандаша. Зачѣмъ же мнѣ карандашъ, если, какъ говорятъ, у меня есть кисть?

Теперь скажу, чтѣ я самъ вижу въ этихъ фигурахъ.

Что такое *Райскій*? Да все *Обломовъ*, т.-е. прямой, ближайшій его сынъ, герой эпохи *Пробужденія*.

Обломовъ быть цѣльнымъ, ничѣмъ неразбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ

снѣ и застоѣ. И критика, и публика находили это: почти всѣ мои знакомые на каждомъ шагу, смѣясь, говорили мнѣ, по выходѣ книги въ свѣтъ, что они узнаютъ въ этомъ героѣ себя и своихъ знакомыхъ.

Райскій—герой слѣдующей, т.-е. *переходной* эпохи. Это проснувшійся *Обломовъ*: сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель.

Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія, потомъ прошли слухи о новыхъ началахъ, преобразованіяхъ; обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ; съ профессорскихъ кафедръ послышались живыя рѣчи. Въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи смѣло выражалась передовыми людьми жажда переменъ. Ихъ называли «людьми сороковыхъ годовъ». *Райскій*—есть, конечно, одинъ изъ нихъ—и, можетъ-быть—что-нибудь и еще.

Райскій—натура артистическая: онъ воспримчивъ, впечатлителенъ, съ сильными задатками дарованій, но онъ все-таки сынъ *Обломова*.

Онъ, умомъ и совѣстью, принялъ новыя животворныя сѣмена—но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло. Онъ сошелся туда, сюда—но онъ не былъ серьезно приготовленъ наукой и практикой къ какой-нибудь государственной, общественной, или частной дѣятельности, потому что на всѣхъ этихъ сферахъ еще лежала обломовщина, тихое, монотонное теченіе сонныхъ привычекъ, рутинна. Живое дѣло только-что просыпалось. Россія доживала вѣкъ петровскихъ реформъ—и ждала новыхъ.

Райскій мечется, и, наконецъ, благодаря природному таланту или талантамъ, бросается къ искусству: къ живописи, къ поэзіи, къ скульптурѣ. Но и тутъ, какъ гири на погахъ, его тянетъ назадъ та же «обломовщина».

Нива искусства была такъ же пуста, не воздѣлана, и отдѣльня, хотя великія явленія въ ней — были случайно. Въ литературѣ почти то же.

Не было цѣлой рати пишущихъ, разсадника, литературной школы, почти не было журналистики; все работало робко, тихо, по уголкамъ. Только огромные таланты Пушкина и Лермонтова являлись отдѣльными яркими звѣздами а кругомъ ихъ почти никого. То же и въ живописи, и въ ваяніи: была и академія, и школа классическая и классная. Не было почвы, кружковъ, общества, которые жили бы однимъ искусствомъ и для искусства, безъ видовъ на карьеру и отличія. Не было частной инициативы; самобытная русская художническая сила, сквозь обломовщину, не могла прорваться наружу.

Такъ было до нашего времени, до нынѣшняго царствованія. Гоголь, правда, явился прежде, но созданная имъ школа разрослась и утвердилась съ свободой печати, такъ же какъ развилась и журналистика, образовались кружки, партіи и большой кругъ замѣчательныхъ писателей.

Но это все послѣ, а *Райскій* и *Бабушка* явились, повторыю, у меня въ головѣ въ 1849 году. Какъ только я приѣхалъ на Волгу, на меня, какъ будто сонъ, слетѣлъ весь планъ романа. Я уже разработалъ въ головѣ *Обломова* до конца и въ то же время развязалась у меня въ воображеніи слѣдующая эпоха, и все — и дѣйствіе, и лица, шли — параллельно съ развитіемъ самой жизни. Это, повторыю, мнѣ становилось замѣтно, когда я приходилъ къ концу романа.

Въ Райскаго входили, сначала безсознательно для меня самого, и многія типическія черты моихъ знакомыхъ и товарищей. Въ обществѣ, въ образованной средѣ, побѣги новыхъ, свѣжихъ стремленій, мѣшались и путались еще съ терніями и волчками обломовщины разнаго рода — и вольной, и невольной, съ разными приманками празднаго житья-

бытъя, и съ трудностями упорной боръбы съ старымъ. Застой, отсутствіе специальныхъ сферъ дѣятельности, служба, захватывавшая и годныхъ и негодныхъ, и нужныхъ и ненужныхъ, и расплывавшая бюрократію, все еще густыми тучами лежали на горизонтѣ общественной жизни: группа новыхъ людей устремилась къ ихъ разсѣянію.

Искусство было все еще роскошью, забавой для богатыхъ, горькою нуждою для бѣдныхъ; литература, за исключеніемъ крупныхъ талантовъ, была дѣломъ подозрительнымъ. За писателями признавалось ихъ значеніе, когда они достигали виднаго положенія въ обществѣ путемъ службы.

И мы все работали какъ-то въ одиночку, тихомолкомъ, съ оглядкой и опаской, и больше изъ нужды.

А кому не было нужды — тѣ дилетантствовали. Напримеръ, одинъ зналъ отлично технику музыки, былъ меценатъ и другъ всѣхъ иностранныхъ и своихъ знаменитостей, носилъ въ себѣ планы музыкальныхъ серьезныхъ сочиненій, оперъ, можетъ-быть ораторій, симфоній, говорилъ о нихъ съ жаромъ и знаніемъ дѣла. Все ждали отъ него чего-нибудь серьезнаго, а онъ разрѣшился сочиненіемъ одного хорошенькаго романса (гр. Віельгорскій), другой, обладая необыкновенною силою лирическаго паэса, написалъ всего десятка два прекрасныхъ стихотвореній (Тютчевъ). И это лучшіе люди извѣтнаго круга. Третій, съ многостороннимъ образованіемъ, большою начитанностью — написалъ нѣсколько легкихъ разсказовъ, гдѣ кроются сѣмена серьезнаго таланта (кн. Одоевскій). Можно много привести примѣровъ въ репандантъ къ этимъ.

Во всѣхъ родахъ искусства — таланты такихъ Райскихъ не были содержаніемъ и цѣлью жизни, а только средствомъ пріятно проводить время.

Райскій талантливъ — но приготовительная школа для таланта трудная, требующая всего человѣка и для него, выросшаго еще въ періодъ обломовскаго сна, неодолима, —

да и некогда ему было: новая эпоха застала его уже взрослымъ. Онъ бросается къ живописи, отъ живописи къ скульптурѣ, пишетъ романъ, неприготовленный техникой ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ искусствъ.

Новыя идеи кинятъ въ немъ: онъ предчувствуетъ грядущія реформы, сознаетъ правду новаго, и порывается ратовать за всѣ тѣ большія и малыя свободы, приближеніе которыхъ чуялось въ воздухѣ. Но только порывается.

Онъ бьется съ Софьей Бѣловодовой, стараясь сломать стѣну великосвѣтской замкнутости, замурававшейся въ фампльныхъ преданіяхъ рода, въ завѣщанныхъ предками границахъ недоступной гордости, въ приличіяхъ тона, словомъ въ аристократически-обломовской, переходившей по наследству изъ рода въ родъ, неподвижности.

И не успѣваетъ конечно, потому что его вызвала на борьбу корысть, поклоненіе живой красотѣ; ему хочется побѣдить не эти застывшія преданія, феодальную гордость, и вызвать на живое, новое дѣло умъ и духъ Софы; ему хочется побѣдить только кузину-женщину—для себя. А дѣла, собственной силы, примѣра—онъ не вноситъ въ эту борьбу, и оттого не успѣваетъ.

Онъ, если не спитъ по-обломовски, то едва лишь *проснулся*—и пока знаетъ что дѣлать, *но не дѣлаетъ*.

Онъ раздражался только въ порывахъ къ дѣлу, а болѣе всего поклонялся красотѣ—и съ этой стороны, пожалуй, нѣсколько и тронулъ Софью, но не въ свою пользу. Она морщится при его настояніяхъ о необходимости дѣла, труда, откупаются отъ этого деньгами въ пользу бѣдныхъ, но задумывается надъ его горячечными рѣчами о любви и о свободѣ располагать чувствомъ и собой. Потребность этой свободы зашевелилась и въ ней безсознательно, потому что онъ дѣйствовалъ не на сознаніе и убѣжденіе ея, а только на нервы. Она вышла изъ своей роли величавой безупречности, выглянула, насколько могла, за высокія стѣны ве-

лигосвѣтскаго монастыря и сдѣлала *un faux pas*... наединѣ поговорила съ итальянскимъ графомъ, разъ встрѣтилась съ нимъ на прогулкѣ и написала ему простую записку о присылкѣ нотъ... *Faux pas!* закричала вся клика, привыкшая видѣть ее холодно-безупречною—и только.

Въ ней, при появленіи графа, началъ-было таять ледъ строгаго воспитанія и приличія, но при первой тревогѣ тетокъ, при шопотѣ свѣта, она сейчасъ же одолѣла игру нервовъ.

Здѣсь я долженъ сознаться въ полной своей несостоятельности въ изображеніи фигуры Софьи Бѣловодовой. Я не зналъ тогда вовсе, и теперь мало знаю, кругъ, гдѣ она жила, и тутъ критика вполнѣ права. Это скучное начало, изъ котораго вовсе нехудожественно выглядываетъ замыселъ—показать, какъ отразилось развитіе новыхъ идей на замкнутомъ кругѣ большого свѣта. И ничего, кромѣ претензіи, не вышло изъ этой затѣи.

Кромѣ того меня соблазняла мысль выставить рядъ женскихъ портретовъ. № 1-й вышелъ неудаченъ; 2-й,—умирающей Наташи, писанный какъ и Бѣловодова, въ 50-хъ годахъ—также блѣденъ. Это между прочимъ оттого, что я торопился и смотрѣлъ дальше въ глубину романа, не останавливаясь подолгу на этихъ аксессуарныхъ явленіяхъ. Меня влекли уже близкія мнѣ лица и мѣста, гдѣ я родился и выросъ: и тѣ лица, *бабушки и внучекъ, всего провинціального люда* и дворни—и вся обстановка, по отзываютъ всѣхъ, вышли у меня живѣе.

Тамъ, въ Софьѣ и Наташѣ, было сочиненіе—тутъ я писалъ съ живыхъ лицъ. Къ тому же, въ этотъ промежутокъ времени, отъ 1840—1862 г. (когда я вторично посѣтилъ Волгу), и перо мое конечно значительно должно было созрѣть и укрупниться въ работѣ. Кажется въ 1859 или въ 1861 году я помѣстилъ два или три «эпизода изъ жизни Райскаго» въ «Отеч. Запискахъ» и одинъ эпизодъ «Бабушка» въ «Современникѣ».

Если бы русская жизнь не раздвинула, отъ мановенія мощной руки, своихъ рамокъ, — мы всё остановились бы на той ступени, на которой остановился Райскій. Подъ него подходили тогда многіе наши интеллигентные люди, считавшіеся передовыми. Ихъ называли романтиками, крайними идеалистами. Они пока еще порывались къ новому, много говорили, ставили себѣ идеалы, бросались отъ одного дѣла къ другому, искали дѣятельности: и туда, въ этотъ періодъ, ушло много растерявшихся втуне талантовъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго пути, сознательныхъ цѣлей, и снѣдаемыхъ, и своею собственною, частною, и казенною обломовщиной. Мы всё уперлись бы въ стѣну — и продолжали бы писать безсодержательные звучные стихи, или изображать одни и тѣ же явленія текущей, болѣе естественной животной жизни.

Въ Райскомъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ на него хода времени и новыхъ событій, я слѣдилъ еще съ большимъ интересомъ — любопытный, психологическій, или фізіологическій процессъ проявленія этой подвижной и впечатлительной природы въ его личной жизни. Именно то, какъ сила фантазіи въ артистическихъ натурахъ, не направленная на насущное дѣло, на художественныя созданія, бросалась въ самую жизнь, и мелочныя явленія послѣдней наряжала въ свои цвѣта и краски, производя тѣ чудачества, странности, часто безобразія, которыми нерѣдко обильна бываетъ жизнь артистовъ вездѣ.

Праздная фантазія въ такихъ натурахъ чаще всего бросается въ сферу чувствъ, во всё виды и роды *любвей*, производя экзальтацію, творя идолы, порождая изъ всего этого какую-то горячку или шутиху, что-то жалкое и смѣшное.

Эти упражненія въ чувствахъ и особенно въ любви, занимали между прочимъ также и значительный излюбленный уголокъ старой обломовщины!

Къ счастью, русское общество охранилъ отъ гибели застоя спасительный переломъ. Изъ высшихъ сферъ правительства блеснули лучи новой, лучшей жизни, проронились въ массу публики, сначала тихія, потомъ явственные слова о «свободѣ», предвѣстники конца крѣпостному праву. Даль раздвигалась понемногу и открыла свѣтлую перспективу будущаго.

Въ литературѣ смѣлѣе стали раздаваться голоса представителей новыхъ идей.

Конечно и моя мысль, и фантазія прониклись новымъ вѣяніемъ. Я кончилъ «Обломова», и у меня стали шире раздвигаться рамы слѣдующей картины, т. е. «Пробужденія».

Двадцать лѣтъ тянулось писаніе этого романа, — иначе и быть не могло. Онъ писался, какъ тянулся періодъ самой жизни.

Въ «Обрывѣ», на моихъ пигмеяхъ, въ крошечномъ озерѣ, отразилось состояніе броженія, борьба стараго съ новымъ.

Я слѣдилъ за отраженіемъ этой борьбы на знакомомъ мнѣ уголкѣ, на знакомыхъ лицахъ.

Слѣдилъ, — говорю я, — надо бы сказать: смотрѣлъ и писалъ, даже не думая, что вбираю въ себя впечатлительнымъ воображеніемъ лица и явленія, окрасившіяся въ краски момента, и такими выдаю ихъ назадъ, т. е. кладу на бумагу. Въ этомъ весь процессъ.

Я самъ не могу смотрѣть на свои романы иначе, какъ въ ихъ послѣдовательной связи. Я жилъ въ трехъ эпохахъ, и онѣ оттиснулись во мнѣ и въ моихъ сочиненіяхъ, въ доступномъ мнѣ быту, насколько у меня хватило силъ и таланта.

Райскій, на родинѣ, объявилъ ту же войну старому, отжившему. Онъ воюетъ съ *Бабушкою*, спорить, горячится, но любитъ ее, какъ мать; схватывается и съ *Марѣнькою*, и съ *Вѣрою*. Но воюетъ также изъ корыстныхъ видовъ съ двумя послѣдними, какъ и съ *Бѣловодовой*. Воображеніе,

раздраженное ихъ красотою, влечетъ его къ побѣдѣ надъ ними. Но одна обезоруживаетъ его своей дѣтскою чистотою, другая—сознательною силою.

Бабушкѣ онъ уступаетъ, потому что и самъ, хотя и воюетъ противъ извѣженности, барства и стараго быта, но охотно спитъ на мягкой постели, хорошо ѣсть, и даже, какъ прямой сынъ Обломова, даетъ, ворча, снимать съ себя Егору сапоги (*Обломовъ* требовалъ, чтобы *Захаръ* натягивалъ на него чулки).

Самъ онъ живетъ подъ игомъ еще неотмѣннаго крѣпостного права, и сложившихся при немъ нравовъ, и оттого воюетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ: совѣтуетъ бабушкѣ отпустить мужиковъ на всѣ четыре стороны и предоставить имъ дѣлать, что они хотятъ; а самъ въ дѣло не вмѣшивается, хотя имѣніе—его.

Это колебаніе и нерѣшительность весьма естественны: колебалось все общество русское и всякій его уголокъ. Крупные и крутые повороты не могутъ совершаться какъ перемѣна платья, они совершаются постепенно, пока всѣ атомы броженія не осияютъ—сильные слабыхъ и не сольются въ одно. Таковы всѣ переходныя эпохи.

Мелкая пресса смѣялась когда-то надъ этою постепенностью и насмѣшливо прозвала *постепеновцами* всѣхъ партизановъ этого мудраго закона, дающаго старому отживать свою пору, а новому упрочиваться, безъ насилія, боя и крови.

И безъ смѣха не могу вспомнить теперь комическаго недоумѣнія нѣкоторыхъ стариковъ при появленіи довольно рѣзкихъ симптомовъ, такъ-называемаго, *нигилизма*. У этихъ стариковъ своего ничего не было, т.-е. того, что называется мыслью и убѣжденіемъ, а между тѣмъ было самолюбіе казаться современными, не отставать отъ прогресса: а какъ распознать, что прогрессъ, что нѣтъ—они не знали, не имѣя подготовки. Проникли въ печать, несмотря на цензуру, нѣ-

которые смѣлые намеки соціального характера, между молодежью произошло какое-то движеніе—и старики оторопѣли, не знали, что говорить объ этихъ книгахъ, о молодежи: порицать или стоять за нее? туда-сюда!

Райскій успѣлъ только сломать одно ветхое, старое дупло, торчавшее втуне, всѣхъ царапавшее и недававшее мѣста новымъ побѣгамъ, именно стараго чиновника, генерала Тычкова.

Здѣсь и *Бабушка* соединилась съ нимъ заодно, и оба однимъ ударомъ уничтожили это сгнившее полѣно. Она—зато, что онъ чинъ безъ заслуги хотѣлъ поставить выше значенія древности рода. Райскій казнилъ его, какъ стараго взяточника, самодура и деспота, всѣмъ навязывавшаго грубо своей отжившей авторитетъ.

И весь уголокъ, оглядѣвшись трезво, созналъ правду въ этомъ фактѣ, прозрѣлъ отъ слѣпотаго уваженія къ прошлому, ненужному, вредному, и аплодировалъ Райскому.

Бабушка была благосклонно принята всѣми въ публикѣ. Никто ничего не говорилъ противъ ея изображенія, и до меня доходили только похвалы ей.

Но что же такое, въ самомъ дѣлѣ, эта Бабушка?

Сжатый смыслъ всего морального склада этой старухи высказанъ въ самомъ романѣ, на 342 и 343 стр. (изд. 1870 г.). Вотъ этотъ очеркъ.

«Бабушка говоритъ *языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовя сентенціи старой мудрости*, но въ новыхъ какихъ-нибудь, неожиданныхъ для нея случаяхъ, *у ней выступали собственныя силы и она фѣйствовала своеобразно. Сѣвось обветшавшую, негодную мудрость, у ней пробивалась струя здраваго смысла*».

Только она *«пугалась немного (новаго) и безпокойно искала подкѣпить его бывшими примѣрами»* и т. д.

Весь смыслъ ея характера таковъ, что она старуха твердая, властная, упорная, *уступать не любитъ*, хотя

про себя и сознаеть, что внукъ, Райскій, часто правъ. Но она велить ему и тогда молчать, «*молодъ, чтобы персчить бабушкѣ*»,—говорить она. Она любитъ, чтобы ей *всѣ повиновались*—и Марёнька ей милѣе всѣхъ, *потому что она изъ послушанія бабушки не выйдеть*. Этотъ мотивъ о послушаніи проходитъ черезъ весь романъ въ ея характерѣ. На Вѣру она косится, что та удаляется, едва слушаетъ ея совѣты, и она, поневолѣ, скрѣпя сердце, даетъ ей нѣкоторую свободу.

И всѣхъ, и все въ домѣ она блюдетъ зоркимъ окомъ, и видитъ изъ одного окна—свою деревню, поля, изъ другого—садъ, огородъ и людскія. Ничто не шевельнется въ деревнѣ и домѣ безъ ея спроса, воли и вѣдома. Она хозяйничаетъ и въ полѣ, и въ кладовыхъ; съ мужиками и съ цѣлымъ городомъ держитъ себя гордо и повелительно.

За эти черты и другія, все въ томъ же тонѣ и духѣ, находили портретъ старухи *типичнымъ*.

Но почему же онъ типиченъ и кого напоминаетъ? Я вижу въ немъ что-то близкое и знакомое не мнѣ одному, а всѣмъ намъ.

Я писалъ съ русской старой хорошей *женщины*, или съ русскихъ старыхъ женщинъ стараго добраго времени—коллективно, не думая ни о какой параллели, должно-быть, но она инстинктивно гнѣздилась въ моей головѣ, и когда я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее, — у меня, въ концѣ книги, вырвались послѣднія слова, которыми я и кончилъ романъ. Вотъ они:

«За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ его три фигуры: его Вѣра, его Марёнька и Бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, *другая великая бабушка—Россія!*»

Вотъ чтò отразилось, или, если я слабій художникъ и не одолѣлъ образа, то, по крайней мѣрѣ, вотъ чтò просилось

отразиться въ моей старухѣ, какъ отражается солнце въ каплѣ воды: старая, консервативная русская жизнь!

Не жили ли старыя наши поколѣнія и старшіе, господствовавшіе и управлявшіе нашими судьбами представители этихъ поколѣній, или, лучше сказать, не спали ли они подъ навѣсомъ *старой мудрости*, пробавляясь *преданіями*, хотя и соглашались (какъ *Бабушка* въ спорахъ съ внукомъ) *про себя*, что надо жить иначе, но *боялись, беспокоились*, какъ она, и *пятились* въ страхѣ отъ всего *новаго*, зажимая глаза и, когда нельзя было уйти назадъ, уступали неохотно, и тогда, сквозь обветшавшую, *негодную мудрость, пробивались свѣжія русскія силы здраваго смысла?*

Развѣ мы не пережили этихъ колебаній, страховъ, безпокойствъ пробуждающагося организма, пока всемогущее «*быть посему*» не указало, куда идти всѣмъ дружно, на свѣтъ, къ новымъ и разумнымъ благамъ?

А расплата за этотъ безусловный страхъ всего новаго, за высокомеріе невѣдѣнія и за слѣпую вѣру въ свою силу— за всѣ старыя *грѣхи*—развѣ не отразилось *это* въ самоувѣренности Бабушки, требовавшей повиновенія только своей волѣ, и зажимавшей глаза отъ новаго, вмѣсто того, чтобы подвести Вѣру къ этому новому исподволь и сознательно, чтобы она не обольстилась фальшивымъ блескомъ невѣдомой, будто «новой правды» и «новаго дѣла и счастья» и знала, какъ встрѣтить Волохова?

Развѣ не плакало старое поколѣніе о своихъ «грѣхахъ», какъ *Бабушка* плачетъ надъ своимъ маленькимъ Севастополемъ, разрушенной бесѣдкой на днѣ *Обрыва?*

Оставимъ пока эту параллель, т.-е. Бабушки и стараго русскаго общества: я возвращусь къ ней ниже.

Обращусь отъ синтеза къ анализу.

Что далѣ говорили о другихъ моихъ лицахъ, между прочимъ о Вѣрѣ и Волоховѣ, особенно о послѣднемъ?

Голоса раздѣлились на два хора. Хоръ старшихъ поко-

лѣній пѣль: «какъ можно выводить въ романѣ, претендующемъ на художественность, такую грубую, неряшливую фигуру, и сводить ее съ изящной, тонкой фигурой Вѣры?»

Другой хоръ—молодые голоса раздражительно твердили: «это рѣзкія крайности, карикатурный, преувеличенный образъ, униженіе, направленное на молодое поколѣніе» и т. д. Таковъ былъ смыслъ упрековъ съ двухъ сторонъ.

Безпристрастные люди говорили мнѣ съ участіемъ, во-первыхъ, о типичной правдѣ этой фигуры, а позднѣе, во-вторыхъ, о нѣкоторомъ вліяніи будто бы этого типа кое-гдѣ въ обществѣ. Этого слишкомъ много, и я тотчасъ уклонился отъ такой заслуги, взявъ себѣ только правдивость изображенія.

Теперь мы нѣсколько отодвинулись отъ этого явленія и можно всѣмъ быть хладнокровнѣе и безпристрастнѣе. Теперь и я могу объяснить, что я самъ видѣлъ и вижу въ этой фигурѣ.

Тогда, повторяю, я хотѣлъ-было объяснить этотъ типъ въ предисловіи къ отдѣльному изданію *Обрыва*, но въ виду общаго со всѣхъ сторонъ къ нему неблаговоленія, я отложилъ эту мысль — и все предисловіе, до болѣе удобнаго времени.

Еще я долженъ сказать, что въ первоначальномъ планѣ *Обрыва*, набросанномъ въ 1848 и 1850 годахъ, на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще не существовавшего, у меня былъ предположенъ сосланный, по *неблагонадежности*, подъ присмотръ полиціи, выключенный изъ службы, или изъ школы, либераль, за грубость, за неповиновеніе начальству, за то наконецъ, что споетъ какую-нибудь русскую марсельезу или проврется дерзко про власть. Такихъ бывало не мало, лѣтъ тридцать тому назадъ.

Но какъ романъ развивался вмѣстѣ съ временемъ и новыми явленіями, то и лица, конечно, принимали въ себя

черты и духъ времени событій. Отъ этого и предположенный зародышъ *неблагонадежнаго* превратился къ концу романа уже въ рѣзкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-гдѣ въ обществѣ. Въ 1862 году, когда я ѣздилъ вѣновь по Волгѣ, прожилъ лѣто на родинѣ, былъ въ Москвѣ, мнѣ уже ясно опредѣлилось это лицо.

Меня крайне удивляло, какъ молодое поколѣніе могло принять Волохова на свой счетъ, кромѣ развѣ самихъ Волоховыхъ! Оно, можетъ-быть, вспоминая свои раннія утопіи и увлеченія, думало, вѣроятно, видѣть ихъ нѣкоторое отраженіе въ развитіи мыслей Волохова. Напрасно!

Развѣ только потому оно могло видѣть это, что и Волоховъ говоритъ именемъ правды, разума и свободы: но въ этомъ всѣ сходны съ нимъ: и старые, и новые люди, и консерваторы, и либералы! И только въ этомъ. Кто же отказывался отъ этого въ своихъ убѣжденіяхъ? Но дѣло въ томъ, что Волоховъ заблуждается въ значеніи этихъ понятій и съ гордымъ самоослѣпленіемъ вводитъ въ заблужденіе другихъ, не имѣя подъ собою никакой почвы.

У всѣхъ, самыхъ противоположныхъ лагерей—всегда есть общія точки соприкосновенія, всѣ ратуютъ во имя разума, свободы и правды, всѣ приводятъ это на словахъ, но всѣ разумѣютъ слова по-своему, и оттого употребляютъ различныя, часто невѣрные пути.

Волоховъ—будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформъ—и туда уложило всѣ силы!

Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это Волоховы!

Поколѣніе, которое—прежнюю, автоматическую военную массу—энергически помогло вождю ея, съ чудесною быстротою, преобразить въ современную, осмысленную и грозную силу! Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится,

познаеть, изобрѣгаетъ, творить во всѣхъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы! Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго преобразователя!

И все это Волоховы! Кому могла придти такая мысль!

А самая масса общества сверху до низу, вся уходящая въ муравьиную работу, въ бездонные рудники труда, въ званнаго новою жизнію? Ужели и это Волоховы?

Нѣтъ, это не Волоховы, а представители новой «правды», воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество!

Но въ жизни, рядомъ съ правдой, къ несчастью, гнѣздится и ложь; и представителемъ этой новой лжи являются Волоховы! Вѣдь у меня въ книгѣ есть фигура блѣдная, неясная — намекъ, такъ сказать, но намекъ на настоящее новое поколѣніе, на лучшее его большинство: это Тушинъ или Тушины, начиная съ вершинъ русской лѣстницы и до низу!

Общество уже выкинуло Волоховыхъ изъ своей среды, какъ болѣзненное явленіе.

Пока явленіе не опредѣлилось и не закончилось — колебалось и общество слѣдило, изучало, наконецъ, распознало его, и оно уже исчезаетъ съ лица русской жизни.

Перехожу къ другому хору — старшихъ поколѣній. «Какъ можно, говорили мнѣ, выводить такую грубую, неприглядную фигуру — и ставить съ нимъ рядомъ изысканную, чистую Вѣру?»

Почему именно вышла рѣзкая, грубая фигура?

Ужели я, нарисовавъ, какъ говорятъ, цѣлую *галерею портретовъ*, не умѣлъ бы нарисовать портретъ почище, поприличнѣе?

Но вышелъ ли бы онъ тогда вѣренъ и типиченъ?—спрошу я. Вобрать ли бы онъ въ себя и выразилъ ли бы что-нибудь общее всему этому явленію, которое разыгралось у насъ? Волоховъ не социалистъ, не доктринеръ, не демократъ. Онъ радикаль и кандидатъ въ демагоги: онъ съ почвы празднои теории безусловнаго отрицанія готовъ перейти къ дѣйствию—и перешелъ бы, если бъ у насъ могла демагогія выразиться ярче и перейти къ дѣйствию, т.-е. если бы у насъ была возможна широкая пропаганда коммунизма, интернаціональная подземная работа и т. п. *). Онъ и пошелъ бы на это поле работать—искренно, потому что я взялъ не авантюриста, бросающагося въ омутъ для выгоды ловить рыбу въ мутной водѣ, а — съ его точки зрѣнія — честнаго т.-е. искренняго человѣка, не глупаго, съ нѣкоторой силой характера. И въ этомъ условіе успѣха. Не умышленная ложь, а его собственное искреннее заблужденіе только и могли вводить въ заблужденіе и Вѣру, и другихъ. Плута всѣ узнали бы разомъ и отвернулись бы отъ него.

Прибавъ я къ этому авторское негодованіе, тогда былъ бы типъ не Волохова, а изображеніе моего личнаго чувства, и все пропало бы. *Sine ira* — законъ объективнаго творчества.

Точно такъ же, смягчи я этотъ портретъ въ угоду молодымъ голосамъ, не вышло бы героя того явленія, которое разыгралось у всѣхъ на глазахъ!

Онъ или вѣренъ или нѣтъ—дѣйствительности.

Если вѣренъ — то я правъ, и въ этомъ вся заслуга писателя, а тамъ уже дѣло читателей выводить изъ образа свои заключенія.

Теперь слѣдуетъ главный *corpus delicti*: какъ могла влю-

*) Къ несчастью, это оказалось возможнымъ въ извѣстной степени и у насъ, какъ это подтвердилось съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1875 г., когда были писаны эти строки.

биться въ него Вѣра, гордая, тонкая, изящная? Какъ изъ порядочнаго общества могла она уйти въ обрывъ, сблизиться съ такою личностью?

Странный упрекъ!

А вѣдь стоило только оглянуться вокругъ и слегка пробыжать въ памяти, что всё видѣли и пережили въ десятилѣтіе съ 1860 по 1870 годъ, чтобы рѣшить, вѣрно или не вѣрно мое изображеніе.

Мнѣ дѣлали этотъ упрекъ именно *въ то самое время*, когда это явленіе, какъ холера, какъ тифозная горячка, выхватывало изъ нашихъ родныхъ или знакомыхъ семей—жертву за жертвой, и наводило почти панику на общество.

Упрекають за то, что я *записалъ явленіе*, явно совершившееся, какъ будто небывальщину!

Развѣ женщины пренебрегали сближеніемъ съ этими, оторвавшимися отъ порядка, отъ общества, отъ семействъ, грубоватыми героями «новой силы», «новаго дѣла», идеала какого-то «громаднаго будущаго»?

Развѣ многія изящныя красавицы не пошли съ ними на ихъ чердаки, въ ихъ подвалы, бросивъ, однѣ родителей, другія мужей и—еще хуже—дѣтей?

Сколько было слуховъ о какихъ-то фаланстеріяхъ, куда уходили гнѣздиться разныя Вѣры!

Какія это женщины? скажутъ мнѣ.—Всякія! отвѣчу я.

Не однѣ падшія или готовыя къ паденію бросились въ омутъ—пѣтъ.

Кто изъ насъ не назоветъ примѣра такихъ эмиграцій—изъ почтенныхъ семействъ, отъ образованнаго круга,—на поиски новаго труда, новаго счастья, съ принесеніемъ въ жертву лучшихъ женскихъ качествъ, полученныхъ отъ природы и воспитанія, побѣговъ отъ прямого, скромнаго дѣла и трудныхъ семейныхъ обязанностей?

Сюда не подходятъ, конечно, тѣ серьезныя женщины новаго поколѣнія, которыя, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ работать

и которыя, путемъ строгаго, систематическаго образованія, ищутъ усвоить себѣ ту или другую отрасль знанія, профессію, и создаютъ для себя самостоятельную дѣятельность и жизнь. Но тутъ путь дологъ и труденъ, и не всѣ выдерживаютъ его до конца. Тѣ женщины не бѣгаютъ тайкомъ отъ своихъ семей: онѣ открыто идутъ въ открытыя имъ двери учебныхъ заведеній, обществъ, курсовъ, при общемъ участіи и уваженіи. Въ рукахъ этихъ женщинъ — прямое рѣшеніе, такъ-называемаго, женскаго вопроса!

Всѣ, конечно, знаютъ и помнятъ примѣры этихъ эмиграцій — и я зналъ нѣкоторыхъ женщинъ, съ которыхъ до этого «паденія» не задумался бы писать свою Вѣру!

Такъ гдѣ же, спрошу и я въ свою очередь, выдумка на молодыхъ поколѣнія обоого пола?

Я взялъ лучшую изъ женщинъ, которая самостоятельно и гордо, не прибѣгнувъ къ «старой мудрости» Бабушки и не подготовленная этою же Бабушкою, по невѣдѣнію и также по гордости, къ познанію настоящей «новой правды и новой жизни» — пошла сама на свѣтъ и едва не сгорѣла.

«Зачѣмъ вводить это въ романъ?» говорили между прочимъ. «Зачѣмъ писать романъ?» отвѣчу я, «если онъ не долженъ отражать жизни!»

Я писалъ не одного какого-нибудь *Волохова* и не одну *Вѣру*.

«Вѣра пала! какъ можно, какая жалость!» говорили мнѣ въ глаза.

И жаль всѣмъ было моею писанной Вѣры — портрета, но ужели менѣе жаль всѣхъ падшихъ живыхъ *Вѣръ*?

Въ IV главѣ пятой части (2-го тома, со стр. 482—483— до VII-ой главы) находится ключъ къ значенію Вѣры и къ тому, что подготовило ее паденія.

Пала не Вѣра, не личность, пала русская дѣвушка, русская женщина, — жертвой въ борьбѣ старой жизни съ новою; она не хотѣла жить слѣпо, по указкѣ старшихъ. Она

сама знала, что отжило въ старой, и давно тосковала, искала свѣжей, осмысленной жизни, хотѣла сознательно найти и принять новую *правду*, удержавъ и все прочное, коренное, лучшее въ старой жизни. Она хотѣла не разрушенія, а обновленія. Но она «не знала», гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее только отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золь и бѣдъ, и не приготовила ни къ какимъ невѣдомымъ ей самой бѣдамъ.

Въ новомъ другѣ Вѣра думала найти опору, свѣтъ, правду, потому что почуяла въ немъ какую-то силу, смѣлость, огонь,—и нашла ложь, которой, по невѣдѣнію и замкнутости, не распознала сначала, а распознавъ, гордо возмечтала силою любви измѣнить эту новую ложь на свою старую правду и обратить отщепенца въ свою вѣру, любовь и въ свои надежды.

И горько заплатила она за самовольное вкушеніе отъ этого древа познанія зла!

Она воротилась, клоня голову отъ боли и стыда, и пошла къ новой жизни уже другимъ, сознательнымъ путемъ.

До этого я не дописался, оставляя это на долю другимъ, молодымъ и свѣжимъ силамъ.

Повторяю, я не выдумывалъ ничего: сама жизнь писалась у меня, какъ я переживалъ ее и видѣлъ, какъ переживаютъ другіе, такъ она и ложилась подъ перо. Не я, а происшедшія у всѣхъ на глазахъ явленія обобщаютъ мои образы.

Обѣ бабушки — и Татьяна Марковна, и старое русское общество — оплакали свой «старый грѣхъ», разрушившій счастье покоя, тишины и дремоты,—грѣхъ недостатка прозорливости, живой заботливости о новыхъ живыхъ нуждахъ для свѣжихъ и молодыхъ силъ, грѣхъ своего упрямаго и добровольнаго невѣдѣнія, беззаботности, неосновательныхъ страховъ! Онѣ поняли, наконецъ, что жизнь не стоитъ, а вѣчно движется!

Мароинька и *Викентьевъ*, эта чета не даетъ Бабушкѣ ни горя, ни тревогъ. Последняя знаетъ, что ни та, ни другой, изъ *послушанія* ея не выйдутъ и будутъ жить, какъ она укажетъ. Бабушка цѣнитъ это выше всего.

«*Оставь Мароиньку!*»—строго говоритъ она (въ X главѣ 3-й части, стр. 118) Райскому, когда онъ вздумалъ, новыми идеалами жизни, смущать ясный міръ ея ума и чувства.—*«Она не будетъ счастлива насвязываемымъ тобою счастьемъ, и, стало-быть, будешь деспотомъ ты, а не я».*

: И русскія Мароиньки и Викентьевы никогда не слушаются бабушки!

Они всегда бодро, рѣзво и послушно, подъ ея глазами, пойдутъ по пути, покоряясь переменамъ, одобреннымъ бабушкою, не нуждаясь ни въ какихъ идеалахъ «новаго счастья», не думая о будущемъ, не скучая жизнью въ своей средѣ!

Эта часть поколѣній, *толпа, большинство*, будетъ жить, плодиться и множиться, и населять Русь, посмѣнно работая, веселясь, подчасъ горюясь и никогда не терзаясь невѣдомыми ей мучительными вопросами!

И бабушка награждаетъ послушныхъ и добрыхъ дѣтей материнскою заботою о нихъ, наблюдая, чтобъ имъ было вдоволь кушать, мирно спать, весело проводить время, слегка отбывать свой дневной привычный трудъ, получать мѣста, дѣлать карьеру и незамѣтно исчезать, смѣняясь новыми Мароиньками и Викентьевыми!

Бабушка безъ опасенія даетъ имъ свободу, отпустить за Волгу (или за границу), зная, что они придутъ опять подъ ея крыло такими же, и не уйдутъ никогда.

Она, давая свободу, похвасталась, что она будто только, *какъ полицеймейстеръ*, смотритъ, чтобы *снаружи все шло своимъ порядкомъ, а въ дома не входитъ, пока не позовутъ!* (стр. 119, ч. 3-я, гл. X).

Даже Райскій рукоплещетъ ей за эту свободу!

Неправда! преувеличила, похвасталась она: какъ она ни противилась, но время уже повѣяло и на нее, и она наружно отступилась отъ правъ на *смынное послушаніе* и дала свободу, но вмѣстѣ съ этимъ усилила невидимый надзоръ, замѣчая каждый взглядъ, слово, шагъ, прибирая свои *ключи* ко всему. Какъ она тоскуетъ и мечется, какъ допрашиваетъ Райскаго о «новой бѣдѣ», потому что не знала о ней! Если бъ въ Вѣрѣ повторился просто только старый женскій «грѣхъ» Бабушки, и особенно если бы геройемъ былъ кто-нибудь ей знакомый—старуха догадалась бы. Она вѣрила Вѣрѣ, потому что знала ее, и не боялась за нее; но она не знала, что такое Волоховъ. Она готовила ее противъ извѣстныхъ соблазновъ, но не могла уберечь противъ невѣдомаго, и научить остерегаться!—«Мой грѣхъ, мой грѣхъ!»—стонетъ она.

Вотъ гдѣ смыслъ ошибки обѣихъ женщинъ: въ гордости и невѣдѣніи! Бабушка знала только старую правду и старую ложь, но новой правды боялась и, боясь, не узнала и новой лжи, и не приготовила къ тому и другому и Вѣру. Она хотѣла отдѣлаться невѣдѣніемъ, умыленною слѣпотой, желала бы, чтобы около нея были все Марейньки и Викентьевы: но такъ на свѣтѣ не бываетъ. Рядомъ съ Марейньками роятся Вѣры; объ руку съ Райскими, Викентьевыми, являются и Волоховы. А она, не только Волохова, она не хотѣла слушать и любимпаго ее внука—Райскаго, когда онъ заговаривалъ о новомъ.

Будущій художникъ когда-нибудь скажетъ, какъ встали послѣ горькихъ опытовъ, и до чего возросли русскія Вѣры на пути разумной, сознательной жизни!

Райскій, въ посвященіи къ своему роману (въ концѣ второго тома, пятой части, стр. 650 и 651), дѣлаетъ легкій очеркъ отдаленной будущности русскихъ женщинъ. Это его идеаль женщины.

«Восхищаясь вашей красотой, вашей исполинскою си-

люю — *женскою любовью*, — пишетъ онъ: — я слабою рукою писалъ женщину; я надѣялся, что вы увидите въ ней отраженіе не одной красоты формъ, но и всей прелести вашихъ лучшихъ силъ.»

«Мы не равны: вы выше насъ, вы — сила; мы — ваше орудіе, мы сдѣлаемъ всю черновую работу; а вы, рождая насъ, берегите насъ, какъ провидѣніе, воспитывайте, учите труду, человѣчности, добру и той любви, которую Творецъ вложилъ въ наши сердца, — и мы пойдёмъ за вами туда, гдѣ все совершенно, гдѣ вѣчная красота!»

«То-есть: *создайте насъ вновь для жизни духа, какъ вы создали насъ по плоти*, вотъ гдѣ ваша задача!»

«Мы — творцы въ черной работѣ: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ воздѣланіи внѣшней природы: мы — внѣшніе дѣятели. Вы — создательницы и воспитательницы людей, вы — прямое, лучшее орудіе Бога» и т. д.

Райскій вѣрять этому великому будущему русской женщины, видя какая сила, въ роковой моментъ, встала изъ души сокрушенной старухи.

Если она была сильна своею гордою властью, то, подъ грозой, она нашла еще болѣе силы «нести удары» и страдать съ величіемъ, «не падая во прахъ?»

За эти страницы (502, 503, II тома), гдѣ Бабушка, со стономъ, ходитъ по крутому поволожью, по обрыву, по полямъ, въ какомъ-то забытѣ, въ терзаніяхъ за свой «грѣхъ», погубившій, по ея мнѣнію, Вѣру, меня упрекали, какъ за какія-то, будто бы чуждыя русской женщинѣ черты.

Черты величія души, чуждыя русской женщинѣ?!

У меня проведенъ цѣлый рядъ «женскихъ тѣней» въ параллель этой старухѣ, великихъ страдалицъ, жившихъ въ мирной, счастливой средѣ, прежде ничѣмъ особеннымъ не замѣтныхъ, какъ и бабушка, и вдругъ проявившихъ великія силы — въ рѣшительныя и грозныя минуты жизни. Новгородская Марѳа, ссыльные русскія царицы, жены дека-

бристовъ, и другія жертвы рока, которыми не бѣдна и старая, и новая лѣтопись русской жизни.

«Не похоже на деревенскую старуху!»—говорили мнѣ, т.-е. не реально, натянуто, ходульно!

Можетъ-быть, отчасти я это и самъ чувствовалъ, когда писалъ, и оттого вложилъ этотъ очеркъ въ пеструю фантазію Райскаго. Впрочемъ, я не такой поклонникъ реализма, чтобы не допускать отступленій отъ него. Въ угоду реализма пришлось бы слишкомъ ограничивать, и даже совсѣмъ устранить фантазію, впадать, значить, въ сухость, иногда въ безцвѣтность, вмѣсто живыхъ образовъ писать силуэты, иногда вовсе отказываться отъ поэзіи, и все во имя мнимой правды! Но вѣдь фантазія, а съ нею и поэзія, даны природой человѣку и входятъ въ его натуру, слѣдовательно, и въ жизнь: будетъ ли правдиво и реально миновать ихъ?

Бабушка перемогла себя, видя страданія слабой Вѣры, спасла ее самоотверженнымъ признаніемъ стараго «грѣха», но, къ горю своему, увидѣла, что и это не совсѣмъ извлекло ее изъ обрыва.

Она позвала на помощь Тушина, или, лучше сказать, онъ явился самъ, безъ зова, окончательно спасти Вѣру.

Фигура Тушина обрисована у меня въ двухъ-трехъ мѣстахъ (II тома, V глава, стр. 466, 479, далѣе въ гл. XVI и XVIII того же тома).

Это безсознательный новый человѣкъ, какъ его выкроила сама жизнь. Онъ простъ, потому что созданъ такимъ, онъ работаетъ, потому что иначе жизни не понимаетъ, какъ не понимаетъ и того, какъ можно, узнавъ Вѣру, не любить ее. Онъ мудро, т.-е. просто, здравымъ смысломъ, рѣшаетъ вопросы и своей, и чужой жизни, между прочимъ, Бабушки и Вѣры, когда онъ обратились къ нему, и идетъ по своему пути твердымъ, сознательнымъ шагомъ.

Онъ весь сложился изъ природныхъ своихъ здоровыхъ элементовъ, и изъ обстоятельствъ своей жизни и своего дѣла,

т.-е. долга и труда. Онъ простой, честный, нормальный человекъ, понимаетъ и любитъ свое дѣло, къ которому поставила его жизнь. Природа дала ему талантъ быть человекомъ — и ему оставалось не портить этого, оставаться на своемъ мѣстѣ. «Почувствовать и удержать въ себѣ красоту природной простоты» — по словамъ Райскаго, въ этомъ и вся его заслуга. Вѣрить въ эту простоту, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею, т.-е. имѣть сердце и дорожить имъ «если не выше, то наравнѣ съ умомъ». Тутъ весь очеркъ его.

Тушинъ давно уже хозяйничаетъ у себя въ имѣніи на рациональныхъ началахъ хозяйства и строгой справедливости, и онъ любитъ свое дѣло, и всѣ новыя идеи и преобразованія застали его готовымъ.

На этомъ сильномъ, простомъ человекѣ основались надежды Бабушки окончательно извлечь Вѣру изъ бездны ея горя — и подать ей руку на остальной путь!

И онъ сталь, «какъ каменная стѣна», и оградилъ ее отъ всякихъ обрывовъ.

«Дайте мнѣ Вѣру, — говоритъ онъ въ слезахъ отчаянія (II томъ, стр. 626 и 627):—я перенесу ее черезъ обрывъ. Она укроется подъ моей защитой отъ всякихъ грозъ и забудетъ обрывы. Вѣдь если лѣсъ мѣшаетъ идти впередъ, его вырубають, моря переплываютъ и прорываютъ горы, и все идутъ смѣлые люди впередъ!»

Да, впередъ, на настоящее *новое* дѣло: это не обломовскій сонъ и не волоховское безпочвенное блужданіе!

И Райскій, взглядывшись въ него, рѣшилъ, что *Тушины* наша настоящая *партія дѣйствія*, наше прочное *будущее*: когда настанетъ настоящее *дѣло*, явятся, вмѣсто утопистовъ, *работники*—*Тушины* «на всей лѣстницѣ русскаго общества» (II т., гл. XVIII).

Нарисовать фигуру Тушина, насколько я могъ наблюдать новыхъ серьезныхъ людей, я сознаюсь, что я не dokonчилъ,

какъ художникъ, этотъ образъ — и остальное (именно въ XVIII главѣ II тома) договорилъ о немъ въ намекахъ, какъ о представителѣ настоящей *новой силы* и *новаго дѣла*—уже обновленной тогда (въ 1867 и 1868 г., когда дописывались послѣднія главы) Россіи.

Рисовать, сказалъ я выше, трудно и, по-моему, просто нельзя, съ жизни, еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы. Никто не знаетъ, въ какія формы дѣятельности и жизни отольются молодыя силы юныхъ поколѣній, такъ какъ сама новая жизнь окончательно не выработала новыхъ окрѣпшихъ направленій и формъ. Можно въ общихъ чертахъ намекать на идею, на будущій характеръ новыхъ людей, что я и сдѣлалъ въ Тупинѣ. Но писать самый процессъ броженія нельзя: въ немъ личности видоизмѣняются почти каждый день — и будутъ неуловимы для пера.

Меня упрекали, зачѣмъ я написалъ отрицательный образъ Волохова—и не далъ противоположнаго образца въ новомъ поколѣніи. На это можно сказать многое. Скажу, прежде всего, что послѣ Гоголя мы въ искусствѣ не сошли съ пути отрицанія, между прочимъ и потому, что художнику легче даются отрицательные образы. Самъ Гоголь пробовалъ, во 2-й части «Мертвыхъ душъ», написать положительный образъ и потерпѣлъ неудачу. А другіе и подавно: въ послѣднее время ни у кого не вышло въ этомъ родѣ ничего художественнаго. Притомъ, это старый упрекъ, который дѣлали тому же Гоголю: «зачѣмъ въ «Ревизорѣ» или «Мертвыхъ душахъ» не вывелъ онъ ни одного хорошаго человѣка?» На такіе вопросы нечего сказать!

Если я отрицательно отнесся къ Райскому, къ Бабушкѣ, даже къ Марейнкѣ и Вѣрѣ—то почему же я терялъ право на отрицательный пріемъ въ отношеніи Волохова! Но я и въ немъ нашелъ положительную черту—искренность, за что мнѣ и досталось отъ старыхъ поколѣній!

Этого Тушина, говорю я, позвала Бабушка на помощь— и онъ сослужить ей службу, какъ и всѣ честные, здоровые члены новыхъ поколѣній, всѣ Тушины, сослужать службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразованіе и обновленіе.

Нужно ли въ заключеніе объяснять значеніе второстепенныхъ лицъ романа: Козлова съ женой, мимоходомъ выглянувшаго чиновника изъ семинаристовъ Опенкина, типъ стараго русскаго маркиза, остатокъ прошлаго вѣка, Тита Никоныча, друга Бабушки, наконецъ, пеструю толпу русской крѣпостной дворни?

Въ учителѣ Козловѣ мелькнуло мнѣ лицо русскаго ученаго—труженика, съ намекомъ на участь русской науки въ обломовскомъ обществѣ. Не имѣя подъ ногами и вокругъ никакой почвы, около—никакой сферы, никакого кружка для плодотворнаго развитія науки—онъ, забытый, загнанный въ глушь, безъ книгъ, безъ денегъ, бьется и влачитъ жалкое, скудное существованіе—среди равнодушныхъ къ наукѣ людей. Въ немъ теплится искра любви къ знанію, но—какъ въ степи—нѣтъ ей пищи, ни посѣва, ни полива, некуда бросить сѣмянъ—и они гложутъ въ немъ самою; а любящее сердце избрало кумиромъ ничтожество, идола, созданнаго безхарактерностью среды, безъ образа. Это его жена. Весь умъ его просился въ науку, все любящее сердце отдалось этой жалкой подругѣ. Ни тамъ, ни сямъ—онъ не нашелъ отвѣта, сгорѣлъ и угасъ одиноко, въ чистомъ пламени своей любви!

Въ лицѣ стараго чиновника изъ семинаристовъ, Опенкина, подвернулся мнѣ подъ руку одинъ изъ безчисленныхъ образчиковъ пьянства, типъ русскаго человѣка, утопившаго въ винѣ все свое, и прошлое, и будущее, всю жизнь, большею частію тирана своей семьи и бремя для цѣлаго круга, гдѣ онъ живетъ. А гдѣ онъ не живетъ! Этотъ штрихъ русской жизни почти неизбеженъ во всякой картинѣ нравовъ! Легкою тѣнью прошелъ онъ и у меня въ романѣ.

Въ дворѣ меня самого особенно занимала крѣпостная Мессалина Марина и угрюмый, сосредоточенный ея мужъ. Это, какъ я припоминаю самъ и другіе, бывшіе въ 1849 г. на Волгѣ и близко знакомые съ домомъ моихъ родныхъ — живые, дѣйствительные портреты тогдашней дворни, какъ и лакей Егоръ. Еще болѣе въ самой Бабушкѣ, и во внучкахъ ея, какъ я увидѣлъ послѣ, вкралась нѣкоторыя свѣтлыя, лучшія черты близкихъ мнѣ лицъ, конечно, не цѣликомъ, а типично, при совершенномъ различіи въ событіяхъ и смыслѣ романа.

При обзорѣ отношеній мужскихъ характеровъ къ женскимъ—во всемъ романѣ, я не могу не видѣть, въ каждомъ изъ нихъ, особеннаго вида или рода, словомъ характеристики привязанностей. Напримѣръ, преобладаніе фантазіи, артистическаго и нервнаго влеченія въ склонностяхъ Райскаго ко всѣмъ его идоламъ. Въ противоположность ему — въ Туминѣ—отношеніе къ Вѣрѣ носить чистый и глубокій, осмысленный и сознательный характеръ человѣческой привязанности, не подавляемой ни чувственностью, ни мелкимъ самолюбіемъ; эта привязанность возникаетъ въ немъ изъ самыхъ капитальныхъ свойствъ его личности и личности Вѣры. Она сильна, несокрушима: онъ мужественно выноситъ «ошибку», «несчастіе» Вѣры, какъ онъ называетъ ея паденіе, передъ которымъ не устояла бы другая, менѣе глубокая и сознательная страсть.

Затѣмъ глубокая же, сосредоточенная, но чисто животная до жестокости, также неразрушимая страсть, въ грубой, невоздѣланной натурѣ серьезнаго и тупога Савелья, къ его желтоглазой, невѣрной женѣ.

Далѣе, взаимная, веселая и ясная, какъ весна, любовь Викентьева и Марейнки, внушенная и дѣлѣемая самою природою, какъ любовь птицъ, осмысленная ихъ свѣтлымъ, естественнымъ взглядомъ на жизнь и другъ на друга.

Наконецъ, кроткая, безусловная нѣжность болѣзненной,

хрупкой Наташи, которую надломил и свел в могилу не одна обманутая любовь, но вообще суровое дыханіе жизни. Это райская птица, которая и могла только жить въ своемъ раю, подъ тропическимъ небомъ, подъ солнцемъ, безъ зимъ, безъ вѣтровъ, безъ хищныхъ когтей.

Все то, что пишу теперь — повторяю я — не представлялось мнѣ такъ ясно и отчетливо, какъ я увидѣлъ послѣ, закончивъ послѣдній свой романъ. Бѣлинскій справедливо придавалъ огромное значеніе художественному инстинкту. Образы, а вмѣстѣ съ ними и намеки на ихъ значеніе, въ зародышѣ, присутствовали во мнѣ и инстинктивно руководили моимъ перомъ.

Такимъ образомъ, какъ ни скромна степень художественности моего дарованія, но и во мнѣ сказался необъяснимый процессъ творчества, т.-е. невидимое для самого художника, инстинктивное воплощеніе перомъ-кистью тѣхъ или другихъ эпохъ жизни, которыхъ судьба поставила его участникомъ или свидѣтелемъ. Всего страннѣе, необъяснимѣе кажется въ этомъ процессѣ то, что иногда мелкія, аксессуарныя явленія и детали, представляющіяся въ дальней перспективѣ общаго плана отрывочно и отдѣльно, въ лицахъ, сценахъ, повидимому не вяжущихся другъ съ другомъ, потомъ какъ будто сами собою группируются около главнаго событія и сливаются въ общемъ строѣ жизни! Точно какъ будто дѣйствуютъ тутъ, еще неуловенныя наблюдениемъ, тонкія, невидимыя нити или, пожалуй, магнетическіе токи, образующіе морально-химическое соединеніе невещественныхъ силъ (какое происходитъ съ вещественными силами).

Къ этому загадочному, пока еще не разъясненному, но любопытному явленію въ области творчества, можно отнести и духовное, наследственное средство, какое замѣчается между творческими типами художниковъ, начиная съ Гомеровскихъ, Эзоповскихъ, потомъ Сервантесовскаго героя,

Шекспировскихъ, Мольеровскихъ, Гётевскихъ и проч., и проч. до типовъ нашего Пушкина, Грибоѣдова и Гоголя включительно.

Этотъ міръ творческихъ типовъ имѣетъ какъ будто свою особую жизнь, свою исторію, свою географію и этнографію, и когда-нибудь, вѣроятно, сдѣлается предметомъ любопытныхъ историко-философскихъ критическихъ изслѣдованій. Донъ-Кихоть, Лиръ, Гамлетъ, леди Макбетъ, Фальстафъ, Донъ-Жуанъ, Тартюфъ и другіе, уже породили, въ созданіяхъ позднѣйшихъ талантовъ, цѣлыя родственныя поколѣнія подобій, раздробившихся на множество брызгъ или капель. И въ новое время обнаружится, на примѣръ, что множество современныхъ типовъ въ родѣ Чичикова, Хлестакова, Собакевича, Ноздрева, и т. д. окажутся разнородностями развѣтвившагося генеалогическаго дерева Митрофановъ, Скотининыхъ, и, въ свою очередь, расплодятся на множество другихъ и т. д. И мало ли что открылось бы въ этихъ богатыхъ и не тронутыхъ рудникахъ!

Но оставимъ это духовное средство типовъ: я, съ своими героями, не прошусь на Олимпъ. Я просто объясняю свой взглядъ на собственныя мои сочиненія и жалѣю, если мнѣ не удалось выразить того въ нихъ и другихъ, что вижу самъ.

Можетъ-быть и оттого, между прочимъ, мои лица не кажутся другимъ такими, какими я разумѣлъ ихъ, что всѣ эти портреты, типы—слишкомъ мѣстные, вышедшіе изъ небольшого приволжскаго угла, и потому не всѣмъ, живущимъ на разбросанныхъ пространствахъ Россіи, близко извѣстны, и, наконецъ, развѣ и потому еще, что въ нихъ сквозитъ много близкаго и родного автору, и замѣтно пробивается кровная его любовь къ нимъ.

Да, можетъ-быть, и такъ: дѣйствительно много личнаго, интимнаго, т.-е. своего, и себя самого, вложено авторомъ туда!

Недаромъ въ одной, писанной за границею, на французскомъ языкѣ, исторіи новой русской литературы, сказано (сколько я помню, не имѣя книги подъ рукою), между прочимъ, обо мнѣ, что я писалъ сердцемъ, а сознательный умъ, идею авторъ приписываетъ другимъ, и ставить это въ искусствѣ выше образа, живописи и прочее. Словомъ, авторъ клонитъ свою критику въ сторону реализма.

Конечно, реализмъ есть одна изъ капитальныхъ основъ искусства, но только не тотъ реализмъ, который проповѣдуетъ новѣйшая школа за границею, и отчасти у насъ!

Кто же отвергаетъ рекомендуемое ею стремленіе къ правдѣ — и въ искусствѣ, и въ жизни? Сами же эти реалисты сознаютъ, что Гомеръ, Сервантесъ, Шекспиръ, Гёте и другіе, а у насъ, прибавимъ отъ себя, Фонвизинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, стремились къ правдѣ, находили ее въ природѣ, въ жизни, и вносили въ свои произведенія. Стало-быть это далеко не новое.

Надо слѣдовать одной природѣ, не нужно вымысловъ, небывалаго, преувеличеній, ходуль, натяжекъ, словомъ, никакой лжи! провозглашаютъ нео-реалисты. И, конечно, они правы, если подъ вымысломъ разумѣютъ выдумки небывалаго или невозможнаго въ природѣ и въ жизни. Но то же самое говорили и дѣлали и до нихъ, хотя бы въ русской натуральной школѣ, опередившей появленіемъ французскую.

Чего же еще хотятъ новые реалисты, присвоивая себѣ господство въ искусствѣ, и въ этомъ, и чуть ли не во всѣхъ послѣдующіе вѣка?

Они, сколько можно понять, кажется, претендуютъ на тѣ же приемы и пути, какими изслѣдуетъ природу и идетъ къ истинѣ наука, и отрицаютъ въ художественныхъ поискахъ правды такія пособія, какъ типичность, юморъ, отрицаютъ всякіе идеалы, не признаютъ нужною фантазію и т. д.

Вотъ до чего договорились!

Пишу одну природу и жизнь, какъ онѣ есть! говорятъ

они! Но вѣдь стремленіе къ идеаламъ, фантазія—это тоже органическія свойства человѣческой природы. Вѣдь правда въ природѣ дается художнику только путемъ фантазіи!

Ученый ничего не создаетъ, а открываетъ готовую и скрытую въ природѣ правду, а художникъ создаетъ подобія правды, т.-е. наблюдаемая имъ правда отражается въ его фантазіи, и онъ переноситъ эти отраженія въ свое произведеніе. Это и будетъ художественная правда.

Слѣдовательно, художественная правда и правда дѣйствительности — не одно и то же. Явленіе, перенесенное цѣликомъ изъ жизни въ произведеніе искусства, теряетъ истинность дѣйствительности и не станетъ художественною правдою. Поставьте рядомъ два-три факта изъ жизни, какъ они случались, выйдетъ невѣрно, даже неправдоподобно.

Отчего же это? Именно оттого, что художникъ пишетъ не прямо съ природы и съ жизни, а создаетъ правдоподобія ихъ. Въ этомъ и заключается процессъ творчества!

Вѣдь это все азбука эстетики, но передѣлать этой азбуки, какъ и самаго искусства, нельзя.

Пособіемъ художника всегда будетъ фантазія, а цѣлью его, хотя и несознательною, пассивною, или замаскированою, стремленіе къ тѣмъ или другимъ идеаламъ, хоть бы, напримѣръ, къ усовершенствованію наблюдаемыхъ имъ явленій, къ замѣнѣ худшаго лучшимъ.

И это лучшее и будетъ идеаломъ, отъ котораго не отдѣлаться художнику, особенно когда у него, кромѣ ума, есть и сердце.

Нео-реалисты пробуютъ приложить свою теорію къ искусству и даютъ намъ, иногда, и въ живописи, и въ искусствѣ слова, свои снимки будто бы съ природы и съ жизни, сдѣланные «умомъ»: но эти попытки пока ограничились сухими, блѣдными и... скучными произведеніями, пожалуй, ума, но никакъ не искусства, если не разумѣть подъ искусствомъ одну технику.

Эти енимки никогда не замѣняют картинъ, освѣщенныхъ лучами фантази, полныхъ огня, трепета и горячаго дыханія жизни. Писать художественныя произведенія только умомъ—все равно, что требовать отъ солнца, чтобы оно давало лишь свѣтъ, но не играло лучами—въ воздухѣ, на деревьяхъ, на водахъ, не давало бы тѣхъ красокъ, тоновъ и переливовъ свѣта, которые сообщаютъ красоту и блескъ природѣ! Развѣ это реально?

И что такое умъ въ искусствѣ? Это умѣнье создать образъ. Слѣдовательно, въ художественномъ произведеніи одинъ образъ уменъ—и чѣмъ онъ строже, тѣмъ умнѣе. Однимъ умомъ въ десяти томахъ не скажешь того, что сказано десяткомъ лицъ въ какомъ-нибудь «Ревизорѣ»!

Это правда, что романъ захватываетъ все: въ него прячется памфлетъ, иногда цѣлый нравственный или научный трактатъ, простое наблюденіе надъ жизнью или философское воззрѣніе, но такіе романы (или просто книги) ничего не имѣютъ общаго съ искусствомъ. Романъ—какъ картина жизни—возможенъ только при вышеизложенныхъ условіяхъ, не во гнѣвъ будь сказано новѣйшимъ реалистамъ!

Гоголь, безспорно, — реалистъ: у кого найдешь больше правды въ образахъ? Но онъ, смѣши и «смѣясь, невидимо плакалъ»: оттого въ его сатиры и улеглась вся безконечная Русь своею отрицательною стороною, со своею плотью, кровью и дыханіемъ.

Какой отрадной теплотой дышать его созданія отъ этого юмора, подъ которымъ прячутся его «невидимыя слезы» и котораго нѣтъ у псевдо-реалистовъ, а есть холодная пронія, продуктъ, пожалуй, ума: они, кажется, ее только одну и допускаютъ въ искусствѣ! Но она никогда не замѣнитъ юмора.

Природа слишкомъ сильна и своеобразна, чтобы взять ее, такъ сказать, цѣликомъ, помѣряться съ нею ея же силами и непосредственно стать рядомъ; она не дастся. У

нея свои слишком могучія средства. Изъ непосредственнаго снимка съ нея выйдетъ жалкая, безсильная копія. Она позволяетъ приблизиться къ ней только путемъ творческой фантазіи.

Иначе было бы слишкомъ просто быть художникомъ. Стоило бы только, по совѣту одного лица, въ «Разъѣздѣ» Гоголя, сѣсть у окна, да записывать, что дѣлается на улицѣ, и вышла бы комедія или повѣсть.

Замѣчательно, что нѣкоторые изъ героевъ дня, ставшихъ во главѣ новѣйшаго реализма въ искусствѣ, обязаны были лучшими своими произведеніями именно тѣмъ могучимъ орудіямъ искусства: фантазіи, юмору, типичности, словомъ—поэзии, отъ которыхъ отрекаются теперь.

Кстати о типичности. Новая реальная школа, сколько можно понять, кажется, отвергаетъ и ее. Это уже значить—замахиваться не на одну, такъ-называемую «романтическую школу», а на Шекспира, Сервантеса, Мольера! Кому какое дѣло было бы, напримѣръ, до полоумныхъ Лира и Донъ-Кихота, если бѣ это были портреты какихъ-то чудаковъ, а не типы, т.-е. зеркала, отражающія въ себѣ безчисленные подобія—въ старомъ, новомъ и будущемъ человѣческомъ обществѣ?

Нѣтъ, напрасно будетъ пророчить себѣ этотъ новый родъ реализма долгіи вѣкъ, если онъ откажется отъ пособія фантазіи, юмора, типичности, живописи, вообще поэзии, и будетъ пробавляться однимъ умомъ, безъ участія сердца!

Написалъ ли бы, безъ всего этого, и между прочимъ безъ сердца, Грибоѣдовъ свою, горячо любимую имъ Москву, въ «Горѣ отъ ума», Пушкинъ—своего «Онѣгина»? Гоголь, не говоря уже о его картинахъ малороссійской природы и жизни, даже въ своихъ реальныхъ «Мертвыхъ Душахъ», не создалъ бы этихъ дышавшихъ жизнью Коробочекъ, Маниловыхъ, Собакевичей? Не могъ бы равнодушный человѣкъ писать такими живыми красками, говорить этими образами, такъ близко намъ, какъ будто мы живемъ среди ихъ!

Другой огромный талант — Островскій, безъ любви къ каждому камню Москвы, къ каждому горбатуму переулку, къ каждому москвичу, шевелящемуся въ своей кучѣ сора и хлама, создалъ ли бы весь этотъ чудный міръ, съ его духомъ, обычаемъ, дѣлами, страстями, — безъ этой любви; которая сквозить въ его изображеніяхъ царей, Мининыхъ, Брусковыхъ, ихъ женъ, дѣтей, свахъ и проч.? Отъ этого, въ его безконечныхъ галереяхъ, и является вся Великая Россія «во-очью», что она писалась фантазією, юморомъ и любовью, разсыпалась на безчисленныя разновидности типовъ, характерныхъ, всѣмъ знакомыхъ сценъ, именно потому всѣмъ знакомыхъ, что они воздавались художническою поэтическою кистью, а не просто копировались съ жизни.

И Тургеневъ, создавшій, въ «Запискахъ Охотника», рядъ живыхъ миниатюръ крѣпостного быта, конечно, не далъ бы литературѣ тонкихъ, мягкихъ, полныхъ классической простоты и истинно-реальной правды, очерковъ мелкаго барства, крестьянскаго люда и неподражаемыхъ пейзажей русской природы, если бѣ съ дѣтства не пропитался любовью къ родной почвѣ своихъ полей, лѣсовъ, и не сохранилъ въ душѣ образа страданій населяющаго ихъ люда!

Графъ Левъ Толстой — безспорно великій реалистъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, пишеть конечно съ природы, особенно въ послѣднемъ своемъ произведеніи. Онъ по-своему понять, о чемъ хлопочуть новые реалисты, и, обладая тѣмъ, чего имъ недостаетъ, преподалъ манеру, какъ можно, творчески, силою фантазій, стать очень близко къ природѣ и правдѣ. Какою нѣжною теплотой окружаетъ онъ нѣкоторыя свои лица, напримѣръ, своего героя Левина съ женой, или эту мягкую, развалившуюся отъ заботъ житейскихъ, добрую Облонскую, бѣдную грѣшницу Каренину, дѣтей, потомъ деревню, поля, охоты и все, что онъ любить, съ чѣмъ сжился и чѣмъ пропитался! Все это не мѣшаетъ строгой объективности въ немъ, какъ, напримѣръ, теплый

воздухъ и игра солнечныхъ лучей не мѣшаютъ вѣрности рисунка въ пейзажѣ.

Даже такіе, особые, не входящіе въ этотъ кругъ, своеобразные таланты, какъ Достоевскій и Щедринъ — не могли бы, силою одного холодного анализа, находить правды жизни—одинъ въ глубокой, никому, кромѣ его, не достигаемой пучинѣ людскихъ золь, другой въ мутномъ потокѣ мелькающихъ передъ нимъ безобразій. Одинъ содрогается и стонетъ самъ — содрогается отъ ужаса и боли его читатель, точно такъ же, какъ этотъ читатель злобно хохочетъ съ авторомъ надъ какой-нибудь «современной идилліей», или внезапно поблѣднѣетъ передъ образомъ «Гудушки».

Подъ этой мрачной скорбью одного и горячей злобой другого—кипятъ свои «невидимыя слезы», прячется своя любовь, которая, вмѣстѣ съ другими силами творчества, лежитъ въ основѣ талантовъ всѣхъ этихъ звѣздъ первой величины.

Не было бы ничего этого у нихъ, если бъ они были только покойные, объективные наблюдатели правды! Всѣ эти, вмѣстѣ взятые силы, только и ведутъ къ истинной «правдѣ» въ искусствѣ!

Да, много хочетъ и далеко зашелъ новѣйшій реализмъ! Тамъ, куда онъ мѣтитъ, одного ума мало: въ искусствѣ умъ долженъ быть въ союзѣ съ фантазіей.

А безъ этого пусть разгоряются негодованіемъ на зло, пусть стремятся служить «злобамъ дня» — ничего, кромѣ претензіи, т. е. тенденцій, не будетъ.

Поэтому пора бы оставить въ покоѣ ничего не выражающую фразу «искусство для искусства». Этимъ грѣхомъ, между прочимъ, еще не такъ давно упрекали почти всѣхъ нашихъ писателей, даже, кажется, и Пушкина!

Что-нибудь одно: или у писателя нѣтъ таланта — и онъ пишетъ только для искусства писать: но тогда не было бы никакой живописи, никакихъ живыхъ лицъ и ничего бы не выходило.

А если признають талантъ, а съ нимъ и живопись, тогда послѣдняя что-нибудь да выражаетъ. Живой, т. е. правдивый образъ всегда говоритъ о жизни, все равно о какой.

«Намъ до той или другой жизни дѣла нѣтъ: — все въ искусствѣ должно служить дѣлу, моменту, «злобѣ дня», — проповѣдуютъ ультро-реалисты.

Но вѣдь этакъ пришлось бы ограничить жизнь суетливымъ перебѣганьемъ отъ одной дневной заботы къ другой. Куда же дѣвать всё другія, безчисленные, и мрачныя, и свѣтлыя стороны жизни, картины не однихъ политическихъ, соціальныхъ, но и общечеловѣческихъ, разнороднѣйшихъ страстей, интересовъ, суетъ, волненій и горячекъ, скорбей и радостей? Вѣдь жизнь — это безпредѣльное и глубокое море: его не исчерпаешь и не направишь въ одно какое-нибудь узкое русло, а съ нимъ и искусство, ея вѣрное отраженіе!

Лучше бы ужъ называть — «искусство безъ искусства», какъ остроумно, и совершенно основательно, выразился однажды, кажется, «Вѣстникъ Европы», говоря по какому-то поводу о тенденціозныхъ произведеніяхъ.

На скользкой почвѣ крайняго реализма пробовали свои силы и серьезные таланты, но эти попытки оказались безплодны и не прибавили (если только не убавили) ни одного листка къ ихъ лавровому вѣнку.

Нѣтъ — будемъ держаться школы старыхъ учителей и идти проложеннымъ ими путемъ, не отказываясь, конечно, отъ истинныхъ, законныхъ развитій, новыхъ шаговъ въ искусствѣ, хоть бы отъ того же самаго реализма, когда эти шаги не будутъ *pas de géants*, и когда онъ откажется отъ претензіи колебать основные законы искусства!

Въ нашемъ вѣкѣ намъ далъ образецъ художественнаго романа общій учитель романистовъ — это Диккенсъ. Не одинъ наблюдательный умъ, а фантазія, юморъ, поэзія, любовь, которой онъ, по его выраженію, «носилъ цѣлый

океанъ» въ себѣ — помогли ему написать всю Англію, въ живыхъ, безсмертныхъ типахъ и сценахъ.

Отъ всѣхъ громкихъ этихъ именъ перехожу опять къ себѣ и доскажу послѣднія слова о своихъ сочиненіяхъ.

Нѣкоторые старались доказывать, и въ печати, и даже мнѣ самому лично, что романъ «Обрывъ» вообще будто бы слабѣ другихъ моихъ сочиненій, а послѣднія его, 4 и 5-я части слабѣ первыхъ трехъ.

Если бъ мнѣ сказали просто — «романъ слабъ», я тотчасъ согласился бы съ этимъ: я самъ болѣе, нежели кто-нибудь, питаю недоувѣріе къ своимъ силамъ. Притомъ и нельзя же самому доказать о себѣ, что то или другое сдѣлано хорошо. Но всякому автору позволительно, не нарушая приличій скромности, выражать свое мнѣніе о томъ, что онъ сдѣлалъ *лучше* и что *хуже*. И я, на основаніи этого права, нахожу, что послѣднія двѣ части безспорно лучше первыхъ трехъ. Онѣ писаны болѣе созрѣвшею и опытною въ работѣ рукою, онѣ сжатѣе, опредѣлительнѣе и яснѣе первыхъ.

Притомъ онѣ такъ органически связаны съ цѣлымъ романомъ, что безъ нихъ первыя три части не имѣли бы никакого значенія — и я, долго отвлекаемый разными посторонними литературъ дѣлами отъ доведенія «Обрыва» до конца, хотѣлъ уже бросить всю первую половину романа. Весь смыслъ его, вся его «причина» и «суть» только и объясняются и доказываются двумя послѣдними частями, въ которыхъ, между прочимъ, окончательно разыгрывается и драма Вѣры. Тамъ закончилась и ея фигура — и портреты Бабушки, Райскаго, Козлова съ женой, Марѣнныки и всѣхъ остальныхъ.

Безъ этихъ двухъ частей была бы треть романа, разрушенное тѣло, безъ смысла, безъ значенія, словомъ — уродъ.

Можетъ-быть завершеніе этого огромнаго полотна, вторяю, сдѣлано слабо и неудовлетворительно (не мнѣ объ

этомъ судить), но отнюдь не слабѣе и хуже, а напротивъ положительно лучше всего, написаннаго мною прежде.

За это «лучше» я только и въ правѣ стоять и стою на своемъ.

Въ заключеніе мнѣ остается еще отвѣтить на послѣдніе, обращаемые ко мнѣ съ разныхъ сторонъ и до сихъ поръ, вопросы. Именно: зачѣмъ я такъ долго, лѣтъ по десяти, писалъ свои романы? Потомъ — зачѣмъ я не пишу ничего другого?

Отвѣтъ на первый вопросъ или упрекъ заключается отчасти въ сказанномъ выше.

Прибавлю только, что если потрудятся вникнуть въ смыслъ моихъ романовъ и найдутъ хотя малую долю того значенія, которое я самъ въ нихъ вижу, то и полагаю, не понадобится быть самому авторомъ, чтобы разсудить и рѣшить о томъ невидимомъ, но громадномъ трудѣ, какого требуетъ построеніе цѣлаго зданія романа! Одной архитектоники, т.-е. постройки зданія, довольно, чтобы поглотить всю умственную дѣятельность автора: соображать, обдумывать участіе лицъ въ главной задачѣ, отношеніе ихъ другъ къ другу, постановку и ходъ событій, роль лицъ, съ неусыпнымъ контролемъ и критикою относительно вѣрности или невѣрности, недостатковъ, излишества и т. д. Словомъ— *c'est une mer à boire!*

Я не говорю о самыхъ лицахъ, типахъ: они даются художнику даромъ, почти независимо отъ него, растутъ на почвѣ его фантазій. Трудъ его — только обработка, отдѣлка ихъ, группировка, участіе въ дѣйствіи. Нельзя одолѣть всего этого однимъ умомъ: приходитъ на помощь независящая отъ автора сила — художественный инстинктъ. Умъ разбиваетъ, какъ паркъ или садъ, главныя линіи, положенія, придумываетъ необходимости, а приводитъ это въ исполненіе и помогаетъ сказанный инстинктъ.

Разумѣется, онъ является при любви, при жаждѣ автора

къ своей работѣ, т.-е. при извѣстной степени нервнаго раздраженія, называемаго, на языкѣ идеалистовъ, «вдохновеніемъ».

Тогда, среди намѣченнаго умомъ главнаго хода или дѣйствія, при созданныхъ фантазією лица — подѣ рукою, какъ будто сами собою, роятся и сцены и детали, перо, кисть едва усииваетъ писать.

Сколько же времени уходитъ на всю эту, невидимую читателю, работу!

И всегда ли оно въ распоряженіи автора? Всегда ли онъ можетъ сосредоточиться, особенно здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ, по обстоятельствамъ, живетъ весь вѣкъ, служба и участвуя, волей и неволей, въ свѣтской жизни и платя дань ея требованіямъ?

Объ этомъ никто не подумаетъ, читая легкія страницы романа, и не зная, какъ не легко достаются онѣ автору!

Вѣлинскій сказалъ мнѣ однажды, какъ упомянуто выше: «что другому стало бы на десять повѣстей, у него укладывается въ одномъ романѣ»!

Это сказалъ онъ про самую краткую изъ моихъ книгъ— «Обыкновенную исторію»!

Что сказалъ бы онъ объ *Обломовъ*, объ *Обрывъ*, куда уложилась и вся моя, такъ сказать, собственная—и много другихъ жизней?

Худо ли, хорошо ли — это другой вопросъ (не мнѣ рѣшать его!); но если въ рамки моихъ романовъ укладывались продолжительные періоды, съ 40-хъ до 70-хъ годовъ, то спрашивается, возможно ли писаніе такихъ картинъ, развивавшихся и писавшихся параллельно теченію самой жизни, хотя бы въ годъ—два? Конечно нѣтъ!

Последній вопросъ: зачѣмъ я не писалъ и не пишу ничего другого?

Не могу, не умѣю! То-есть, не могу и не умѣю ничего писать иначе, какъ образами, картинами, и притомъ большими, слѣдовательно писать долго, медленно и трудно.

Для образовъ и картинъ требуется извѣстная свѣжесть силъ и охоты: всему есть своя пора. Къ концу поприща человѣкъ устаетъ отъ борьбы со всѣми и со всѣми, что ему мѣшало, что не понимало его, что враждовало съ нимъ.

И не публицистъ, не присяжный критикъ, я жилъ и писалъ больше всего подъ вліяніемъ фантазіи—и въ послѣдней перо мое мало имѣетъ силы, не производитъ дѣйствія!

Напрасно просили моего сотрудничества въ журналахъ, въ качествѣ рецензента или публициста; пробовалъ — и ничего не выходило, кромѣ блѣдныхъ статей, уступавшихъ всякому бойкому перу привычныхъ журнальныхъ сотрудниковъ.

Напрасно тоже нѣкоторые предлагали мнѣ задачи для романа. «Опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню!»

Не могу, не умѣю! *То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самою, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ,—то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюдений, впечатлѣній и воспоминаній,—и я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ — словомъ писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней прирастало.*

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

I.

Однажды, лѣтомъ, въ деревнѣ Грачахъ, у небогатой помѣщицы Анны Павловны Адуевой, всѣ въ домѣ поднялись съ разсвѣтомъ, начиная съ хозяйки до цѣпной собаки Барбоса.

Только единственный сынъ Анны Павловны, Александръ Ѳедорычъ, спалъ, какъ слѣдуетъ спать двадцатилѣтнему юношѣ, богатырскимъ сномъ; а въ домѣ всѣ суетились и хлопотали. Люди ходили однакожь на цыпочкахъ и говорили шопотомъ, чтобъ не разбудить молодого барина. Чуть кто-нибудь стукнетъ, громко заговорить, сейчасъ, какъ раздраженная львица, являлась Анна Павловна и наказывала неосторожнаго строгимъ выговоромъ, обиднымъ прозвищемъ, а иногда, по мѣрѣ гнѣва и силъ своихъ, и толчкомъ.

На кухнѣ стряпали въ трое рукъ, какъ будто на десятерыхъ, хотя все господское семейство только и состояло, что изъ Анны Павловны да Александра Ѳедорыча. Въ сараѣ вытирали и подмазывали повозку. Всѣ были заняты и работали дѣло-поту лица. Барбось только ничего не дѣлалъ, но и тотъ по-своему принималъ участіе въ общемъ движеніи. Когда мимо его проходилъ лакей, кучеръ, или шмыгала дѣвка, онъ махалъ хвостомъ и тщательно обнюхивалъ проходящаго, а самъ глазами, кажется, спрашивалъ: скажутъ ли мнѣ наконецъ, что у насъ сегодня за суматоха?

А суматоха была оттого, что Анна Павловна отпускала

сына въ Петербургъ на службу, или, какъ она говорила, людей посмотрѣть и себя показать. Убийственный для нея день! Отъ этого она такая грустная и разстроенная. Часто, въ хлопотахъ, она откроетъ ротъ, чтобъ приказать что-нибудь, и вдругъ остановится на полусловѣ, голосъ ей измѣнится, она отвернется въ сторону и оботретъ, если успеетъ, слезу, а не успеетъ, такъ уронитъ ее въ чемоданъ, въ который сама укладывала Сашенькино бѣлье. Слезы давно кинуть у ней въ сердцѣ; онѣ подступили къ горлу, давить грудь и готовы брызнуть въ три ручья; но она какъ будто берегла ихъ на прощанье и изрѣдка тратила по капелькѣ.

Не одна она оплакивала разлуку: сильно горевать тоже камердинеръ Сашеньки, Евсей. Онъ отпраивался съ барининомъ въ Петербургъ, покидалъ самый теплый уголь въ домѣ, за лежанкой, въ комнатѣ Аграфены, перваго министра въ хозяйствѣ Анны Павловны и—что всего важнѣе для Евсея, первой ея ключницы.

За лежанкой только и было мѣста, чтобъ поставить два стула и столъ, на которомъ готовился чай, кофе, закуска. Евсей прочно занималъ мѣсто и за печкой, и въ сердцѣ Аграфены. На другомъ стулѣ засѣдала она сама.

Исторія объ Аграфенѣ и Евсеевѣ была ужъ старая исторія въ домѣ. О ней, какъ обо всемъ на свѣтѣ, поговорили, позлословили ихъ обоихъ, а потомъ, такъ же, какъ и обо всемъ, замолчали. Сама барыня привыкла видѣть ихъ вмѣстѣ, и они блаженствовали цѣлыя десять лѣтъ. Многіе ли въ итогѣ годовъ своей жизни начтутъ десять счастливыхъ? Зато вотъ настала и мигъ утраты! Прощай теплый уголь, прощай Аграфена Ивановна, прощай игра въ дураки, и кофе, и водка, и наливка—все прощай!

Евсей сидѣлъ молча и сильно вздыхалъ. Аграфена, насупясь, суетилась по хозяйству. У ней горе выражалось по-своему. Она въ тотъ день съ ожесточеніемъ разлила чай, и вмѣсто того, чтобъ первую чашку кружкаго чая подать, по

обыкновенію, барыня, выплеснула его вонъ: «никому» дескать «не доставайся», и твердо перенесла выговоръ. Кофе у ней перекипѣлъ, сливки подгорѣли, чашки валились изъ рукъ. Она не поставитъ подноса на столъ, а брякнетъ; не отворитъ шкапа и двери, а хлопнетъ. Но она не плакала, а сердилась на все и на всѣхъ. Впрочемъ, это вообще было главною чертою въ ея характерѣ. Она никогда не была довольна; все не по ней; всегда ворчала, жаловалась. Но въ эту роковую для нея минуту характеръ ея обнаруживался во всемъ своемъ пафосѣ. Пуще всего, кажется, она сердилась на Евсея.

— Аграфена Ивановна!..—сказалъ онъ жалобно и нѣжно, что не совѣмъ шло къ его длинной и плотной фигурѣ.

— Ну, что ты, разиня, тутъ разсѣлся? — отвѣчала она, какъ будто онъ въ первый разъ тутъ сидѣлъ.—Пусти прочь: надо полотенце достать.

-- Эхъ, Аграфена Ивановна!.. — повторилъ онъ лѣниво, вздыхая и поднимаясь со стула и тотчасъ опять опускаясь, когда она взяла полотенце.

— Только хнычетъ! Вотъ пострѣлъ навязался! Что это за наказаніе, Господи! и не отвяжется!

И она со звономъ уронила ложку въ полоскательную чашку.

— Аграфена!—раздалось вдругъ изъ другой комнаты:—ты никакъ съ ума сошла! развѣ не знаешь, что Сашенька почиваетъ? Подралась, что ли, со своимъ возлюбленнымъ на прощаньи?

— Не пошевелись для тебя, сиди, какъ мертвая! — прошипѣла по-зѣминому Аграфена, вытирая чашку обѣими руками, какъ будто хотѣла изломать ее въ куски.

— Прощайте, прощайте! — съ громаднѣйшимъ вздохомъ сказалъ Евсей:—послѣдній денекъ, Аграфена Ивановна!

— И слава Богу! пусть унесутъ васъ черти отсюда: просторнѣе будетъ. Да пусти прочь, негдѣ ступить: протянулъ ноги-то!

Онъ тронуль-было ее за плечо — какъ она ему отвѣтила! Онъ опять вздохнулъ, но съ мѣста не двигался; да напрасно и двинулся бы: Аграфенъ этого не хотѣлось. Евсей зналъ это и не смущался.

— Кто-то сядетъ на мое мѣсто? — промолвилъ онъ, все со вздохомъ.

— Дѣшій! — отрывисто отвѣчала она.

— Дай-то Богъ! лишь бы не Прощка. А кто-то въ дураки съ вами станеть играть?

— Ну, хоть бы и Прощка, такъ что жъ за бѣда? — со злостью замѣтила она.

Евсей всталъ.

— Вы не играйте съ Прощкой, ей-Богу, не играйте! — сказалъ онъ съ безпокойствомъ и почти съ угрозой.

— А кто мнѣ запретить? ты, что ли, образина этакая?

— Матушка, Аграфена Ивановна! — началъ онъ умоляющимъ голосомъ, обнявъ ее — за талию, сказалъ бы я, если бъ у ней былъ хоть малѣйшій намекъ на талию.

Она отвѣчала на объятіе локтемъ въ грудь.

— Матушка, Аграфена Ивановна! — повторилъ онъ: — будетъ ли Прощка любить васъ такъ, какъ я? Поглядите? какой онъ озорникъ: ни одной женщины проходу не дастъ. А я-то! э-эхъ! Вы у меня, что синь-порохъ въ глазу! Если бъ не барская воля, такъ... эхъ!..

Онъ при этомъ крикнулъ и махнулъ рукой. Аграфена не выдержала: и у ней, наконецъ, горе обнаружилось въ слезахъ.

— Да отстанешь ли ты отъ меня, окаянный? — говорила она плача: — что мелешь, дуралей! Свяжусь я съ Прощкой! развѣ не видишь самъ, что отъ него путнаго слова не добьешься? только и знаетъ, что лѣзетъ съ ручищами...

— И къ вамъ лѣзъ? Ахъ мерзавецъ! А вы, небось, не скажете! Я бы его...

— Пользь-ка, такъ узнаеть! Развѣ нѣтъ въ дворнѣ жен-

скаго пола, кромѣ меня? Съ Прощкой свяжусь! вишь что выдумаль! Подлѣ него и сидѣть-то тошно—свинья-свиньей! Онъ, того и гляди, норовить ударить человѣка, или сожрать что-нибудь барское изъ-подъ рукъ—и не увидишь.

— Ужъ если, Аграфена Ивановна, случай такой придетъ—лукавый вѣдь силенъ—такъ лучше Гринку посадите тутъ: по-крайности, малый смиренный, работающій, не зубо-скаль...

— Вотъ еще выдумаль!—накинулась на него Аграфена:— что ты меня всякому навязываешь, развѣ я какая-нибудь... Пошелъ вонъ отсюда! Много вашего брата, всякому стану вѣшатся на шею: не таковская! Съ тобой только, этакимъ лѣпшимъ, попуталь видно лукавый за грѣхи мои связаться, да и то каюсь... а то выдумаль!

— Богъ васъ награди за вашу добродѣтель! какъ камень съ плечъ!—воскликнулъ Евсей.

— Обрадовался!— звѣрски закричала она опять:— есть чему радоваться—радуйся!

И губы у ней побѣлѣли отъ злости. Оба замолчали.

— Аграфена Ивановна!— робко сказалъ Евсей, немного погодя.

— Ну, что еще?

— Я вѣдь и забылъ: у меня нынче съ утра во рту маковой росинки не было.

— Только и дѣла!

— Съ горя, матушка.

Она достала съ нижней полки шкапа, изъ-за головы сахару, стаканъ водки и два огромные ломтя хлѣба съ ветчиной. Все это давно было приготовлено для него ея заботливой рукой. Она сунула ему ихъ, какъ не суютъ и собакамъ. Одинъ ломоть упалъ на полъ.

— На вотъ, подавись! О, чтобъ тебя... да тише, не чавкай на весь домъ.

Она отвернулась отъ него съ выраженіемъ будто нена-

висти, а онъ медленно началъ ѣсть, глядя исподлобья на Аграфену и прикрывая одною рукою ротъ.

Между тѣмъ въ воротахъ показался ямщикъ, съ тройкой лошадей. Черезъ шею коренной переброшена была дуга. Колокольчикъ, привязанный къ сѣделкѣ, глухо и несвободно ворочалъ языкомъ, какъ пьяный, связанный и брошенный въ караульню. Ямщикъ привязалъ лошадей подъ навѣсомъ сарая, снялъ шапку, досталъ оттуда грязное полотенце и отеръ потъ съ лица. Анна Павловна, увидѣвъ его изъ окна, поблѣднѣла. У ней подкосились ноги и опустились руки, хотя она ожидала этого. Оправившись, она позвала Аграфену.

— Поди-ка на цыпочкахъ, тихохонько, посмотри, спитъ ли Сашенька?—сказала она.—Онъ, мой голубчикъ, проспится, пожалуй, и послѣднй денекъ: такъ и не наляжусь на него. Да нѣтъ, куда тебѣ! ты, того гляди, влѣзешь какъ корова! я лучше сама...

И пошла.

— Поди-ка ты, не-корова!—ворчала Аграфена, воротясь къ себѣ.—Вишь, корову нашла! много ли у тебя этанхъ коровъ-то?

Навстрѣчу Аннѣ Павловнѣ шель и самъ Александръ Федорычъ, блѣлокурый молодой человекъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силы. Онъ весело поздоровался съ матерью, но, увидѣвъ вдругъ чемоданъ и узлы, смутился, молча отошелъ къ окну и сталъ чертить пальцемъ по стеклу. Черезъ минуту онъ уже опять говорилъ съ матерью и безопасно, даже съ радостью смотрѣлъ на дорожные сборы.

— Что это ты, мой дружокъ, какъ заспался, — сказала Анна Павловна: — даже личико отекло? Дай-ка вытру тебѣ глаза и щеки розовой водой.

— Нѣтъ, маменька, не надо.

— Чего ты хочешь позавтракать: чайку прежде, или кофейку? Я велѣла сдѣлать и битое мясо со сметаной на сковородѣ—чего хочешь?

— Все равно, маменька.

Анна Павловна продолжала укладывать бѣлье, потомъ остановилась и посмотрѣла на сына съ тоской.

— Саша!..—сказала она черезъ нѣсколько времени.

— Чего изволите, маменька?

Она медлила говорить, какъ будто чего-то боялась.

— Куда ты ѣдешь, мой другъ, зачѣмъ? — спросила она, наконецъ, тихимъ голосомъ.

— Какъ куда, маменька? въ Петербургъ, зачѣмъ... зачѣмъ... чтобъ...

— Послушай, Саша,—сказала она въ волненіи, положивъ ему руку на плечо, повидимому съ намѣреніемъ сдѣлать послѣднюю попытку:—еще время не ушло: подумай, останься!

— Остаться! какъ можно! да вѣдь и... бѣлье уложено,—сказалъ онъ, не зная, что выдумать.

— Уложено бѣлье! да вотъ... вотъ... вотъ... гляди—и не уложено.

Она въ три приѣма вынула все изъ чемодана.

— Какъ же это такъ, маменька? собрался — и вдругъ опять!—Что скажутъ...

Онъ опечалился.

— Я не столько для себя самой, сколько для тебя же отговариваю. Зачѣмъ ты ѣдешь? Искать счастья? Да развѣ тебѣ здѣсь не хорошо? развѣ мать день-деньской не думаетъ о томъ, какъ бы угодить всѣмъ твоимъ прихотямъ? Конечно, ты въ такихъ лѣтахъ, что одни материнскія угожденія не составляютъ счастья; да я и не требую этого. Ну, погляди вокругъ себя: всѣ смотрятъ тебѣ въ глаза. А дочка Марья Васильевна, Сонюшка? Что... покраснѣла? Какъ она, моя голубушка — дай Богъ ей здоровья — любитъ тебя: слышь, третью ночь не спитъ!

— Вотъ, маменька, что вы! она такъ...

— Да, да, будто я не вижу... Ахъ! чтобъ не забыть: она взяла обрубить твои платки—«я, говоритъ, сама, сама, ни-

кому не дамъ, и мѣтку сдѣлаю» — видишь, чего же еще тебѣ? Останься!

Онъ слушалъ молча, поникнувъ головой, и игралъ кистью своего шлафрока.

— Что ты найдешь въ Петербургѣ? — продолжала она. — Ты думаешь, тамъ тебѣ такое же житіе будетъ, какъ здѣсь? Э, мой другъ! Богъ знаетъ, чего насмотришься и натерпишься: и холодъ, и голодъ, и нужду — все перенесешь. Злыхъ людей вездѣ много, а добрыхъ не скоро найдешь. А почетъ — что въ деревнѣ, что въ столицѣ — все тотъ же почетъ. Какъ не увидишь петербургскаго житія, такъ и покажется тебѣ, живучи здѣсь, что ты первый въ мірѣ; и во всемъ такъ, мой милый! Ты же воспитанъ, и ловога, и хороша. Мнѣ бы, старухѣ, только оставалось радоваться, глядя на тебя. Женился бы, послалъ бы Богъ тебѣ дѣточекъ, а я бы нянчила ихъ — и жилъ бы безъ горя, безъ заботъ, и прожилъ бы вѣкъ свой мирно, тихо, никому бы не позавидовалъ; а тамъ, можетъ, и не будетъ хорошо, можетъ, и помянешь слова мои... Останься, Сашенька — а?

Онъ кашлянулъ и вздохнулъ, но не сказалъ ни слова.

— А посмотри-ка сюда, — продолжала она, отворяя дверь на балконъ: — и тебѣ не жаль покинуть такой уголокъ?

Съ балкона въ комнату пахнуло свѣжестью. Отъ дома на далекое пространство раскидывался садъ изъ старыхъ липъ, густого липовника, черемухи и кустовъ сирени. Между деревьями нестрѣли цвѣты, бѣжали въ разныя стороны дорожки, далѣе, тихо плескалось въ берега озеро, облитое съ одной стороны золотыми лучами утренняго солнца и гладкое, какъ зеркало; съ другой — темно-синее, какъ небо, которое отражалось въ немъ, и едва подернутое зыбью. А тамъ нивы съ волнующимися, разноцвѣтными хлѣбами шли амфитеатромъ и примыкали къ темному лѣсу.

Анна Павловна, прикрывъ одной рукой глаза отъ солнца, другой указывала сыну попеременно на каждый предметъ.

— Погляди-ка. — говорила она: — какой красотой Богъ одѣлъ поля наши! Вонъ съ тѣхъ полей одной ржи до 500 четвертей сберемъ; а вонъ и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый годъ: кажется, плоха будетъ. А лѣсъ-то, лѣсъ-то какъ разросся! Подумаешь, какъ велика премудрость Божія! Дровецъ съ своего участка мало-мало на тысячу продадимъ. А дичи, дичи что! и въдъ все это твое, милый сынокъ: я только твоя приказчица. Погляди-ка, озеро: что за великолѣпіе! истинно небесное! рыба такъ и ходитъ; одну осетрину покупаемъ, а то ерши, окуни, караси кишмя-кишатъ: и на себя, и на людей идетъ. Вонъ, твои коровки и лошадки пасутся. Здѣсь ты одинъ всему господинъ, а тамъ, можетъ-быть, всякій станетъ помыкать тобой. И ты хочешь бѣжать отъ такой благодати, еще не знаешь куда, въ омутъ, можетъ-быть, прости Господи... Останься!

Онъ молчалъ.

— Да ты не слушаешь, — сказала она. — Куда это ты такъ пристально заглядься?

Онъ молча и задумчиво указалъ рукой въ даль. Анна Павловна взглянула и измѣнилась въ лицѣ. Тамъ, между полей, змѣей вилаась дорога и убѣгала за лѣсъ, дорога въ обѣтованную землю, въ Петербургъ. Анна Павловна молчала нѣсколько минутъ, чтобъ собраться съ силами.

— Такъ вотъ что! — проговорила она, наконецъ, уныло. — Ну, мой другъ, Богъ съ тобой! поѣзжай, ужъ если тебя такъ тянетъ отсюда: я не удерживаю! По крайней мѣрѣ, не скажешь, что мать заѣдаетъ твою молодость и жизнь.

Бѣдная мать! вотъ тебѣ и награда за твою любовь! Того ли ожидала ты? Въ томъ-то и дѣло, что матери не ожидаютъ награды. Мать любить безъ толку и безъ разбору. Велики вы, славны, красивы, горды, переходитъ имя ваше изъ устъ въ уста, гремятъ ваши дѣла по свѣту — голова старушки трясется отъ радости, она плачетъ, смѣется и

молится долго и жарко. А сынокъ, большею частью, и не думаетъ подѣлиться славой съ родительницею. Нищи ли вы духомъ и умомъ, отмѣтила ли васъ природа клеймомъ безобразія, точить ли жало недуга ваше сердце или тѣло, наконецъ, отталкиваютъ васъ отъ себя люди и нѣтъ вамъ мѣста между ними—тѣмъ болѣе мѣста въ сердцѣ матери. Она сильнѣе прижимаетъ къ груди уродливое, неудавшееся чадо и молится еще долѣе и жарче.

Какъ назвать Александра безчувственнымъ за то, что онъ рѣшился на разлуку? Ему было двадцать лѣтъ. Жизнь отъ пеленъ ему улыбалась; мать лелѣяла и баловала его, какъ балуютъ единственное чадо; нянька все шла ему надъ колыбелью, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя; профессеры твердили, что онъ пойдетъ далеко, а по возвращеніи его домой, ему улыбнулась дочь сосѣдки. И старый котъ, Васька, былъ къ нему, кажется, ласковѣе, нежели къ кому-нибудь въ домѣ.

О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ. Отъ этого будущее представлялось ему въ радужномъ свѣтѣ. Его что-то манило въ даль, но что именно—онъ не зналъ. Тамъ мелькали обольстительные призраки, но онъ не могъ разглядѣть ихъ; слышались смѣшанные звуки—то голосъ славы, то любви: все это приводило его въ сладкій трепетъ.

Ему скоро тѣсенъ сталъ домашній міръ. Природу, ласки матери, благоговѣніе няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусныя яства и мурлыканье Васьки—всѣ эти блага, которыя такъ дорого цѣнятся на склонѣ жизни, онъ весело мѣнялъ на неизвѣстное, полное увлекательной и таинственной прелести. Даже любовь Софьи, первая, нѣжная и розовая любовь, не удерживала его. Что ему эта любовь? Онъ мечталъ о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ и свершаетъ громкіе подвиги. Онъ любилъ Софью

пока маленькою любовью, въ ожиданіи большой. Мечталъ онъ и о пользѣ, которую принесетъ отечеству. Онъ прилежно и многому учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ съ дюжину наукъ, да съ полдюжины древнихъ и новыхъ языковъ. Всего же болѣе мечталъ онъ о славѣ писателя. Стихи его удивляли товарищей. Передъ нимъ разстилалось множество путей, и одинъ казался лучше другого. Онъ не зналъ, на который броситься. Скрывался отъ глазъ только прямой путь; замѣть онъ его, такъ тогда, можетъ-быть, и не поѣхалъ бы.

Какъ же ему было остаться? Мать желала — это опять другое и очень естественное дѣло. Въ сердцѣ ея отжили всѣ чувства, кромѣ одного — любви къ сыну, и оно жарко ухватилось за этотъ послѣдній предметъ. Не будь его, что же ей дѣлать? Хоть умирать. Ужь давно доказано, что женское сердце не живетъ безъ любви.

Александръ былъ избалованъ, но не испорченъ домашнею жизнью. Природа такъ хорошо создала его, что любовь матери и поклоненіе окружающихъ подѣйствовали только на добрыя его стороны, развили, напимѣръ, въ немъ преждевременно сердечныя склонности, поселили ко всему довѣрчивость до излишества. Это же самое, можетъ-быть, расшевелило въ немъ и самолюбіе; но вѣдь самолюбіе само по себѣ только форма; все будетъ зависѣть отъ матеріала, который вольешь въ нее.

Гораздо болѣе бѣды для него было въ томъ, что мать его, при всей своей нѣжности, не могла дать ему настоящаго взгляда на жизнь и не приготовила его на борьбу съ тѣмъ, что ожидало его и ожидаетъ всякаго впереди. Но для этого нужно было искусную руку, тонкій умъ и запасъ большой опытности, неограниченной тѣснымъ деревенскимъ горизонтомъ. Нужно было даже поменьше любить его, не думать за него ежеминутно, не отводить отъ него каждую заботу и неприятность, не плакать и не страдать вмѣсто

его и въ дѣтствѣ, чтобъ дать ему самому почувствовать приближеніе грозы, справиться съ своими силами и подумать о своей судьбѣ—словомъ, узнать, что онъ мужчина. Гдѣ же было Аппѣ Павловнѣ понять все это и, особенно, выполнить? Читатель видѣлъ, какова она. Не угодно ли посмотрѣть еще?

Она уже забыла сыновній эгоизмъ. Александръ Федорычъ засталъ ее за вторичнымъ укладываньемъ бѣлья и платья. Въ хлопотахъ и дорожныхъ сборахъ, она какъ будто совсемъ не помнила горя.

— Вотъ, Сашенька, замѣть хорошенько, куда я что кладу,—говорила она. — Въ самый низъ, на дно чемодана, простыни: дюжина. Посмотри-ка, такъ ли записано?

— Такъ, маменька.

— Всѣ съ твоими мѣтками, видишь — А. А. А все голубушка Сонюшка! Безъ нея наши дурищи не скоро бы поворотились. Теперь что? да, наволочки. Разъ, двѣ, три, четыре—такъ, вся дюжина тутъ. Вотъ рубашки—три дюжины. Чтò за полотно—заглядѣнье! это голландское; сама ѣздилà на фабрику къ Василью Васильевичу; онъ выбралъ чтò ни есть наилучшіе три куска. Повѣрай же, милый, по реестру всякій разъ, какъ будешь принимать отъ прачки; всѣ новѣшенькія. Тамъ немного такихъ рубашекъ увидишь; пожалуй и подмѣнять; есть вѣдь этакія мерзавки, чтò Бога не боятся. Носковъ двадцать-двѣ пары... Знаешь, чтò я придумала? положить въ одинъ носокъ твой бумажникъ съ деньгами. Ихъ тебѣ до Петербурга не понадобится, такъ, сохрани Боже! случай какой, чтобъ и рыли, да не нашли. И письма къ дядѣ туда же положу: то-то, чай, обрадуется! вѣдь семнадцать лѣтъ и словомъ не перекинулись, шутка ли! Вотъ косыночки, вотъ платки; еще полдюжины у Сонюшки осталось. Не теряй, душенька, платковъ: славный полубатистъ! У Михеева брала по два съ четвертью. Ну, бѣлье все. Теперь платье... Да гдѣ Евсей? что онъ не смотритъ? Евсей!

Евсей лѣниво вошелъ въ компану.

— Чего изволите?—спросилъ онъ еще лѣнивѣе.

— Чего изволите?—заговорила Адуева гнѣвно. — Что не смотришь, какъ я укладываю? А тамъ, какъ надо что достать въ дорогѣ, и пойдешь все перерывать вверхъ дномъ! Не можетъ отвязаться отъ своей возлюбленной — экое сокровище! День-то великъ: успѣешь! Ты этакъ тамъ и за бариномъ станешь ходить? Смотри у меня! Вотъ гляди: это хорошій фракъ — видишь, куда кладу? А ты, Сашенька, береги его, не всякій день таскай; сукно-то по 16 рублей брали. Куда въ хорошіе люди пойдешь, и надѣнь, да не садись зря, какъ ни попало, вонъ какъ твоя тетка, словно нарочно, не сядетъ на пустой стулъ или диванъ, а такъ и норовитъ плюхнуться туда, гдѣ стоитъ шляпа или что-нибудь такое; намени на тарелку съ вареньемъ сѣла — такого сраму надѣлала! Куда попроче въ люди, вотъ этотъ фракъ-масака надѣвай. Теперь жилеты — разъ, два, три, четыре. Двое брюкъ. Э! да платья-то года на три станеть. Ухъ! устала! шутка ли: цѣлое утро возилась! Поди, Евсей. Поговоримъ, Сашенька, о чемъ-нибудь другомъ. Ужѣ гости прѣдутъ, не до того будетъ.

Она сѣла на диванъ и посадила его подлѣ себя.

— Ну, Саша, — сказала она, помолчавъ немного: — ты теперь ѣдешь на чужую сторону...

— Какая «чужая» сторона, Петербургъ: что вы, маменька!

— Погоди, погоди—выслушай, что я хочу сказать! Богъ одинъ знаетъ, что тамъ тебя встрѣтитъ, чего ты наглядись, и хорошаго, и худого. Надѣюсь, Онъ, Отецъ мой небесный, подкрѣпитъ тебя; а ты, мой другъ, нуще всего не забывай Его, помни, что безъ вѣры нѣтъ спасенія ни гдѣ и ни въ чемъ. Достигнешь тамъ большихъ чиновъ, въ знанъ войдешь—вѣдь мы не хуже другихъ: отецъ былъ дворянинъ, майоръ — все-таки смирился передъ Господомъ Богомъ: молись и въ счасти и въ несчастіи, а не по по-

словницѣ: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится». Иной, пока везетъ ему, и въ церковь не заглянетъ, а какъ придетъ не въ мочъ — и пойдетъ рублевья свѣчи ставить, да нищихъ одѣлять: это большой грѣхъ. Къ слову пришлось о нищихъ. Не трать на нихъ денегъ попустому, но многу не давай. На что баловать? ихъ не удивишь. Они пропьютъ, да надъ тобой же насмѣются. У тебя, я знаю, мягкая дуна: ты, пожалуй, и по гривеннику станешь отваливать. Нѣтъ, это не нужно; Богъ подастъ! Будешь ли ты посѣщать храмъ Божій? будешь ли ходить по воскресеньямъ къ обѣднѣ?

Она вздохнула.

Александръ молчалъ. Онъ вспомнилъ, что, учась въ университетѣ и живучи въ губерискомъ городѣ, онъ не очень усердно посѣщалъ церковь; а въ деревнѣ, только изъ угожденія матери, сопровождалъ ее къ обѣднѣ. Ему совѣстно было солгать. Онъ молчалъ. Мать поняла его молчаніе и опять вздохнула.

— Ну, я тебя не неволю, — продолжала она: — ты чловѣкъ молодой: гдѣ тебѣ быть такъ усердно къ церкви Божіей, какъ намъ, старикамъ? Еще, пожалуй, служба помѣшаетъ, или засидишься поздно въ хорошихъ людяхъ и проспишь. Богъ пожалѣетъ твоей молодости. Не тужи: у тебя есть мать. Она не проспитъ. Пока во мнѣ останется хоть капелька крови, пока не высохли слезы въ глазахъ и Богъ тершитъ грѣхамъ моимъ, я ползкомъ дотащусь, если не хватить силъ дойти, до церковнаго порога; послѣдній вздохъ отдамъ, послѣднюю слезу выплачу за тебя, моего друга. Вымолю тебѣ и здоровье, и чиновъ, и крестовъ, и небесныхъ и земныхъ благъ. Неужели-то Онъ, милосердый Отецъ, презритъ молитвой бѣдной старухи? Мнѣ самой ничего не надо. Отними Онъ у меня все: здоровье, жизнь, пошли слѣпоту — тебѣ лишь подай всякую радость, всякое счастье и добро...

Она не договорила, слезы закапали у ней изъ глазъ.

Александръ вскочилъ съ мѣста.

— Маменька...— сказалъ онъ.

— Ну, сядь, сядь!— отвѣчала она, наскоро утирая слезы:— мнѣ еще много осталось поговорить... Чтѣ, бишь, я хотѣла сказать? изъ ума вонъ... Вишь нынче какая память у меня... да! блюда посты, мой другъ: это великое дѣло! Въ среду и пятницу— Богъ проститъ; а въ Великій постъ— Боже оборони! Вотъ Михайло Михайлычъ и умнымъ человѣкомъ считается, а чтѣ въ немъ? Чтѣ мясоѣдъ, чтѣ Страстная недѣля— все одно жреть. Даже волосъ дыбомъ становится! Онъ вонъ и бѣднымъ помогаетъ, да будто его милостыня принята Господомъ? Слышь, подалъ разъ старику красненькую, тотъ взялъ ее, а самъ отвернулся да плюнулъ. Всѣ кланяются ему и въ глаза-то Богъ знаетъ чтѣ наговорятъ, а за глаза крестятся, какъ поминають его, словно шайтана какого.

Александръ слушалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣнiемъ и взглядывалъ по временамъ въ окно, на дальнюю дорогу.

Она замолчала на минуту.

— Береги пуще всего здоровье,— продолжала она.— Какъ заболѣешь — чего Боже оборони! — опасно, напиши... я соберу всѣ силы и приѣду. Кому тамъ ходить за тобой? Норовятъ еще обобратъ больного. Не ходи ночью по улицамъ; отъ людей звѣрскаго вида удались. Береги деньги... охъ, береги на черный день! Трать съ толкомъ. Отъ нихъ, проклятыхъ, всякое добро и всякое зло. Не мотай, не заводи лишнихъ прихотей. Ты будешь аккуратно получать отъ меня двѣ тысячи пятьсотъ рублей въ годъ. Двѣ тысячи пятьсотъ рублей не шутка! Не заводи роскоши никакой, ничего такого, но и не отказывай себѣ въ чемъ можно; захочется полакомиться — не скупись. — Не предавайся вину — охъ, оно первый врагъ человѣка! — Да еще (тутъ она понизила голосъ) берегись женщинъ! Знаю я ихъ! Есть такія без-

стыдницы, что сами на шею будутъ вѣшаться, какъ увидятъ этакого-то...

Она съ любовью посмотрѣла на сына.

— Довольно, маменька; я бы позавтракалъ?—сказалъ онъ почти съ досадой.

— Сейчасъ, сейчасъ... еще одно слово... На мужнихъ женъ не зарься, — сѣвшила она досказать: — это великій грѣхъ! «Не пожелай жены ближняго твоего», сказано въ Писаніи. Если же тамъ какая-нибудь станеть до свадьбы добираться—Боже сохрани! не мочи и подумать! Онѣ готовы подцѣпить, какъ увидятъ, что съ денежками да хорошенькій. Развѣ что у начальника твоего или у какого-нибудь знатнаго да богатаго вельможи разгорятся на тебя зубы и онѣ захочетъ выдать за тебя дочь—ну, тогда можно, только отпши: я кое-какъ дотащусь, посмотрю, чтооь не подсунули, такъ какую-нибудь, лишь бы съ рукъ сбить: старую дѣвку или дрянъ. Этакого женишка всякому лестно залучить. Ну, а коли ты самъ полюбишь, да выдастся хорошая дѣвушка—такъ того...—тутъ она еще тише заговорила...—Сонюшку-то можно и въ сторону. (Старушка, изъ любви къ сыну, готова была покривить душой.) Что въ самомъ дѣлѣ Марья Карповна замечала: ты дочкѣ ея не пара. Деревенская дѣвушка! на тебя и не такія польстятся.

— Софью! нѣтъ, маменька, я ее никогда не забуду!—сказалъ Александръ.

— Ну, ну, другъ мой, успокойся! вѣдь я такъ только. Послужи, воротись сюда и тогда что Богъ дастъ; невѣсты не уйдутъ! Коли не забудешь, такъ и того... Ну, а...

Она что-то хотѣла сказать, но не рѣшалась, потомъ наклонилась къ уху его и тихо спросила:

— А будешь ли помнить... мать?

— Вотъ до чего договорились, — прервалъ онъ: — велите скорѣй подавать что тамъ у васъ есть: яичница, что ли? Забыть васъ! Какъ могли вы подумать? Богъ накажетъ меня...

— Перестань, перестань, Саша, — заговорила она торопливо: — что ты это накликаешь на свою голову! Нѣтъ, нѣтъ! что бы ни было, если случится этакой грѣхъ, пусть я одна страдаю. Ты молодъ, только-что начинаешь жить, будутъ у тебя и друзья, женишься — молодая жена замѣнитъ тебѣ и мать, и все... Нѣтъ! пусть благословитъ тебя Богъ, какъ я тебя благословляю.

Она поцѣловала его въ лобъ и тѣмъ заключила свои наставленія.

— Да что это не ѣдетъ никто? — сказала она: — ни Марья Карповна, ни Антонъ Ивановичъ, ни священникъ не ѣдетъ? ужъ, чай, обѣдня кончилась! Ахъ, вонъ кто-то и ѣдетъ! кажется, Антонъ Ивановичъ... такъ и есть: легокъ на поминѣ.

Кто не знаетъ Антона Ивановича? Это вѣчный жидъ. Онъ существовалъ всегда и всюду, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, и не переводился никогда. Онъ присутствовалъ и на греческихъ, и на римскихъ шракахъ, фѣль, конечно, и уштаннаго тельца, закланнаго счастливымъ отцомъ по случаю возвращенія блуднаго сына.

У насъ, на Руси, онъ бываетъ разнообразенъ. Тотъ, про котораго говорится, былъ таковъ: у него душъ двадцать заложенныхъ и перезаложенныхъ; живетъ онъ почти въ избѣ, или въ какомъ-то странномъ зданіи, похожемъ съ виду на амбаръ, — ходъ гдѣ-то сзади, черезъ бревна, подлѣ самаго плетня; но онъ лѣтъ двадцать постоянно твердитъ, что съ будущей весной приступитъ къ стройкѣ новаго дома. Хозяйства онъ дома не держитъ. Нѣтъ человѣка изъ его знакомыхъ, который бы у него отобѣдаль, отужиналъ или выпилъ чашку чаю, но нѣтъ также человѣка, у котораго бы онъ самъ не дѣлалъ этого по пятидесяти разъ въ годъ.

Прежде Антонъ Ивановичъ ходилъ въ широкихъ шароварахъ и казакинѣ, теперь ходитъ, въ будни, въ сюртукъ и въ панталомахъ, въ праздники — во фракъ, Богъ знаетъ какого покроя. Съ виду онъ полный, потому что у него нѣтъ

ни горя, ни заботъ, ни волненій, хотя онъ прикидывается, что весь вѣкъ живетъ чужими горестями и заботами; но вѣдь извѣстно, что чужія горести и заботы не сушатъ насъ: это такъ заведено у людей.

Въ сущности, Антона Иваныча никому не нужно, но безъ него не совершается ни одинъ обрядъ: ни свадьба, ни похороны. Онъ на всѣхъ званныхъ обѣдахъ и вечерахъ, на всѣхъ домашнихъ совѣтахъ; безъ него никто ни шагу. Подумаютъ, можетъ-быть, что онъ очень полезенъ, что тамъ исполнить какое-нибудь важное порученіе, тутъ дать хорошій совѣтъ, обработаетъ дѣльце, — вовсе нѣтъ! Ему никто ничего подобнаго не поручаетъ; онъ ничего не умѣетъ, ничего не знаетъ: ни въ судахъ хлопотать, ни быть посредникомъ, ни примирителемъ, — ровно ничего.

Но зато ему поручаютъ, напримѣръ, завезти мимоѣздомъ поклонъ отъ такой-то къ такому-то, и онъ непременно завезетъ и тутъ же кстаги позавтракаетъ, — увѣдомить такого-то, что извѣстная-де бумага получена, а какая именно, этого ему не говорятъ, — передать туда-то кадочку съ медомъ или горсточку сѣмянъ съ наказомъ не разлить и не рассыпать, — напомнить, когда кто именинникъ. Еще Антона Иваныча употребляютъ въ такихъ дѣлахъ, которые считаютъ неудобнымъ поручить челоуѣку. «Нельзя Петрунку послать», — говорятъ: — «того и гляди, переверетъ. Нѣтъ, ужъ пусть лучше Антонъ Иванычъ съѣздитъ!» Или: «Пеловко послать челоуѣка: такой-то или такая-то обидится, а вотъ лучше Антона Иваныча отправить».

Какъ бы удивило всѣхъ, если бъ его вдругъ не было гдѣ-нибудь на обѣдѣ или вечерѣ!

— А гдѣ же Антонъ Иванычъ? — спросилъ бы всякій непременно съ изумленіемъ. — Чтѣ съ нимъ? да почему его нѣтъ?

И обѣдъ не въ обѣдъ. Тогда ужъ къ нему даже кого-нибудь и отправятъ депутатомъ провѣдать, чтѣ съ нимъ, не

заболѣлъ ли, не уѣхалъ ли? И если онъ боленъ, то и родного не порадуешь такимъ участіемъ.

Антонъ Иванычъ подошелъ къ рукѣ Анны Павловны.

— Здравствуйте, матушка, Анна Павловна! съ обновкой честь имѣю поздравить.

— Съ какой это, Антонъ Иванычъ?—спросила Анна Павловна, осматривая себя съ ногъ до головы.

— А мостикъ-то у воротъ! видно, только-что сколотили? что, слышу, не пляшутъ доски подъ колесами? смотрю, анъ новый!

Онъ, при встрѣчахъ съ знакомыми, всегда обыкновенно поздравляетъ ихъ съ чѣмъ-нибудь, или съ постомъ, или съ весной, или съ осенью; если послѣ оттепели морозъ наступитъ, такъ съ морозомъ, наступитъ послѣ морозу оттепель— съ оттепелью.

На этотъ разъ ничего подобнаго не было, но онъ что-нибудь да выдумаетъ.

— Вамъ кланяются Александра Васильевна, Матрена Михайловна, Петръ Сергѣичъ,—сказалъ онъ.

— Покорно благодарю, Антонъ Иванычъ! Дѣтки здоровы ли у нихъ?

— Славу Богу.

— Я къ вамъ веду благословеніе Божіе: за мной слѣдомъ идетъ батюшка. А слышали ли, сударыня: напѣ-то Семень Архипычъ?

— Что такое?—съ испугомъ спросила Анна Павловна.

— Вѣдь приказалъ долго жить!

— Что вы! когда?

— Вчера утромъ. Мнѣ къ вечеру же дали знать: прискакалъ парнишка; я и отправился, да всю ночь не спалъ. Всѣ въ слезахъ: и утѣшать-то надо, и распорядиться: тамъ у всѣхъ руки опустились: слезы да слезы,—я одинъ.

— Господи, Господи Боже мой!—говорила Анна Павловна, качая головой:— жизнь-то наша! Да какъ же это

могло случиться? онъ еще на той недѣлѣ съ вами же поклонъ прислалъ!

— Да, матушка! ну, да онъ давненько прихварывалъ, старикъ старый: диво, какъ до сихъ поръ еще не свалился!

— Чтò за старый! онъ годомъ только постарше моего покойника. Ну, царство ему небесное! — сказала, крестясь, Анна Павловна. — Жаль бѣдной Федосьи Петровны: осталась съ дѣточками на рукахъ. Шутка ли: пятеро, и все почти дѣвочки! А когда похороны?

— Завтра.

— Видно у всякаго свое горе, Антонъ Ивановичъ; вотъ, я такъ сына провожаю.

— Чтò дѣлать, Анна Павловна, всѣ мы человѣки! «терпи», сказано въ св. писаніи.

— Ужъ не прогнѣвайтесь, что потревожила васъ—вмѣстѣ размыкать горе; вы насъ такъ любите, какъ родной.

— Эхъ, матушка, Анна Павловна! да кого же мнѣ и любить-то, какъ не васъ? Много ли у насъ такихъ, какъ вы? Вы цѣны себѣ не знаете.хлопотъ полонъ ротъ: тутъ и своя стройка вертится на умѣ. Вчера еще бился цѣлое утро съ подрядчикомъ, да все какъ-то не сходимся... а какъ, думаю, не поѣхать?.. чтò она тамъ, думаю, одна-то, безъ меня станеть дѣлать? человѣкъ не молодой: чай, голову теряетъ.

— Дай Богъ вамъ здоровья, Антонъ Ивановичъ, что не забываете насъ! И подлинно, сама не своя: такая пустота въ головѣ, ничего не вижу! въ горлѣ совсѣмъ отъ слезъ перегорѣло. Прону закусить: вы и устали и, чай, проголодались.

— Покорно благодарю-сь. Признаться, мимоѣдомъ пропустилъ маленькую у Петра Сергѣича, да перехватилъ кусочекъ. Ну, да это не помѣшаетъ. Батюшка подойдетъ, пусть благословить! Да вотъ онъ и на крыльцѣ!

Пришелъ священникъ. Приѣхала и Марья Карловна съ

дочерью, полной и румяной дѣвушкой, съ улыбкой и заплаканными глазами. Глаза и все выраженіе лица Софьи явно говорили: буду любить просто, безъ затѣй, буду ходить за мужемъ, какъ нянька, слушаться его во всемъ и никогда не казаться умнѣе его; да и какъ можно быть умнѣе мужа? это грухль! Стану прилежно заниматься хозяйствомъ, шить; рожу ему полдюжины дѣтей, буду ихъ сама кормить, нянчить, одѣвать и обшивать. — Полнота и свѣжесть щекъ ея и пышность груди подтверждали обѣщаніе насчетъ дѣтей. Но слезы на глазахъ и грустная улыбка придавали ей въ эту минуту не такой прозаической интересъ.

Прежде всего отслужили молебенъ, при чемъ Антонъ Иванычъ созвалъ дворню, зажегъ свѣчу и принялъ отъ священника книгу, когда тотъ пересталъ читать, и передалъ ее дьячку, а потомъ отлил въ скляночку святой воды, спряталъ въ карманъ и сказалъ: «это Агаѣвъ Пикитичиѣ». Сѣли за столъ. Кромѣ Антона Иваныча и священника, никто, по обыкновенію, не дотронулся ни до чего, но зато Антонъ Иванычъ сдѣлалъ полную честь этому гомерическому завтраку. Анна Павловна все плакала и украдкой утирала слезы.

— Полно вамъ, матушка, Анна Павловна, слезы-то тратьте! — сказалъ Антонъ Иванычъ съ притворной досадой, наполнивъ рюмку наливкой. — Что вы его, на убой, что ли, отправляете? — Потомъ, выпивъ до половины рюмку, почавалъ губами.

— Что за наливка! какой аромать пошелъ! Этакой, матушка, у насъ и по губерніи-то не найдешь! — сказалъ онъ съ выраженіемъ большого удовольствія.

— Это тре... те... годич... ная! — проговорила, всхлипывая, Анна Павловна: — нынче для васъ... только... откупорила.

— Эхъ, Анна Павловна, и смотрѣть-то на васъ тошно, — началъ опять Антонъ Иванычъ: — вотъ некому бить-то васъ; билъ бы да билъ!

— Сами посудите, Антонъ Ивановичъ, одинъ сынъ, и тотъ съ глазъ долой: умру—нѣкому и похоронить.

— А мы-то на что? чтò я вамъ чужой, что ли? Да куда еще торопитесь умирать? того гляди, замужъ бы не вышли! вотъ бы поплясать на свадьбѣ! Да полно-те плакать-то!

— Не могу, Антонъ Ивановичъ, право, не могу; не знаю сама, откуда слезы берутся.

— Этакого молодца взаперти держать! Дайте-ка ему волю, онъ расправитъ крылышки, да вотъ какихъ чудесъ надѣлаетъ: нахватаетъ тамъ чиновъ!

— Вашими бы устами да медъ пить! Да что вы мало взяли пирожка? возьмите еще!

— Возму-съ: вотъ только этотъ кусокъ съѣмъ.

— За ваше здоровье, Александръ Федорычъ! счастливаго пути! да возвращайтесь скорѣе; да женитесь-ка! Что вы, Софья Васильевна, всныхнули?

— Я ничего... я такъ...

— Охъ, молодежь, молодежь! хе-хе-хе!

— Съ вами горя не чувствуешь, Антонъ Ивановичъ,—сказала Анна Павловна:—такъ умѣете утѣшить; дай Богъ вамъ здоровья! Да выкушайте еще наливочки.

— Выпью, матушка, выпью, какъ не выпить на прощаньи!

Кончился завтракъ. Ямщикъ уже давно заложилъ повозку. Ее подвезли къ крыльцу. Люди выбѣгали одинъ за другимъ. Тотъ несъ чемоданъ, другой—узелъ, третій—мѣшокъ, и опять уходилъ за чѣмъ-нибудь. Какъ мухи сладкую кашлю, люди облѣзли повозку, и всякій совался туда съ руками.

— Вотъ такъ лучше положить чемоданъ, — говорилъ одинъ:—а тутъ бы коробокъ съ провизіей.

— А куда же они ноги дѣнуть? — отвѣчалъ другой: — лучше чемоданъ вдоль, а коробокъ можно сбоку поставить.

— Такъ тогда перина будетъ скатываться, коли чемоданъ вдоль: лучше поперекъ. Чтò еще? уклали ли сапоги-то?

— Я не знаю. Кто укладывалъ?

— Я не укладывалъ. Поди-ка погляди — нѣтъ ли тамъ, наверху?

— Да поди ты.

— А ты что? мнѣ, видишь, некогда!

— Вотъ еще, вотъ это не забудьте! — кричала дѣвка, просовывая мимо головъ руку съ узелкомъ.

— Давай сюда!

— Суньте и это какъ-нибудь въ чемоданъ; давеча забыли, — говорила другая, привставая на подножку и подавая щеточку и гребенку.

— Куда теперь совать? — сердито закричалъ на нее дородный лакей: — пошла ты прочь! видишь, чемоданъ подь самымъ низомъ!

— Барыня велѣла; мнѣ что за дѣло, хоть брось! вишь, черти какіе!

— Ну, давай, что ли, сюда скорѣе; это можно вотъ тутъ сбоку въ карманъ положить.

Коренная безпрестанно поднимала и трясла голову. Колокольчикъ издавалъ всякій разъ при этомъ рѣзкій звукъ, напоминавшій о разлукѣ, а мрисяжники стояли задумчиво, опустивъ головы, какъ будто понимая всю прелесть предстоящаго имъ путешествія, и изрѣдка обмахивались хвостами, или протягивали нижнюю губу къ коренной лошади. Наконецъ, настала роковая минута. Помолились еще.

— Сядьте, сядьте всѣ! — повелѣвалъ Антонъ Иванычъ: — извольте сѣсть, Александръ Федорычъ! и ты, Евсей, сядь. Сядь же, сядь! — И самъ бокомъ, на секунду, едва присѣлъ на стулъ. — Ну, теперь съ Богомъ!

Вотъ тутъ-то Анна Павловна заревѣла и повисла на шею Александру.

— Прощай, прощай, мой другъ! — слышалось среди рыданій: — увижу ли я тебя?..

Дальше ничего нельзя было разобрать. Въ эту минуту

послышался звукъ другого колокольчика: на дворъ влетѣла телѣга, запряженная тройкой. Съ телѣги соскочилъ, весь въ пыли, какой-то молодой человекъ, вбѣжалъ въ комнату и бросился на шею Александру.

— Поспѣловъ!.. Адуевъ!.. — воскликнули они въ-разъ, тиская другъ друга въ объятіяхъ.

— Откуда ты, какъ?

— Изъ дому, нарочно скакалъ цѣлыя сутки, чтобъ проститься съ тобой.

— Другъ! другъ! истинный другъ! — говорилъ Адуевъ со слезами на глазахъ. — За 160 верстъ прискакать, чтобъ сказать «прости!» О, есть дружба въ мірѣ! Навѣкъ, не правда ли? — говорилъ пылко Александръ, стискивая руку друга и наскакивая на него.

— До гробовой доски! — отвѣчала тотъ, тиская руку еще сильнѣе и наскакивая на Александрѣ

— Ищи ко мнѣ!

— Да, да, и ты ищи!

Анна Павловна не знала, какъ и обласкать Поспѣлова. Отъѣздъ замедлился на полчаса. Наконецъ собрались.

Всѣ пошли до рошчи пѣшкомъ. Софья и Александръ, въ то время, когда переходили темныя сѣни, бросились другъ къ другу.

— Саша! Милый Саша!.. Соничка!.. — шептали они, и слова замерли въ поцѣлуѣ.

— Вы забудете меня тамъ? — сказала она слезливо.

— О, какъ вы меня мало знаете! я ворочусь, повѣрьте, и никогда другая...

— Вотъ возьмите скорѣй: это мои волосы и колечко.

Онъ проворно спряталъ и то и другое въ карманъ.

Впереди пошли Анна Павловна съ сыномъ и съ Поспѣловымъ, потомъ Марья Карповна съ дочерью, наконецъ, священникъ съ Антономъ Ивановичемъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхала повозка. Ямщикъ едва сдерживалъ лошадей. Дворня окружила въ воротахъ Евсея.

— Прощай, Евсей Ивановичъ, прощай, голубчикъ, не забывай насъ!—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Прощайте, братцы, прощайте, не поминайте лихомъ!

— Прощай, Евсеюшка, прощай, мой ненаглядный! — говорила мать, обнимая его: — вотъ тебѣ образокъ; это мое благословеніе. Помни вѣру, Евсей, не уйди тамъ у меня въ басурманы! а не то проклянѹ! Не пьянствуй, не воруй; служи барину вѣрой и правдой. Прощай, прощай!..

Она закрыла лицо фартукомъ и отошла.

— Прощай, матушка!—лѣниво проворчалъ Евсей.

Къ нему бросилась дѣвчонка лѣтъ двѣнадцати.

— Простись съ сестренкой-то!—сказала одна баба.

— И ты туда же!—говорилъ Евсей, цѣлуя ее:—ну, прощай, прощай! пошла теперь, босоногая, въ избу!

Отдѣльно отъ всѣхъ, послѣдняя стояла Аграфена. Лицо у нея позеленѣло.

— Прощайте, Аграфена Ивановна! — сказалъ протяжно, возвысивъ голосъ, Евсей, и протянулъ къ ней руки.

Она дала себя обнять, но не отвѣчала на объятіе; только лицо ея искривилось.

— Нѣ, вотъ тебѣ!—сказала она, вынувъ изъ-подъ передника и сунувъ ему мѣшокъ съ чѣмъ-то.—То-то, чай, тамъ съ петербургскими-то загуляешь!—прибавила она, поглядѣвъ на него искоса. И въ этомъ взглядѣ выразилась вся тоска ея и вся ревность.

— Я загуляю, я?—началъ Евсей.—Да разрази меня на этомъ мѣстѣ Господь, лопни мои глаза! чтобъ мнѣ съвозъ землю провалиться, коли я тамъ что-нибудь этакое..

— Ладно! ладно! — недовѣрчиво бормотала Аграфена:— а самъ-то—у!

— Ахъ, чуть не забылъ!—сказалъ Евсей и досталъ изъ кармапа засаленную колоду картъ.—Нѣ-те, Аграфена Ивановна, вамъ на память; вѣдь вамъ здѣсь негдѣ взять.

Она протянула руку.

— Подари мнѣ, Евсей Ивановичъ!—закричалъ изъ толпы Прошка.

— Тебѣ! да лучше сожгу, чѣмъ тебѣ подарю!—и онъ спряталъ карты въ карманъ.

— Да мнѣ-то отдай, дурачина!—сказала Аграфена.

— Нѣтъ, Аграфена Ивановна, что хотите дѣлайте, а не отдамъ: вы съ нимъ станете играть. Прощайте!

Онъ, не оглянувшись, махнулъ рукой и лѣниво пошелъ вслѣдъ за повозкой, которую бы, кажется, вмѣстѣ съ Александромъ, ямщикомъ и лошадьми, могъ унести на своихъ плечахъ.

— Проклятый!—говорила Аграфена, глядя ему вслѣдъ и утирая концомъ платка калѣвшія слезы.

У роуцъ остановились. Пока Анна Павловна рыдала и прощалась съ сыномъ, Антонъ Ивановичъ потрепалъ одну лошадь по шеѣ, потомъ взялъ ее за ноздри и потрясъ въ обѣ стороны, чѣмъ та, казалось, вовсе была недовольна, потому что оскалила зубы и тотчасъ же фыркнула.

— Подтяни подиругу у коренной-то, — сказалъ онъ ямщику:—вишь, сѣделка-то на боку!

Ямщикъ посмотрѣлъ на сѣделку, и увидѣвъ, что она на своемъ мѣстѣ, не тронулся съ козелъ, а только кнутомъ поправилъ немного шлею.

— Ну, пора, Богъ съ вами!—говорилъ Антонъ Ивановичъ:— полно, Анна Павловна, вамъ мучить-то себя! А вы садитесь, Александръ Федорычъ; вамъ надо засвѣтло добратся до Шишкова. Прощайте, прощайте, дай Богъ вамъ счастья, чиновъ, крестовъ, всего добраго и хорошаго, всякаго добра и имущества!!! Ну, съ Богомъ, трогай лошадей, да смотри тамъ косогоромъ-то легче поѣзжай! — прибавилъ онъ, обращаясь къ ямщику.

Александръ сѣлъ, весь расплаканный, въ повозку, а Евсей подошелъ къ барынѣ, поклонился ей въ ноги и поцѣловалъ у ней руку. Она дала ему пятирублевую ассигнацію.

— Смотри же, Евсей, помни: будешь хорошо служить, женю на Аграфенѣ, а не то...

Она не могла говорить дальше. Евсей взобрался на козлы. Имщикъ, наскучившій долгимъ ожиданіемъ, какъ будто ожилъ; онъ прижалъ шапку, поправился на мѣстѣ и поднялъ вожжи; лошади тронулись сначала легкой рысью. Онъ хлеснулъ пристяжныхъ разомъ одну за другой, онъ скакнули, вытянулись, и тройка ринулась по дорогѣ въ лѣсъ. Толпа провожавшихъ осталась въ облакѣ пыли безмолвна и неподвижна, пока повозка не скрылась совсѣмъ изъ глазъ. Антонъ Ивановичъ опомнился первый.

— Ну, теперь по домамъ!—сказалъ онъ.

Александръ смотрѣлъ, пока можно было, изъ повозки назадъ, потомъ упалъ на подушки лицомъ внизъ.

— Не оставьте вы меня, горемычную, Антонъ Ивановичъ!—сказала Анна Павловна:—отобѣдайте здѣсь!

— Хорошо, матушка, я готовъ, пожалуй, и отужинаю.

— Да вы бы ужъ и ночевали.

— Какъ же: завтра похороны!

— Ахъ, да! Ну, я васъ не неволю. Кланяйтесь Федосѣ Петровнѣ отъ меня, скажите, что я душевно огорчена ея печалью и сама бы навѣстила, да вотъ Богъ, дескать, и мнѣ послалъ горе—сына проводила.

— Скажу-съ, скажу, не забуду.

— Голубчикъ ты мой, Сашенька!—шептала она, оглядываясь:—и нѣтъ ужъ его, скрылся изъ глазъ!

Адуева просидѣла цѣлый день молча, не обѣдала и не ужинала. Зато говорилъ, обѣдалъ и ужиналъ Антонъ Ивановичъ.

— Гдѣ-то онъ теперь, мой голубчикъ?—скажетъ только она иногда.

— Ужъ теперь долженъ быть въ Неплюевѣ. Нѣтъ, что я вру? еще не въ Неплюевѣ, а подъѣзжаетъ; тамъ чай будетъ пить,—отвѣчаетъ Антонъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, онъ въ это время никогда не пьетъ.

И такъ Анна Павловна мысленно ѣхала съ нимъ. Потомъ, когда онъ, по расчетамъ ея, долженъ былъ уже пріѣхать въ Петербургъ, она, то молилась, то гадала въ карты, то разговаривала о немъ съ Марьей Карповной.

А онъ?

Съ нимъ мы встрѣтимся въ Петербургѣ.

II.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя нашего героя, такъ же, какъ и этотъ, двадцати лѣтъ былъ отпращенъ въ Петербургъ старшимъ своимъ братомъ, отцомъ Александра, и жилъ тамъ безвыѣздно семнадцать лѣтъ. Онъ не переписывался съ родными послѣ смерти брата, и Анна Павловна ничего не знала о немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ продалъ свое небольшое имѣніе, бывшее недалеко отъ ея деревни.

Въ Петербургѣ онъ слылъ за человѣка съ деньгами, и, можетъ-быть, не безъ причины; служилъ при какомъ-то важномъ лицѣ чиновникомъ особыхъ порученій и носилъ нѣсколько ленточекъ въ петлицѣ фрака; жилъ на большой улицѣ, занималъ хорошую квартиру, держалъ троихъ людей и столько же лошадей. Онъ былъ не старъ, а что называется «мужчина въ самой порѣ»—между тридцатью пятью и сорока годами. Впрочемъ, онъ не любилъ распространяться о своихъ лѣтахъ, не по мелкому самолюбію, а вслѣдствіе какого-то обдуманнаго расчета, какъ будто онъ намѣревался застраховать свою жизнь подороже. По крайней мѣрѣ, въ его манерѣ скрывать настоящія лѣта не видно было суетной претензіи нравиться прекрасному полу.

Онъ былъ высокій, пропорціонально сложенный мужчина, съ крупными, правильными чертами смугло-матоваго лица, съ ровной, красивой походкой, съ сдержанными, но пріятными манерами. Такихъ мужчинъ обыкновенно называютъ *bel homme*.

Въ лицѣ замѣчалась — также сдержанность, т. е. умѣнье

владѣть собою, не давать лицу быть зеркаломъ души. Онъ былъ того мнѣнія, что это неудобно — и для себя, и для другихъ. Таковъ онъ былъ въ свѣтѣ. Нельзя однакожъ было назвать лица его деревяннымъ: нѣтъ, оно было только покойно. Иногда лишь видны были на немъ слѣды усталости — должно-быть отъ усиленныхъ занятій. Онъ слылъ за дѣятельнаго и дѣловаго человѣка. Одѣвался онъ всегда тщательно, даже щеголевато, но не черезчуръ, а только со вкусомъ; бѣлье носилъ отличное; руки у него были полны и бѣлы, ногти длинные и прозрачные.

Однажды утромъ, когда онъ проснулся и позвонилъ, человѣкъ, вмѣстѣ съ чаемъ, принесъ ему три письма и доложилъ, что приходилъ какой-то молодой баринъ, который называлъ себя Александромъ Федорычемъ Адуевымъ, а его — Петра Ивановича — дядей, и обѣщался зайти часу въ двѣнадцатомъ.

Петръ Ивановичъ, по обыкновенію, выслушалъ это извѣстіе покойно, только немного наострилъ уши и поднялъ брови.

— Хорошо, поди, — сказалъ онъ слугѣ.

Потомъ взялъ одно письмо, хотѣлъ распечатать, но остановился и задумался.

— Племянникъ изъ провинціи — вотъ сюрпризъ! — ворчалъ онъ: — а я надѣялся, что меня забыли въ томъ краю! Впрочемъ, что съ ними церемониться! отдѣлаюсь...

Онъ опять позвонилъ.

— Скажи этому господину, какъ придетъ, что я, вставши, тотчасъ уѣхалъ на заводъ и ворочусь черезъ три мѣсяца.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ слуга: — а съ гостинцами что прикажете дѣлать?

— Съ какими гостинцами?

— Привезъ ихъ человѣкъ: — барыня, говоритъ, деревенскихъ гостинцевъ прислала.

— Гостинцевъ?

— Да-съ: кадочка меду, мѣшокъ сушеной малины...

Петръ Иванычъ пожалъ плечами.

— Еще два куска полотна, да варенье...

— Воображаю, хорошо должно-быть полотно...

— Полотно хорошее и варенье сахарное.

— Ну, поди, и посмотрю сейчасъ.

Онъ взялъ одно письмо, распечаталъ и огинуть взглядомъ страницу. Точно крушная славянская грамота: букву *в* замѣняли двѣ перечеркнутыя сверху и снизу палочки, а букву *к* просто двѣ палочки; писано безъ знаковъ препинанія.

Адуевъ сталъ читать вполголоса:

«М. Г. Петръ Иванычъ!

«Будучи съ покойнымъ вашимъ родителемъ коротко знакомы и пріятели, да и васъ самихъ въ дѣтствѣ тѣшилъ не мало и въ домѣ вашемъ частенько хлѣба и соли отвѣдывалъ, потому и питаю усердіе и благодарное положеніе, что не забыли старика, Василья Тихоныча, а мы васъ здѣсь и родителей вашихъ всячески добромъ поминаемъ и Бога молимъ...»

— Что за дичь? Отъ кого это?—сказалъ Петръ Иванычъ, поглядѣвъ на подпись.—Василій Заѣзжаловъ! Заѣзжаловъ—хоть убей—не помню. Чего онъ хочетъ отъ меня?

И сталъ читать дальше:

«А моя покорнѣйшая просьба и доука къ вамъ — не откажите батюшка... вамъ въ Петербургѣ не то, что намъ здѣшнимъ, чай все извѣстно и все свое да родное. Навязалось на меня проклятое тяжёбое дѣло, да вотъ седьмой годъ и съ шею не могу спихнуть: изволите помнить лѣшшко, что въ двухъ верстахъ отъ моей дереушки? Палата сдѣлала ошибку въ купчей, а противникъ мой, Медвѣдевъ, и уперся на нее: пунктъ, говорить, фальшивый, да и только. Медвѣдевъ тотъ самый, что въ вашихъ дачахъ все безъ спросу рыбу ловилъ; покойникъ батюшка вашъ гонялъ его и срамилъ, хотѣлъ на своеволие и губернатору жаловаться, да по добротѣ, дай Богъ ему царствіе небесное, спускалъ, а не надо бы щадить этакого злодѣя. Помогите, батюшка, Петръ Иванычъ; дѣло теперь въ Правительствующемъ Сенатѣ; не знаю тамъ, въ какомъ департаментѣ и у кого, да вамъ, чай, сейчасъ покажутъ. Сѣздите къ секретарямъ и сенаторамъ, склоните ихъ въ мою пользу, скажите, что отъ ошибки, истинно отъ ошибки въ купчей

страдаю: для васъ все сдѣлають. Тамъ же ужъ кетати выхлопочите мнѣ патенты на три чина, да пришлите ко мнѣ. Еще, батюшка, Петръ Иванычъ, есть дѣльцо до васъ крайней потребности: взойдите въ сердечное участіе къ безвинно-угнетенному страдальцу и помогите совѣтомъ и дѣломъ. Есть у васъ въ губерискомъ правленіи совѣтникъ Дрожжовъ, золото, а не человѣкъ; умереть, а своего не выдать; въ городѣ другой квартиры не знаю какъ у него, — какъ приѣду, прямо къ нему, живу по недѣлямъ—и Боже сохрани—и подумать у другого остановиться, закормить, запоять; а бостончикъ отъ обѣда до глубокой ночи. И этакого-то человѣка обнесли и шибѣ нудятъ подать просьбу объ отставкѣ. Побывайте, отецъ родной, у всѣхъ вельможъ тамъ, внушите имъ, какой человѣкъ Аѳанасій Иванычъ: дѣло ли дѣлать — такъ и кипить въ рукахъ; скажите, что донось, дескать, на него сдѣланъ фальшиво, но проискавъ губернаторскаго секретаря, — васъ послушаютъ, и отпишутъ съ первой почтой ко мнѣ. Да повидайтесь со стариннымъ моимъ сослуживцемъ, Костяковымъ. Я слышалъ отъ одного приѣзжаго, Студеницына, вашего же петербургскаго — чай, изволите знать, — что онъ живетъ на Пескахъ; тамъ ребятишки укажутъ домъ; отпишутъ съ той же почтой, не полѣнитесь, живъ ли онъ, здоровъ ли, чтó дѣлаетъ, помнить ли меня? Познакомьтесь и подружитесь съ нимъ: прекрасный человѣкъ—душа на распашку, и балагуръ такой. Кончаю письмо еще просьбицей...»

Адуевъ пересталъ читать, медленно разорвалъ письмо на четыре части и бросилъ подъ столъ въ корзинку, потомъ потянулся и зѣвнулъ.

Онъ взялъ другое письмо и началъ читать также вполголоса.

«Любезный братецъ, милостивый государь, Петръ Иванычъ!»

— Это что за сестрица!—сказалъ Адуевъ, глядя на подпись: —Марья Горбатова... Онъ обратилъ лицо къ потолку, припоминая что-то...

— Что бишь это такое? что-то знакомое... ба, вотъ прекрасно — вѣдь братъ женатъ былъ на Горбатовой; это ея сестра, это та... А! помню...

Онъ нахмурился и сталъ читать:

«Хотя рокъ разлучилъ насъ, можетъ-быть, навѣки и бездна лежитъ между нами; прошли года...»

Онъ пропустилъ нѣсколько строчекъ и читалъ далѣе:

«По гробъ жизни буду помнить, какъ мы вмѣстѣ, гуляючи около нашего озера, вы, съ опасностію жизни и здоровья, влѣзли по колѣно въ воду и достали для меня въ тростникъ большой жёлтый цвѣтокъ, какъ изъ стебелька онаго текъ какой-то сокъ и перемаралъ намъ руки, а вы почерпнули картузомъ воды, дабы мы могли ихъ вымыть; мы очень много тогда этому смѣялись. Какъ я была тогда счастлива! Сей цвѣтокъ и нынѣ хранится въ книжкѣ...»

Адуевъ остановился. Видно было, что это обстоятельство ему очень не нравилось; онъ даже недовѣрчиво покачалъ головой.

«А цѣла ли у васъ та ленточка (продолжалъ онъ читать), что вы вытащили изъ моего комода, несмотря на всѣ мои крики и моленія...»

— Я вытащилъ ленточку! — сказалъ онъ вслухъ, сильно нахмурившись. Помолчавъ, пропустилъ еще нѣсколько строкъ и читалъ:

«А я обрекла себя на незамужнюю жизнь и чувствую себя весьма счастливою; никто не запретитъ вспоминать сіи блаженные времена...»

«А, старая дѣвка!» подумалъ Петръ Ивановичъ. «Не мудрено, что у ней еще желтые цвѣты на умѣ? Что тамъ еще?»

«Женаты ли вы, любезнѣйшій братецъ, и на комъ? Кто та милая подруга, украсившая собой путь вашего бытія, назовите мнѣ ее; я буду ее любить, какъ родную сестру, и въ мечтахъ соединять образъ ея съ вашимъ, буду молиться. А если не женаты, то по какой причинѣ—напишите откровенно: вашихъ тайнъ никто у меня не прочтетъ, я буду хранить ихъ на своей груди, ихъ вырвать у меня вмѣстѣ съ сердцемъ. Не медлите; спораю нетерпѣніемъ читать ваши неизъяснимыя строки...»

«Нѣтъ, вотъ твои такъ неизъяснимыя строки!» подумалъ Петръ Ивановичъ.

«Я не знала (читалъ онъ), что милый нашъ Сашенька вдругъ вздумаетъ посѣтить великолѣпную столицу, — счастливецъ! увидитъ прекрасные дома и магазины, будетъ наслаждаться роскошью и прижметъ къ своей груди обожаемаго дядю, — а я, я въ то время буду лить слезы, вспоминая счастливое время. Если бы я знала объ его отъѣздѣ, дни и ночи сидѣла бы и выжила бы для васъ подушку: арапъ съ двумя собаками; вы не повѣрите, какъ я много разъ плакала, глядя

на сей узоръ: что можетъ-быть свѣтѣ дружбы и вѣрности?... Теперь меня занимаетъ сія одна мысль; ей посвящу дни свои, но не имѣю здѣсь хорошей шерсти, и потому покорнѣйше прошу, любезнѣйшій братецъ, выслать, вотъ по этимъ образчикамъ, что я тутъ вложила, что ни есть наилучшей англійской шерсти, въ самомъ скоромъ времени, изъ перваго магазина. Но что я говорю? какаѣ ужасная мысль останавливаетъ перо мое! можетъ-быть, уже вы забыли насъ, и гдѣ вамъ помнить бѣдную страдалицу, которая удалилась отъ свѣта и льетъ слезы? Но нѣтъ! я не могу подумать, чтобъ вы могли быть извергомъ, какъ всѣ мужчины: нѣтъ! мнѣ сердце говорить, что вы сохранили къ намъ ко всѣмъ прежнія чувствованія среди роскоши и удовольствій великолѣпной столицы. Сія мысль служить бальзамомъ для моего страдающаго сердца. Простите: не могу болѣе продолжать, рука моя дрожить...»

Остаюсь по гробъ ваша

Марья Горбатова.

Р. S. Нѣтъ ли, братецъ, у васъ хорошепныхъ книжекъ? пришлите, если вамъ не нужно: я бы на каждой страницѣ вспоминала васъ, плакала бы, или возьмите въ лавкѣ новыхъ, коли недорого. Говорятъ, очень хороши сочиненія господина Загоскина и господина Марлинскаго,—хоть ихъ; а то я еще видѣла въ газетахъ заглавіе — О Предразсудкахъ, соч. г-на Пузыны — пришлите,—я терпѣть не могу предразсудковъ».

Прочитавъ, Адуевъ хотѣлъ отправить туда же и это письмо, но остановился.

«Нѣтъ», подумалъ онъ: «соберу: есть охотники до такихъ писемъ; иные собираютъ цѣлыя коллекціи, — можетъ-быть, случится одолжить кого-нибудь».

Онъ бросилъ письмо въ бисерную корзинку, висѣвшую на стѣнѣ, потомъ взялъ третье письмо и началъ читать:

Любезнѣйшій мой деверекъ, Петръ Иванычъ!

«Помните ли, какъ семнадцать годковъ тому назадъ, мы справляли вашъ отъѣздъ? Вотъ привелъ Богъ благословить на дальній путь и собственное чадо. Полобуйтесь, батюшка, на него, да вспомните покойника, нашего голубчика, Федора Иваныча: вѣдь Сашенька весь въ него. Богъ одинъ знаетъ, что вытерпѣло мое материнское сердце, отпускаячи его на чужую сторону. Отправляю его, моего друга, прямо къ вамъ: не велѣла нигдѣ приставать, окомъ васъ...»

Адуевъ опять покачалъ головой.

— Глупая старуха!—проворчал онъ, и читаль:

«Онъ, пожалуй, по неопытности, остановился бы на постояломъ дворѣ, но я знаю, какъ это можетъ огорчить родного дядю, и внушила взѣхать прямо къ вамъ. То-то будетъ у васъ радости при свиданіи! Не оставьте его, любезный девярекъ, вашими совѣтами и возьмите на свое попеченіе; передаю его вамъ съ рукъ на руки».

Петръ Иванычъ опять остановился.

«Вѣдь вы тамъ одинъ у него (читаль онъ потомъ). — Присмотрито за нимъ, не балуйте ужъ слишкомъ-то, да и не взыскивайте очень строго, взыскать-то будетъ кому, взыщутъ и чужіе, а приласкать некому, кромѣ своего; онъ же самъ такой ласковый: вы только увидите его, такъ и не отойдете. И начальнику-то, у котораго онъ будетъ служить, скажите, чтобъ берегъ моего Сашеньку и обращался бы съ нимъ повѣжливѣе пуще всего: онъ у меня былъ нѣжливый. Остерегайте его отъ вина и отъ карты. Ночью,—вѣдь вы, я чай, въ одной комнатѣ будете спать,—Сашенька привыкъ лежать на спинѣ: отъ этого, сердечный, больно стонетъ и мечется;—вы тихонько разбудите его да перекрестите: сейчасъ и пройдетъ, а лѣтомъ покрывайте ему ротъ платочкомъ: онъ его разѣваетъ во снѣ, а проклятыя мухи такъ туда и лѣзутъ подъ утро. Не оставьте его также въ случаѣ нужды и деньгами...»

Адуевъ нахмурился, но вскорѣ лицо его опять прояснилось, когда онъ прочелъ далѣе.

«А я вышлю, что понадобится, да и ему въ руки дала теперь тысячу рублей, только чтобъ онъ не тратилъ ихъ на пустяки, да чтобъ у него подлиннаго не выманили, вѣдь тамъ у васъ, въ столицѣ, слышь, много мошенниковъ и всякихъ безсовѣстныхъ людей. А затѣмъ, простите, дорогой деверь—совѣмъ отвыкла писать. Остаюсь душевно почитающая васъ невѣстка

А. Адуева.

P. S. Посылаю при этомъ нашихъ деревенскихъ гостинцевъ — малинки изъ своего сада, бѣлаго медку — чистый, какъ слеза, — полотна голландскаго на двѣ дюжины рубашекъ, да домашняго вареньяца. Купайте и носите на здоровье, а выйдутъ — еще пришло. Присмотрите и за Евсеемъ: онъ смиренный и лепющій, да пожалуй тамъ, въ столицѣ, избалуется,—тогда можно и посячь».

Петръ Иванычъ медленно положилъ письмо на столъ, еще медленнѣе досталъ сигару и, покатавъ ее въ рукахъ, началъ курить. Долго обдумывалъ онъ эту штуку, какъ онъ

называть ее мысленно, которую сыграла съ нимъ его невѣстка. Онъ строго разобралъ въ умѣ и то, что сдѣлали съ нимъ, и то, что надо было дѣлать ему самому.

Вотъ на какія послылки разложили онъ весь этой случай. Племянника своего онъ не знаетъ, слѣдовательно, и не любить, а поэтому сердце его не возлагаетъ на него никакихъ обязанностей: надо рѣшать дѣло по законамъ разсудка и справедливости. Братъ его женился, наслаждался супружеской жизнью, — за что же онъ, Петръ Ивановичъ, обременить себя заботливостію о братнемъ сынѣ, онъ, не наслаждавшійся выгодами супружества? Конечно не за что.

Но съ другой стороны представлялось вотъ что: мать отправила сына прямо къ нему, на его руки, не зная, захочетъ ли онъ взять на себя эту обузу, даже не зная, живъ ли онъ и въ состояніи ли сдѣлать что-нибудь для племянника. Конечно это глупо; но если дѣло уже сдѣлано и племянникъ въ Петербургѣ, безъ помощи, безъ знакомыхъ, даже безъ рекомендательныхъ писемъ, молодой, безъ всякой опытности... въ правѣ ли онъ оставить его на произволь судьбы, бросить въ толпѣ, безъ наставленій, безъ совѣта, и если съ нимъ случится что-нибудь недоброе — не будетъ ли онъ отвѣчать передъ совѣстью?..

Тутъ кстати Адуевъ вспомнилъ, какъ, семнадцать лѣтъ назадъ, покойный братъ и та же Анна Павловна отправляли его самого. Они, конечно, не могли ничего сдѣлать для него въ Петербургѣ, онъ самъ нашелъ себѣ дорогу... но онъ вспомнилъ ея слезы при прощаньи, ея благословенія, какъ матери, ея ласки, ея широгы, и наконецъ, ея послѣднія слова: «вотъ, когда вырастетъ Сашенька—тогда еще трехлѣтній ребенокъ,—можетъ-быть, и вы, братецъ, приласкаете его»... Тутъ Петръ Ивановичъ всталъ и скорыми шагами пошелъ въ переднюю...

— Василій!—сказалъ онъ:—когда придетъ мой племянникъ, то не отказывай. Да поди узнай, занята ли здѣсь

вверху комната, что отдавалась недавно, и если не занята, такъ скажи, что я оставляю ее за собой. А! это гостинцы! Ну, что мы станемъ съ ними дѣлать?

— Давеча нашъ лавочникъ видѣлъ, какъ несли ихъ вверхъ, онъ спрашивалъ, не уступимъ ли ему медь:—«я, говоритъ, хорошую ибну дамъ», и малину беретъ..?

— Прекрасно! отдай ему. Ну, а полотно куда дѣвать? развѣ не годится ли на чехлы?.. Такъ спрячь полотно и варенье спрячь,—его можно ѣсть: кажется порядочное.

Только-что Петръ Иванычъ расположился бриться, какъ явился Александръ Федорычъ. Онъ-было бросился на шею къ дядѣ, но тотъ, пожимая мощной рукой его нѣжную, юношескую руку, держалъ его въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя, какъ будто для того, чтобы наглядѣться на него, а болѣе, кажется, за тѣмъ, чтобы остановить этотъ порывъ и ограничиться пожатіемъ.

— Мать твоя правду пишетъ,—сказалъ онъ:—ты живой портретъ покойнаго брата: я бы узналъ тебя на улицѣ. Но ты лучше его. Ну, я безъ церемоніи буду продолжать бриться, а ты садись вотъ сюда—напротивъ, чтобы я могъ видѣть тебя, и давай бесѣдовать.

За этимъ Петръ Иванычъ началъ дѣлать свое дѣло, какъ будто тутъ никого не было, и намыливалъ щеки, натягивая языкомъ то ту, то другую. Александръ былъ сконфуженъ этимъ пріемомъ и не зналъ, какъ начать разговоръ. Онъ приписалъ холодность дяди тому, что не остановился прямо у него.

— Ну, что твоя матушка? здорова ли? Я думаю постарѣла?—спросилъ дядя, дѣлая разныя гримасы передъ зеркаломъ.

— Маменька, слава Богу, здорова, кланяется вамъ, и тетушка, Марья Павловна, тоже,—сказалъ робко Александръ Федорычъ.—Тетушка поручила мнѣ обнять васъ...

Онъ всталъ и подошелъ къ дядѣ, чтобы поцѣловать его

въ щеку, или въ голову, или въ плечо, или, наконецъ, во что удастся.

— Тетушкѣ твоей пора бы съ лѣтами быть умнѣе, а она, я вижу, все такая же дура, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ...

Озадаченный Александръ задомъ воротился на свое мѣсто.

— Вы получили, дядюшка, письмо?..—сказалъ онъ.

— Да, получилъ.

— Василій Тихонычъ Заѣзжаловъ, — началъ Александръ Ѳедорычъ:—убѣдительно просить васъ справиться и похлопотать о его дѣлѣ...

— Да, онъ пишетъ ко мнѣ... У васъ еще не перевелись такіе ослы?

Александръ не зналъ, что и подумать—такъ его сразили эти отзывы.

— Извините, дядюшка... — началъ онъ почти съ трепетомъ.

— Что?

— Извините, что я не пріѣхалъ прямо къ вамъ, а остановился въ конторѣ дилижансовъ... Я не зналъ вашей квартиры...

— Въ чемъ тутъ извиняться? Ты очень хорошо сдѣлалъ. Матушка твоѣ, Богъ знаетъ, что выдумала. Какъ бы ты ко мнѣ пріѣхалъ, не зная, можно ли у меня остановиться, или нѣтъ? Квартира у меня, какъ видишь, холостая, для одного: зала, гостиная, столовая, кабинетъ, еще рабочій кабинетъ, гардеробная да туалетная—лишней комнаты нѣтъ. Я бы стѣснилъ тебя, а ты меня... А я нашелъ для тебя здѣсь же въ домѣ квартиру...

— Ахъ, дядюшка!—сказалъ Александръ:—какъ мнѣ благодарить васъ за эту заботливость?

И онъ опять вскочилъ съ мѣста, съ намѣреніемъ словомъ и дѣломъ доказать свою признательность.

— Тише, тише, не трогай! — заговорилъ дядя: — бритвы

преострыя, того и гляди обрѣжешься самъ и меня обрѣжешь.

Александръ увидѣлъ, что ему, несмотря на всѣ усилія, не удастся въ тотъ день ни разу обнять и прижать къ груди обожаемаго дядю, и отложилъ это намѣреніе до другого раза.

— Комната превеселенькая,—началь Петръ Ивановичъ:—окнами немного въ стѣну приходится, да вѣдь ты не стапешь все у окна сидѣть; если дома, такъ займешься чѣмъ-нибудь, а въ окна зѣвать некогда. И не дорога—сорокъ рублей въ мѣсяць. Для человѣка есть переднія. Надо привычаться тебѣ съ самаго начала жить одному, безъ няньки; завести свое маленькое хозяйство, т.-е. имѣть дома свой столъ, чай, словомъ, свой уголь—*un chez soi*, какъ говорятъ французы. Тамъ ты можешь свободно принимать кого хочешь... Впрочемъ, когда я дома обѣдаю, то милости прошу и тебя, а въ другіе дни—здѣсь молодые люди обыкновенно обѣдаютъ въ трактиръ, — но я совѣтую тебѣ посылать за своимъ обѣдомъ: дома и покойнѣе, и не рискуешь столкнуться Богъ знаетъ съ кѣмъ. Такъ ли?

— Я, дядюшка, очень благодаренъ...

— Что за благодарность? вѣдь ты мнѣ родня? Я исполняю свой долгъ. Ну, я теперь одѣвусь и поѣду; у меня и служба, и заводъ...

— Я не зналъ, дядюшка, что у васъ есть заводъ.

— Стекланный и фарфоровый; впрочемъ, я не одинъ: насъ трое компаніоновъ.

— Хорошо идетъ?

— Да, порядочно; сбываемъ больше во внутреннія губерніи на ярмарки. Последніе два года—хоть куда? Если бы еще этакъ лѣтъ пять, такъ и того... Одинъ компаніонъ, правда, не очень надеженъ—все мотается, да я умѣю держать его въ рукахъ. Ну, до свиданія. Ты теперь посмотри городъ, пофлянируй, пообѣдай гдѣ-нибудь, а вечеромъ при-

ходи ко мнѣ пить чай, я дома буду,—тогда поговоримъ. Эй, Василій! ты покажешь имъ комнату и поможешь тамъ устроиться.

«Такъ вотъ какъ здѣсь, въ Петербургѣ...» думалъ Александръ, сидя въ новомъ своемъ жилищѣ: «если родной дядя такъ, что жъ прочіе?..»

Молодой Адуевъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ сильной задумчивости, а Евсей говорилъ самъ съ собою, убирая комнату:

«Что это за житье здѣсь,—ворчалъ онъ:—у Петра Иваныча кухня-то, слышь, разъ въ мѣсяцъ топится, люди-то у чужихъ обѣдаютъ... Эко, Господи! ну, народецъ! нечего сказать, а еще петербургскіе называются! У насъ и собака каждая изъ своей площадки лакаетъ».

Александръ, кажется, раздѣлялъ мнѣніе Евсея, хотя и молчалъ. Онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ однѣ трубы, да крыши, да черные, грязные, кирпичные бока домовъ... и сравнилъ съ тѣмъ, что видѣлъ, назадъ тому двѣ недѣли, изъ окна своего деревенскаго дома. Ему стало грустно.

Онъ вышелъ на улицу—суматоха, всѣ бѣгутъ куда-то, занятые только собою, едва взглядывая на проходящихъ, и то развѣ для того, чтобъ не наткнуться другъ на друга. Онъ вспомнилъ про свой губернской городъ, гдѣ каждая встрѣча, съ кѣмъ бы то ни было, почему-нибудь интересна. То вотъ Иванъ Иванычъ идетъ къ Петру Петровичу—и всѣ въ городѣ знаютъ, зачѣмъ. То Марья Мартиновна ѣдетъ отъ вечерни, то Аванасій Савичъ на рыбную ловлю. Тамъ проскакалъ, сломя голову, жандармъ отъ губернатора къ доктору, и всякій знаетъ, что ея превосходительство изволить родить, хотя по мнѣнію разныхъ кумушекъ и бабушекъ, объ этомъ заранѣе знать не слѣдовало бы. Всѣ спрашиваютъ что: дочку или сына? Барыни готовятъ парадные чепцы. Вонъ Матвѣй Матвѣичъ вышелъ изъ дому, съ толстой палкой, въ шестомъ часу вечера, и всякому извѣстно,

что онъ идетъ дѣлать вечерній моціонъ, что у него безъ того желудокъ не варить, и что онъ остановится непременно у окна стараго совѣтника, который, также извѣстно, пьетъ въ это время чай. Съ кѣмъ ни встрѣтишься—поклонъ да пару словъ, а съ кѣмъ и не кланяешься, такъ знаешь, кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ, и у того въ глазахъ написано: и я знаю, кто вы, куда и зачѣмъ идете. Если, наконецъ, встрѣтятся незнакомые, еще не видавшіе другъ друга, то вдругъ лица обоихъ превращаются въ знаки вопроса; они остановятся и оборотятся назадъ раза два, а пришедши домой, опишутъ и костюмъ, и походку новаго лица, и пойдутъ толки и догадки, и кто, и откуда, и зачѣмъ? А здѣсь такъ взглядомъ и сталкиваютъ прочь съ дороги, какъ будто всѣ враги между собою.

Александръ сначала съ провинціальнымъ любопытствомъ вглядывался въ cadaго встрѣчнаго и cadaго порядочно одѣтаго человѣка, принимая ихъ, то за какого-нибудь министра или посланника, то за писателя: «не онъ ли?» думалъ онъ: «не этотъ ли?» Но вскорѣ это надоѣло ему—министры, писатели, посланники встрѣчались на каждомъ шагу.

Онъ посмотрѣлъ на дома—и ему стало еще скучнѣе: на него наводили тоску эти однообразныя каменные громады, которыя, какъ колоссальныя гробницы, сплошною массою тянутся одна за другою. «Вотъ кончается улица, сейчасъ будетъ приволье глазамъ», думалъ онъ: «или горка, или зелень, или развалившійся заборъ»,—нѣтъ, опять начинается та же каменная ограда одинакихъ домовъ, съ четырьмя рядами оконъ. И эта улица кончилась, ее преграждаетъ опять то же, а тамъ новый порядокъ такихъ же домовъ. Заглянешь направо, налево—всюду обступили васъ, какъ рать исполиновъ, домъ, домъ и домъ, камень и камень, все одно да одно... нѣтъ простора и выхода взгляду: заперты со всѣхъ сторонъ,—кажется, и мысли, и чувства людскія также заперты.

Тяжелы первыя впечатлѣнія провинціала въ Петербургѣ. Ему дико, грустно; его никто не замѣчаетъ; онъ потерялся здѣсь; ни новости, ни разнообразіе, ни толпа не развлекаютъ его. Провинціальный эгоизмъ его объявляетъ войну всему, что онъ видитъ здѣсь и чему не видѣлъ у себя. Онъ задумывается и мысленно переносится въ свой городъ. Какой отрадный видъ! Одинъ домъ съ острокопечной крышей и съ палисадничкомъ изъ акацій. На крышѣ надстройка, пріютъ голубей, — купецъ Изюминъ охотникъ гонять ихъ: для этого онъ взялъ да и выстроилъ голубятню на крышѣ; и по утрамъ и по вечерамъ, въ колпакѣ, въ халатѣ, съ палкой, къ концу которой привязана тряпица, стоитъ на крышѣ и посвистываетъ, размахивая палкой. Другой домъ—точно фонарь: со всѣхъ четырехъ сторонъ весь въ окнахъ и съ плоской крышей, домъ давней постройки; кажется, того и гляди, развалится или сторитъ отъ самовозгорѣнія; тесъ принялъ какой-то свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Страшно жить въ такомъ домѣ, но тамъ живутъ. Хозяинъ иногда, правда, посмотритъ на скосившійся потолокъ и покачаетъ головой, примолвивъ: простоитъ ли до весны? Авось! скажетъ потомъ и продолжаетъ жить, опасаясь не за себя, а за кармакъ. Подлѣ него кокетливо красуется диконькій домъ лѣкаря, раскинувшійся полукружіемъ, съ двумя похожими на будки флигелями, а этотъ весь спрятался въ зелени; тотъ обернулся на улицу задомъ, а тутъ на двѣ версты тянется заборъ, изъ-за котораго выглядываютъ съ деревьевъ румяныя яблоки, искушеніе мальчишекъ. Отъ церквей дома отступили на почтительное разстояніе. Кругомъ ихъ растетъ густая трава, лежатъ надгробныя плиты. Присутственныя мѣста — такъ и видно, что присутственныя мѣста: близко безъ надобности никто не подходитъ. А тутъ, въ столицѣ, ихъ и не отличишь отъ простыхъ домовъ, да еще, срамъ сказать, и лавочка тутъ же въ домѣ. А пройдешь тамъ, въ городѣ, двѣ, три улицы, ужъ и чуешь вольный воздухъ, начинаются

плетни, за ними огороды, а тамъ и чистое поле съ ярвымъ. А тишина, а неподвижность, а скука — и на улицѣ, и въ людяхъ тотъ же благодатный застой! И всѣ живутъ вольно, нараспашку, никому не тѣсно; даже куры и ифтухи свободно расхаживаютъ по улицамъ, козы и коровы щиплютъ траву, ребятишки пускаютъ змѣй.

А здѣсь... какая тоска! И провинціалъ вздыхаетъ, и по заборѣ, который напротивъ его оконъ, и по пыльной и грязной улицѣ, и по тряскому мосту, и по вывѣскѣ на питейной конторѣ. Ему противно сознаться, что Исаакіевскій соборъ лучше и выше собора въ его городѣ, что зала Дворянскаго Собранія больше залы тамошней. Онъ сердито молчитъ при подобныхъ сравненіяхъ, а иногда рискнетъ сказать, что такую-то матерію или такое-то вино можно у нихъ достать и лучше, и дешевле, а что на заморскія рѣдкости, этихъ большихъ раковъ и раковинъ, да красныхъ рыбокъ, тамъ и смотрѣть не стануть, и что вольно, дескать, вамъ покупать у иностранцевъ разныя матеріи да бездѣлушки; они обдираютъ васъ, а вы и рады быть олухами! Зато, какъ онъ вдругъ обрадуется, какъ посравнить да увидить, что у него въ городѣ лучше икра, груши или калачи. — «Такъ это-то называется груша у васъ?—скажетъ онъ:—да у насъ это *и люди* не стануть ѣсть!..»

Еще болѣе взгрустнется провинціалу, какъ онъ войдетъ въ одинъ изъ этихъ домовъ, съ письмомъ издалека. Онъ думаетъ, вотъ откроются ему широкія объятія, не будутъ знать какъ принять его, гдѣ посадить, какъ угостить; стануть искусно вывѣдывать, какое его любимое блюдо, какъ ему станетъ совѣстно отъ этихъ ласкъ, какъ онъ, подъ конецъ, броситъ всѣ церемоніи, расцѣлуетъ хозяйина и хозяйку, станетъ говорить имъ *ты*, какъ будто двадцать лѣтъ знакомы: всѣ подопьютъ наливочки, можетъ-быть, запоютъ хоромъ пѣсню...

Куда! на него едва глядятъ, морщатся, извиняются за-

нятіями; если есть дѣло, такъ назначаютъ такой часъ, когда не обѣдаютъ и не ужинаютъ, а адмиральскаго часу вовсе не знаютъ — ни водки, ни закуски. Хозяинъ пятится отъ объятій, смотритъ на гостя какъ-то странно. Въ сосѣдней комнатѣ звенятъ ложками, стаканами: тутъ-то бы и пригласить, а его искусными намеками стараются выпроводить... Все на замперти, вездѣ колокольчики: не мизерно ли это? да какія-то холодныя нелюдимыя лица. А тамъ, у насъ, входи смѣло; если отоѣдали, такъ опять для гостя стануть обѣдать; самоваръ утромъ и вечеромъ не сходитъ со стола, а колокольчиковъ и въ магазинахъ нѣтъ. Обнимаются, цѣлуются всѣ, и встрѣчный, и поперечный. Сосѣд тамъ — такъ настоящій сосѣдъ, живутъ рука въ руку, душа въ душу; родственникъ — такъ родственникъ: умереть за своего.. эхъ, грустно!

Александръ добрался до Адмиралтейской площади и остолбенѣлъ. Онъ съ часъ простоялъ передъ *Миднымъ Всадникомъ*, но не съ горькимъ упрекомъ въ душѣ, какъ бѣдливый *Евгеній*, а съ восторженной думой. Взглянулъ на Пену, окружающія ея зданія — и глаза его засверкали. Онъ вдругъ застыдился своего пристрастія къ тряскимъ мостамъ, палисадникамъ, разрушеннымъ заборамъ. Ему стало весело и легко. И суматоха, и толпа — все въ глазахъ его получило другое значеніе. Замелькали опять надежды, подавленные на время грустнымъ впечатлѣніемъ; новая жизнь отверзала ему объятія и манила къ чему-то неизвѣстному. Сердце его сильно билось. Онъ мечталъ о благородномъ трудѣ, о высокихъ стремленіяхъ, и преважно выступалъ по Невскому проспекту, считая себя гражданиномъ новаго міра... Въ этихъ мечтахъ воротился онъ домой.

Вечеромъ, въ 11 часовъ, дядя прислалъ звать его пить чай.

— Я только-что изъ театра, — сказала дядя, лежа на диванѣ.

— Какъ жаль, что вы не сказали мнѣ давеча, дядюшка: я бы пошелъ вмѣстѣ съ вами.

— Я былъ въ креслахъ, куда жъ ты, на колѣни бы ко мнѣ сѣлъ? — сказалъ Петръ Ивановичъ: — вотъ завтра поди себѣ одинъ.

— Одному грустно въ толпѣ, дядюшка; не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ...

— И не зачѣмъ! надо умѣть и чувствовать, и думать, словомъ, жить одному; со временемъ понадобится. Да еще тебѣ до театра надо одѣться прилично.

Александръ посмотрѣлъ на свое платье и удивился словамъ дяди. «Чѣмъ же я неприлично одѣтъ? — думалъ онъ: — синій сюртукъ, синіе панталоны»...

— У меня, дядюшка, много платья, — сказалъ онъ: — шилъ Кенигштейнъ; онъ у насъ на губернатора работаетъ.

— Нужды нѣтъ, все-таки оно не годится; на-дняхъ я завезу тебя къ своему портному; но это пустяки. Есть о чемъ важнѣе поговорить. Скажи-ка, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?

— Я пріѣхалъ... жить...

— Жить? т.-е. если ты разумѣешь подъ этимъ ѣсть, пить и спать, такъ не стоило труда ѣздить такъ далеко: тебѣ такъ не удастся ни поѣсть, ни поспать здѣсь, какъ тамъ, у себя; а если ты думалъ что-нибудь другое, такъ объяснись...

— Пользоваться жизнью, хотѣлъ я сказать, — прибавилъ Александръ, весь покраснѣвъ: — мнѣ въ деревнѣ надоѣло — все одно и то же...

— А! вотъ что! Что жъ, ты наймешь бельэтажъ на Невскомъ проспектѣ, заведешь карету, составишь большой кругъ знакомства, откроешь у себя дни?

— Вѣдь это очень дорого, — замѣтилъ наивно Александръ.

— Мать пишетъ, что она дала тебѣ тысячу рублей: этого мало, — сказалъ Петръ Ивановичъ. — Вотъ одинъ мой знакомый недавно пріѣхалъ сюда, ему тоже надоѣло въ деревнѣ; онъ хочетъ пользоваться жизнью, такъ тотъ привезъ пять-

десять тысяч и ежегодно будет получать по стольку же. Онъ точно будетъ пользоваться жизнью въ Петербургѣ, а ты—нѣтъ! ты не за тѣмъ пріѣхалъ.

— По словамъ вашимъ, дядюшка, выходитъ, что я какъ будто самъ не знаю, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Почти такъ; это лучше сказано: тутъ есть правда; только все еще нехорошо. Неужели ты, какъ собирался сюда, не задалъ себѣ этого вопроса: зачѣмъ я ѣду? Это было бы не лишнее.

— Прежде, нежели я задалъ себѣ этотъ вопросъ, у меня уже былъ готовъ отвѣтъ!—съ гордостью отвѣчалъ Александръ.

— Такъ что же ты не говоришь? ну, зачѣмъ?

— Меня влекло какое-то неодолимое стремленіе, жажда благородной дѣятельности; во мнѣ кипѣло желаніе уяснить и осуществить...

Петръ Иванычъ приподнялся немного съ дивана, вынулъ изо рта сигару и наострилъ уши.

— Осуществить тѣ надежды, которыя толпились...

— Не пишешь ли ты стиховъ?—вдругъ спросилъ Петръ Иванычъ.

— И прозой, дядюшка; прикажете принести?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. послѣ когда-нибудь; я такъ только спросилъ.

— А что?

— Да ты такъ говоришь...

— Развѣ нехорошо?

— Нѣтъ,—можетъ-быть, очень хорошо, да дико.

— У насъ профессоръ эстетики такъ говорилъ и считался самымъ краснорѣчивымъ профессоромъ,—сказалъ смутившійся Александръ.

— О чемъ же онъ такъ говорилъ?

— О своемъ предметѣ.

— А!

— Какъ же, дядюшка, мнѣ говорить?

— Попроще, какъ всё, а не какъ профессоръ эстетики. Впрочемъ, этого вдругъ растолковать нельзя; ты послѣ самъ увидишь. Ты, кажется, хочешь сказать, сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести твои слова, что ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуна—такъ ли?

— Да, дядюшка, карьеру...

— И фортуна, — прибавилъ Петръ Ивановичъ: — что за карьера безъ фортуны? Мысль хороша—только... напрасно ты пріѣзжалъ.

— Отчего же? Надѣюсь, вы не по собственному опыту говорите это?—сказалъ Александръ, глядя вокругъ себя.

— Дѣльно замѣчено. Точно, я хорошо обставленъ и дѣла мои недурны. Но, сколько я посмотрю, ты и я — большая разница.

— Я никакъ не смѣю сравнивать себя съ вами...

— Не въ томъ дѣло; ты, можетъ-быть, въдесятеро умнѣе и лучше меня... да у тебя, кажется, натура не такая, чтобъ поддалась новому порядку; а тамошній порядокъ — ой, ой! Ты, вонъ, изнѣженъ и избалованъ матерью; гдѣ тебѣ выдержатъ все, что я выдержалъ? Ты, должно-быть, мечтатель, а мечтать здѣсь некогда; подобные намъ ѣздятъ сюда дѣло дѣлать.

— Можетъ-быть, я въ состояніи что-нибудь сдѣлать, если вы не оставите меня вашими совѣтами и опытностью...

— Совѣтовать — боюсь. Я не ручаюсь за твою деревенскую натуру: выйдетъ вздоръ—станешь пенять на меня; а мнѣніе свое сказать, изволь — не отказываюсь, ты слушай или не слушай, какъ хочешь. Да нѣтъ! я не надѣюсь на удачу. У васъ тамъ свой взглядъ на жизнь: какъ переработашь его? Вы помѣшались на любви, на дружбѣ, да на прелестяхъ жизни, на счастья; думаютъ, что жизнь только въ этомъ и состоитъ: ахъ да охъ! плачутъ, рыщутъ да любезничаютъ, а дѣла не дѣлаютъ... какъ я отучу тебя отъ всего этого?—мудрено!

— Я постараюсь, дядюшка, приноровиться къ современнымъ понятіямъ. Уже сегодня, глядя на эти огромныя зданія, на корабли, принесшіе намъ дары дальнихъ странъ, я подумалъ объ усѣхахъ современнаго человѣчества, я попялъ волненіе этой разумно-дѣятельной толпы, готовъ слиться съ нею...

Петръ Ивановичъ, при этомъ монологѣ, значительно поднялъ брови и пристально посмотрѣлъ на племянника. Тотъ остановился.

— Дѣло, кажется, простое, — сказала дядя: — а они, Богъ знаетъ, что заберутъ въ голову... «разумно-дѣятельная толпа!» Право, лучше бы тебѣ остаться тамъ. Прожилъ бы ты вѣкъ свой славно: былъ бы тамъ умнѣ всѣхъ, прослылъ бы сочинителемъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, вѣрилъ бы въ вѣчную и неизмѣнную дружбу и любовь, въ родство, счастье, женился бы и незамѣтно дожилъ бы до старости и въ самомъ дѣлѣ былъ бы по-своему счастливъ; а по здѣшнему ты счастливъ не будешь: здѣсь всѣ эти понятія надо перевернуть вверхъ дномъ.

— Какъ, дядюшка, развѣ дружба и любовь — эти священные и высокія чувства, упавшія какъ-будто ненарочно съ неба въ земную грязь...

— Что?

Александръ замолчалъ.

— «Любовь и дружба въ грязь упали!» Ну, какъ ты этакъ здѣсь брикнешь?

— Развѣ онѣ не тѣ же и здѣсь, какъ тамъ? хочу я сказать.

— Есть и здѣсь любовь и дружба, — гдѣ ибѣтъ этого добра? только не такая, какъ тамъ, у васъ; со временемъ увидишь самъ... Ты прежде всего забудь эти *священные* да *небесныя* чувства, а приглядывайся къ дѣлу такъ, проще, какъ оно есть, право лучше, будешь и говорить проще. Впрочемъ, это не мое дѣло. Ты пріѣхалъ сюда, не воро-

чаться же назадъ: если не найдешь чего искалъ, пеній на себя. Я предупрежу тебя, что хорошо, по моему мнѣнію, что дурно, а тамъ какъ хочешь... Попробуемъ, можетъ-быть, удастся что-нибудь изъ тебя сдѣлать. Да! матушка просила снабжать тебя деньгами... Знаешь, что я тебѣ скажу: не проси у меня ихъ: это всегда нарушаетъ доброе согласіе между порядочными людьми. Впрочемъ, не думай, чтобъ я тебѣ отказывалъ: нѣтъ, если придется такъ, что другого средства не будетъ, такъ ты, нечего дѣлать, обратись ко мнѣ... Все у дяди лучше взять, чѣмъ у чужого, по крайней мѣрѣ, безъ процентовъ. Да чтобъ не прибѣгать къ этой крайности, я тебѣ поскорѣй найду мѣсто, чтобъ ты могъ доставать деньги, Ну, до свиданія. Заходи поутру, мы переговоримъ, что и какъ начать.

Александръ Федорычъ пошелъ домой.

— Послушай, не хочешь ли ты поужинать? — сказалъ Петръ Иванычъ ему вслѣдъ.

— Да, дядюшка... я бы, пожалуй...

— У меня ничего нѣтъ.

Александръ молчалъ. «Зачѣмъ же это обязательное предложеніе?» думалъ онъ.

— Стола я дома не держу, а трактиры теперь заперты, — продолжалъ дядя. — Вотъ тебѣ и урокъ на первый случай — привыкай. У васъ встаютъ и ложатся по солнцу, ѣдятъ, пьютъ, когда велитъ природа; холодно, такъ надѣнуть себѣ шапку съ наушниками, да и знать ничего не хотятъ; свѣтло — такъ день, темно — такъ ночь. У тебя, вонъ, слипаются глаза, а я еще за работу сяду: къ концу мѣсяца надо счеты свести. Дышите вы тамъ круглый годъ свѣжимъ воздухомъ, а здѣсь и это удовольствіе стоитъ денегъ — и все такъ! совершенные антиподы! Здѣсь вотъ и не ужинаютъ, особенно на свой счетъ, и на мой тоже. Это тебѣ даже полезно: не станешь стѣнать и метаться по ночамъ, а крестить мнѣ тебя некогда.

— Къ этому, дядюшка, легко привыкнуть...

— Хорошо, если такъ. А у васъ все еще по старому: можно придти въ гости ночью и сейчасъ ужинъ состряпаютъ?

— Что жъ, дядюшка, надѣюсь, этой черты порицать нельзя. Добродѣтель русскихъ...

— Полно! какая тутъ добродѣтель. Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады: — «милости просимъ, кушай, сколько хочешь, только займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время, да дай взглянуть на тебя: все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоить...» Препротивная добродѣтель!

Такъ Александръ легъ спать и старался разгадать, что за человѣкъ его дядя. Онъ припомнилъ весь разговоръ; многого не понялъ, другому не совсѣмъ вѣрилъ.

«Не хорошо говорю!» и думалъ онъ: «любовь и дружба не вѣчны?» не смѣется ли надо мною дядюшка? Неужели здѣсь такой порядокъ? Что же Софья и правилось во мнѣ особенно, какъ не даръ слова? А любовь ея неужели не вѣчна?.. И неужели здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, не ужинаютъ?»

Онъ еще долго ворочался въ постели: голова, полная тревожныхъ мыслей, и пустой желудокъ не давали ему спать.

Прошло недѣли двѣ.

Петръ Иванычъ день ото дня становился довольнѣе своимъ племянникомъ.

— У него есть тактъ,—говорилъ онъ одному своему компаніону по заводу:—чего бы я никакъ не ожидалъ отъ деревенскаго мальчика. Онъ не навязывается, не ходитъ ко мнѣ безъ зову; и когда замѣтитъ, что онъ лишній, тотчасъ уйдетъ; и денегъ не проситъ: онъ малый покойный. Есть странности... лѣзетъ цѣловаться, говоритъ, какъ семинаристъ... ну, да отъ этого отвыкнетъ; и то хорошо, что онъ не сѣлъ мнѣ на шею.

— Есть состояніе?—спросилъ тотъ.

— Нѣтъ; какихъ-нибудь сто душонокъ.

— Что жь! если есть способности, такъ онъ пойдетъ здѣсь... вѣдь и вы не съ большого начали, а вотъ, слава Богу...

— Нѣтъ! куда! ничего не сдѣлаетъ. Эта глухая восторженность никуда не годится, ахъ да охъ! не привыкнетъ онъ къ здѣшнему порядку; гдѣ ему сдѣлать карьеру! напрасно приѣзжалъ... ну, это ужъ его дѣло.

Александръ долгомъ считалъ любить дядю, но никакъ не могъ привыкнуть къ его характеру и образу мыслей.

«Дядюшка у меня, кажется, добрый человекъ», — писалъ онъ въ одно утро къ Писцѣлову: — «очень уменъ, только человекъ весьма прозаическій, вѣчно въ дѣлахъ, въ расчетахъ... Духъ его будто прикованъ къ землѣ и никогда не возносится до чистаго, изолированнаго отъ земныхъ дразговъ созерцанія явленій духовной природы человека. Небо у него неразрывно связано съ землей, и мы съ нимъ, кажется, никогда совершенно не сольемся душами. Ёдучи сюда, я думалъ, что онъ, какъ дядя, дастъ мнѣ мѣсто въ сердцѣ, согрѣетъ меня въ здѣшней холодной толпѣ горячими объятіями дружбы; а дружба, ты знаешь, *второе провидѣнье!* Но и онъ есть ничто иное, какъ выраженіе этой толпы. Я думалъ дѣлать съ нимъ вмѣстѣ время, не разставаться ни на минуту, но что встрѣтить? — холодные совѣты, которые онъ называетъ дѣльными; но пусть они лучше будутъ недѣльны, но полны теплаго, сердечнаго участія. Онъ гордъ не гордъ, но врагъ всякихъ искреннихъ изліяній; мы не объдаемъ, не ужинаемъ вмѣстѣ, никуда не ѣдимъ. Приѣхавъ, онъ никогда не расскажетъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ и никогда также не говоритъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ, кто у него знакомые, нравится ему что, нѣтъ ли, какъ онъ проводитъ время. Никогда не сердитъ особенно, ни ласковъ, ни печаленъ, ни веселъ. Сердцу его чужды всѣ порывы любви, дружбы, всѣ стремленія къ прекрасному. Часто го-

воришь, и говоришь, какъ вдохновенный пророкъ, почти какъ нашъ великій, незабвенный Иванъ Семенычъ, когда онъ, помнишь, гремѣлъ съ кафедры, а мы трепетали въ восторгъ отъ его огненнаго взора и слова; а дядюшка? слушаетъ, поднявъ брови, и смотритъ престранно, или засмѣется какъ-то по-своему, такимъ смѣхомъ, который леденитъ у меня кровь—и прощай вдохновеніе! Я иногда вижу въ немъ, какъ-будто пушкинскаго демона... Не вѣритъ онъ *любви*, и проч., говоритъ, что счастья нѣтъ, что его никто не обѣщалъ, а что есть просто жизнь, раздѣляющаяся поровну на добро и зло, на удовольствіе, удачу, здоровье, покой, потомъ на неудовольствіе, неудачу, безпокойство, болѣзни и проч., что на все на это надо смотрѣть просто, не забирать себѣ въ голову бесполезныхъ—каково? бесполезныхъ!—вопросовъ о томъ, зачѣмъ мы созданы, да къ чему стремимся,—что это не наша забота, и что отъ этого мы не видимъ, что у насъ подъ носомъ, и не дѣлаемъ своего дѣла... только и слышишь о дѣлѣ! Въ немъ не отличишь, находится ли онъ подъ вліяніемъ какого-нибудь наслажденія, или прозаическаго дѣла: и за счетами, и въ театрѣ, все одинаковъ; сильныхъ впечатлѣній не знаетъ и, кажется, не любитъ изящнаго: оно чуждо душѣ его; я думаю, онъ не читалъ даже Пушкина...»

Петръ Иванычъ неожиданно явился въ комнату племянника и засталъ его за письмомъ.

— Я пришелъ посмотреть, какъ ты тутъ устроился,—сказалъ дядя:—и поговорить о дѣлѣ.

Александръ вскочилъ и проворно что-то прикрылъ рукой.

— Спрячь, спрячь свой секретъ,—сказалъ Петръ Иванычъ:—я отвернусь. Ну, спрягать? А это что вышло? что это такое?

— Это, дядюшка, ничего...—началь-было Александръ, но смѣшался и замолчалъ.

— Кажется, волосы! Подлинно, ничего! ужъ я видѣлъ одно, такъ покажи и то, что спрягать въ рукѣ.

Александръ, точно уличенный школьникъ, невольно разжалъ руку и показалъ кольцо.

— Что это? откуда?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Это, дядюшка, вещественные знаки... невещественныхъ отношеній...

— Что? что? дай-ка сюда эти знаки.

— Это залогои...

— Вѣрно изъ деревни привезъ?

— Отъ Софьи, дядюшка, на память... при прощаньи...

— Такъ и есть. И это ты везъ за тысячу пятьсотъ верстъ?

Дядя покачалъ головой.

— Лучше бы ты привезъ еще мѣшокъ сушеной малины: ту, по крайней мѣрѣ, въ лавочку сбыли, а эти залогои...

Онъ разсматривалъ то волосы, то колечко: волосы понюхалъ, а колечко взвѣсилъ на рукѣ. Потомъ взялъ бумажку со стола, завернулъ въ нее оба знака, сжалъ все это въ компактный комокъ и—бацъ въ окно.

— Дядюшка!—неистово закричалъ Александръ, схвативъ его за руку, но поздно: комокъ перелетѣлъ черезъ уголь софидней крыши, упалъ въ каналъ, на край барки съ кирпичами, отскочилъ, и прыгнулъ въ воду.

Александръ молча, съ выраженіемъ горькаго упрека, смотрѣлъ на дядю.

— Дядюшка!—повторилъ онъ.

— Что?

— Какъ назвать вашъ поступокъ?

— Бросаніемъ изъ окна въ каналъ невещественныхъ знаковъ и всякой дряни и пустяковъ, чего не нужно держать въ комнатѣ...

— Пустяковъ, это пустяки!

— А ты думалъ чтò?—половина твоего сердца... Я пришелъ къ нему за дѣломъ, а онъ вонъ чѣмъ занимается—сидитъ да думаетъ надъ дрянью!

— Развѣ это мѣшаетъ дѣлу, дядюшка?

— Очень. Время проходитъ, а ты до сихъ поръ мнѣ еще и не упомянулъ о своихъ намѣреніяхъ: хочешь ли ты служить, избралъ ли другое занятіе — ни слова! а все оттого, что у тебя Софья да знаки на умѣ. Воишь, ты, кажется, къ ней письмо пишешь? Такъ?

— Да... я началъ-было...

— А къ матери писать?

— Нѣтъ еще, я хотѣлъ завтра.

— Отчего же завтра? Къ матери завтра, къ Софьѣ, которую черезъ мѣсяць надо забыть, сегодня...

— Софью? можно ли ее забыть?

— Должно. Не брось я твоихъ залоговъ, такъ, пожалуй, чего добраго, ты помнилъ бы ее лишній мѣсяць. Я оказалъ тебѣ вдвойнѣ услугу. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти знаки напомнили бы тебѣ глупость, отъ которой бы ты краснѣлъ.

— Краснѣть отъ такого чистаго, святаго воспоминанія? это значитъ не признавать поэзіи...

— Какая поэзія въ томъ, что глупо? поэзія, напримѣръ, въ письмѣ твоей тетки! жёлтый цвѣтокъ, озеро, какая-то тайна... какъ я сталъ читать — мнѣ такъ стало нехорошо, что и сказать нельзя! чуть не покраснѣлъ, а ужъ я ли не отвыкъ краснѣть!

— Это ужасно, ужасно, дядюшка! стало-быть вы никогда не любили?

— Знаковъ терпѣть не могъ.

— Это какая-то деревянная жизнь! — сказалъ въ сильномъ волненіи Александръ: — прозябаніе, а не жизнь! прозябать *безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...*

— И безъ волосъ! — прибавилъ дядя.

— Какъ вы, дядюшка, можете такъ холодно издѣваться надъ тѣмъ, что есть лучшаго на землѣ? вѣдь это преступленіе... Любовь... святая волненія!

— Знаю я эту святую любовь: въ твои лѣта только уви-

дать локонъ, банмакъ, подвязку, дотронутся до руки—такъ по всему тѣлу и побѣжить святая, возвышенная любовь, а дай-ка волю, такъ и того... Твоя любовь, къ сожалѣнiю, впереди; отъ этого никакъ не уйдешь, а дѣло уйдетъ отъ тебя, если не станешь имъ заниматься.

— Да развѣ любовь не дѣло?

— Нѣтъ: прiятное развлеченiе, только не нужно слишкомъ предаваться ему, а то выйдетъ вздоръ. Отъ этого я и боюсь за тебя.

Дядя покачалъ головой.

— Я почти нашель тебѣ мѣсто; ты вѣдь хочешь служить?—сказаль онъ.

— Ахъ, дядюшка, какъ я радъ!

Александръ бросился и поцѣловаль дядю въ щеку.

— Нашель-таки случай!—сказаль дядя, вытирая щеку:—какъ это я не остерегся! Ну, такъ слушай же. Скажи, что ты знаешь, къ чему чувствуешь себя способнымъ?

— Я знаю богословіе, гражданское, уголовное, естественное и народное права, дипломатiю, политическую экономiю, философію, эстетику, археологію...

— Постой, постой! а умѣешь ли ты порядочно писать по-русски? Теперь пока это нужнѣе всего.

— Какой вопросъ, дядюшка: умѣю ли писать по-русски!—сказаль Александръ и побѣжалъ къ комоду, изъ котораго началъ вынимать разныя бумаги, а дядя, между тѣмъ, взялъ со стола какое-то письмо и сталъ читать.

Александръ подошелъ съ бумагами къ столу и увидѣлъ, что дядя читаетъ письмо. Бумаги у него вынали изъ рукъ.

— Что это вы читаете, дядюшка?—сказаль онъ въ испугѣ.

— А вотъ тутъ лежало письмо, къ другу, должно-быть. Извини, мнѣ хотѣлось взглянуть, какъ ты пишешь.

— И вы прочитали его?

— Да, почти—вотъ только двѣ строки осталось,—сейчасъ

дочитаю; а что? вѣдь тутъ секретовъ нѣтъ, иначе бы оно не валялось такъ...

— Что же вы теперь думаете обо мнѣ?..

— Думаю, что ты порядочно пишешь, правильно, гладко...

— Стало-быть вы не прочли, что тутъ написано? — съ живостью спросилъ Александръ.

— Нѣтъ, кажется, все, — сказалъ Петръ Ивановичъ, поглядѣвъ на обѣ страницы: — сначала описываешь Петербургъ, свои впечатлѣнія, а потомъ меня.

— Боже мой? — воскликнулъ Александръ и закрылъ руками лицо.

— Да что ты? что съ тобой?

— И вы говорите это покойно? вы не сердитесь, не ненавидите меня?

— Нѣтъ! изъ чего мнѣ бѣсноваться?

— Повторите, успокойте меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Мнѣ все не вѣрится; докажите, дядюшка...

— Чѣмъ прикажешь?

— Обнимите меня.

— Извини, не могу.

— Почему же?

— Потому что въ этомъ поступкѣ разума, то-есть смысла нѣтъ, или, говоря словами твоего профессора, сознание не побуждаетъ меня къ этому; вотъ, если бъ ты былъ женщиною — такъ другое дѣло: тамъ это дѣлается безъ смысла, по другому побужденію.

— Чувство, дядюшка, просится наружу, требуетъ прорыва, изліянія...

— У меня не просится и не требуетъ, да если бъ и просилось, такъ я бы воздержался — и тебѣ тоже совѣтую.

— Зачѣмъ же?

— А затѣмъ, чтобъ послѣ, когда размотришь поближе человѣка, котораго обнялъ, не краснѣть за свои объятія.

— Развѣ не случается, дядюшка, что оттолкнешь человека и послѣ раскаяешься.

— Случается; оттого я никогда никого и не отталкиваю.

— Вы и меня не оттолкнете за мой поступокъ, не назовете чудовищемъ?

— У тебя кто напишетъ вздоръ, тотъ и чудовище. Этакъ бы ихъ развелось несмѣтное множество.

— Но читать про себя такія горькія истины — и отъ кого же? отъ родного племянника!

— Ты воображаешь, что написалъ истину?..

— О, дядюшка!.. конечно, я ошибся... я переправлю... простите...

— Хочешь, я тебѣ продиктую истину?

— Сдѣлайте милость.

— Садись и пиши.

Александръ вынулъ листъ бумаги и взялъ перо, а Петръ Ивановичъ, глядя на прочтенное имъ письмо, диктовалъ:

«Любезный другъ.

— Написать?

— Написать.

«Петербурга и впечатлѣній своихъ описывать тебѣ не стану:

— «Не стану»,—сказалъ Александръ, написавъ.

«Петербургъ уже давно описанъ, а что не описано, то надо видѣть самому; впечатлѣнія мои тебѣ ни на что не годятся. Нѣчего попустому тратить время и бумагу. Лучше опишу моего дядю, потому что это относится лично до меня.

— «Дядю»,—сказалъ Александръ.

— Ну, вотъ ты пишешь, что я очень добръ и уменъ— можетъ быть это и правда, можетъ быть и нѣтъ; возьмемъ лучше середину, пиши:

«Дядя мой не глупъ и не золъ, мнѣ желаетъ добра...

— Дядюшка! я умѣю цѣнить и чувствовать... — сказалъ Александръ и потянулся поцѣловать его.

«Хотя и не вѣшается мнѣ на шею»,—продолжалъ диктовать Петръ Ивановичъ. Александръ, не дотянувшись до него, поскорѣй сѣлъ на свое мѣсто.

«А желаетъ добра потому, что не имѣетъ причины и побужденія желать зла, и потому, что его просила обо мнѣ моя матушка, которая дѣлала нѣкогда для него добро. Онъ говоритъ, что меня не любить — и весьма основательно: въ двѣ недѣли нельзя полюбить, и я еще не люблю его, хотя и увѣряю въ противномъ.»

— Какъ это можно?—сказалъ Александръ.

— Пиши, пиши:

«Но мы начинаемъ привыкать другъ къ другу. Онъ даже говоритъ, что можно и совсѣмъ обойтись безъ любви. Онъ не сидитъ со мной, обнявшись, съ утра до вечера, потому, что это вовсе не нужно, да ему и некогда.»

— «Врагъ искреннихъ изліяній» — это можно оставить: это хорошо.—Написалъ?

— Написалъ.

— Ну, что у тебя тутъ еще? «Прозанческій духъ, демонъ...» Пиши.

Пока Александръ писалъ, Петръ Ивановичъ взялъ со стола какую-то бумагу, свернулъ ее, досталъ огня и закурилъ сигару, а бумагу бросилъ и затопталъ.

«Дядя мой ни демонъ, ни ангель, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ,—диктовалъ онъ,—только не совсѣмъ похожъ на насъ съ тобой. Онъ думаетъ и чувствуетъ по-земному, полагаетъ, что если мы живемъ на землѣ, такъ и не надо улетать съ нея на небо, гдѣ насъ теперь пока не спрашиваютъ, а заниматься человѣческими дѣлами, къ которымъ мы призваны. Оттого онъ винкаетъ во всѣ земныя дѣла и, между прочимъ, въ жизнь, какъ она есть, а не какъ бы намъ ея хотѣлось. Вѣрить въ добро и вмѣстѣ въ зло, въ прекрасное и прескверное. Любви и дружбѣ тоже вѣрить, только не думаетъ, что онѣ упали съ неба въ грязь, а полагаетъ,

что онѣ созданы вмѣстѣ съ людьми и для людей, что ихъ такъ и надобно понимать и вообще разсматривать вещи пристально, съ ихъ настоящей стороны, а не заноситься, Богъ знаетъ, куда. Между честными людьми онѣ допускаетъ возможность пріязни, которая, отъ частыхъ сношеній и привычки, обращается въ дружбу. Но онѣ полагаетъ также, что въ разлукѣ привычка теряетъ силу и люди забываютъ другъ друга и что это вовсе не преступленіе. Поэтому онѣ увѣряетъ, что я тебя забуду, а ты меня. Это мнѣ, да и тебѣ вѣроятно, кажется дико, но онѣ совѣтуетъ привыкнуть къ этой мысли, отчего мы оба не будемъ въ дуракахъ. О любви онѣ того же мнѣнія, съ небольшими отгѣнками: не вѣрять въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣрять въ домовыхъ—и намъ не совѣтуетъ вѣрять. Впрочемъ, объ этомъ онѣ совѣтуетъ мнѣ думать, какъ можно меньше, а я тебѣ совѣтую. Это, говоритъ онѣ, придетъ само собою—безъ зову; говоритъ, что жизнь не въ одномъ только этомъ состоитъ, что для этого, какъ для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви—глупо. Тѣ, которые ищутъ ее и не могутъ ни минуты обойтись безъ нея—живутъ сердцемъ, и еще чѣмъ-то хуже, на счетъ головы. Дядя любитъ заниматься дѣломъ, что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ:—мы принадлежимъ къ обществу, говоритъ онѣ, которое нуждается въ пасѣ; занимаясь, онѣ не забываетъ и себя: дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онѣ очень любитъ. При томъ у него, можетъ-быть, есть намѣренія, вслѣдствіе которыхъ, вѣроятно, не я буду его наслѣдникомъ. Дядя не всегда думаетъ о службѣ да о заводѣ, онѣ знаетъ наизусть не одного Пушкина...»

— Вы, дядюшка?—сказалъ изумленный Александръ.

— Да, когда-нибудь увидишь. Пиши.

«Онѣ читаетъ на двухъ языкахъ все, что выходитъ замѣчательнаго по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, любитъ искусства, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ

фламандской школы — это его вкусъ, — часто бываетъ въ театрѣ, но не суетится, не мечется, не ахаетъ, не охаетъ, думая, что это ребячество, что надо воздерживать себя, не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому, что до нихъ никому нѣтъ надобности. Онъ также не говоритъ дикимъ языкомъ, что совѣдуетъ и мнѣ, а я тебѣ. Прощай, ииши ко мнѣ порѣже и не теряй попустому времени. Другъ твой такой-то. Ну, мѣсяць и число».

— Какъ можно послать такое письмо? — сказалъ Александръ:—«иши порѣже»—написать это человѣку, который нарочно за сто шестьдесятъ верстъ пріѣхалъ, чтобы сказать послѣднее прости! «Совѣтую то, другое, третье»... онъ не глумитъ меня: онъ вышелъ вторымъ кандидатомъ.

— Нужды нѣтъ, ты все-таки пошли: можетъ-быть, онъ поумнѣе станетъ: это наведетъ его на разныя новыя мысли; хоть вы кончили курсъ, а школа ваша только-что начинается.

— Я не могу рѣшиться, дядюшка...

— Я никогда не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, но ты самъ просилъ что-нибудь для тебя сдѣлать; я стараюсь навести тебя на настоящую дорогу и облегчить первый шагъ, а ты упрямисься; ну, какъ хочешь; я говорю только свое мнѣніе, а принуждать не стану; я тебѣ не нянька.

— Извините, дядюшка: я готовъ повиноваться,—сказалъ Александръ и тотчасъ запечаталъ письмо.

Запечатавъ одно, онъ сталъ искать другое, къ Софѣ. Онъ поглядѣлъ на столъ—нѣтъ, подъ столомъ—тоже нѣтъ, въ ящикѣ—не бывало.

— Ты чего-то ищешь?—сказалъ дядя.

— Я ищу другого письма... къ Софѣ.

И дядя сталъ искать.

— Гдѣ же оно?—говорилъ Петръ Ивановичъ: —я, право, не бросаю его за окно...

— Дядюшка! что вы надѣлали? вѣдь вы имъ закурили

сигару! — горестно сказала Александръ и поднялъ обгорѣлыя остатки писъма.

— Не-уже-ли?—воскликнуть дядя:—да какъ это я? и не замѣтилъ; смотри, пожалуй, сжегъ такую драгоценность... А, впрочемъ, знаешь что? оно даже съ одной стороны хорошо...

— Ахъ, дядюшка, ей-Богу, ни съ какой стороны не хорошо...—замѣтилъ Александръ въ отчаяннн.

— Право, хорошо: съ нынѣшней почтой ты не успѣешь написать къ ней, а къ будущей ужъ вѣрно одумаешься, займешься службой: тебѣ будетъ не до того и, такимъ образомъ, сдѣлаешь одной глупостью меньше.

— Что жъ она подумаетъ обо мнѣ?

— А что хочетъ. Да я думаю, это полезно и ей. Вѣдь ты не женишься на ней? Она подумаетъ, что ты ее забылъ, забудетъ тебя сама и меньше будетъ краснѣть передъ будущимъ своимъ женихомъ, когда станетъ увѣрять его, что никого, кромѣ его, не любила.

— Вы, дядюшка, удивительный человекъ! для васъ не существуетъ постоянства, нѣтъ святости обѣщаннй... Жизнь такъ хороша, такъ полна прелести, нѣги: она, какъ гладкое, прекрасное озеро...

— На которомъ растутъ желтые цвѣты, что ли? — перебилъ дядя.

— Какъ озеро, — продолжалъ Александръ: — она полна чего-то таинственнаго, заманчиваго, скрывающаго въ себѣ такъ много...

— Тины, любезный.

— Зачѣмъ же вы, дядюшка, черпаете тину, зачѣмъ такъ разрушаете и уничтожаете всѣ радости, надежды, блага... смѣтрите съ черной стороны?

— Я смотрю съ настоящей — и тебѣ то же совѣтую: въ дуракахъ не будешь. Съ твоими понятнями жизнь хороша тамъ, въ провинции, гдѣ ея не вѣдаютъ,—тамъ и не люди

живутъ, а ангелы: вотъ Заѣжиковъ — святой человекъ, тетушка твоя — возвышенная, чувствительная душа, Софья, я думаю, такая же дура, какъ и тетушка, да еще...

— Оканчивайте, дядюшка! — сказалъ взбѣшенный Александръ.

— Да еще такіе мечтатели, какъ ты: — водятъ носомъ по вѣтру, не пахнетъ ли откуда-нибудь неизмѣнной дружбой да любовью... Въ сотый разъ скажу: напрасно прѣѣзжалъ!

— Станетъ она увѣрять жениха, что никого не любила! — говорилъ почти самъ съ собою Александръ.

— А ты все свое!

— Нѣтъ, я увѣренъ, что она прямо, съ благородной откровенностью отдастъ ему мои письма и...

— И знаки, — сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Да, и залого нашихъ отношеній... и скажетъ: «вотъ, вотъ кто первый пробудилъ струны моего сердца; вотъ при чемъ имени заиграли онѣ впервые»...

У дяди начали подниматься брови и расширяться глаза. Александръ замолчалъ.

— Что жъ ты пересталъ играть на своихъ струнахъ? Ну, милый, и подлинно глуха твоя Софья, если едѣлаетъ такую штуку; надѣюсь, у нея есть мать, или кто-нибудь, кто бы могъ остановить ее?

— Вы, дядюшка, рѣшаетесь назвать глупостью этотъ святѣйшій порывъ души, это благородное изліяніе сердца; какъ прикажете думать о васъ?

— Какъ тебѣ заблагоразсудится. Жениха своего она заставить подозрѣвать Богъ знаетъ что; пожалуй, еще и свадьба разойдется, а отчего? оттого, что вы тамъ рвали вмѣстѣ желтые цвѣты... Нѣтъ, такъ дѣла не дѣлаются. Ну, такъ ты по-русски писать можешь, — завтра поѣдемъ въ департаментъ: я ужъ говорилъ о тебѣ прежнему своему сослуживцу, начальнику отдѣленія; онъ сказалъ, что есть вакансія; терять времени нечего... Это что за кипу ты вытащилъ?

— А это мои университетскія записки. Вотъ, позвольте прочесть нѣсколько страницъ изъ лекцій Ивана Семеныча, объ искусствѣ въ Греціи...

Онъ ужъ началъ-было проворно переворачивать страницы.

— Охъ, сдѣлай милость, уволь! — сказалъ, сморщившись, Петръ Иванычъ.—А это что?

— А это мои диссертаціи. Я желалъ бы показать ихъ своему начальнику; особенно тутъ есть одинъ проектъ, который я обработалъ...

— А! одинъ изъ тѣхъ проектовъ, которые тысячу лѣтъ ужъ какъ исполнены, или которыхъ нельзя и не нужно исполнять.

— Что вы, дядюшка! да этотъ проектъ былъ представленъ одному значительному лицу, любителю просвѣщенія; за это однажды онъ пригласилъ меня съ ректоромъ объѣхать. Вотъ начало другого проекта.

— Отобѣдай у меня дважды, да только не дописывай другого проекта.

— Почему же?

— Да такъ, ты теперь хорошаго ничего не напишешь, а время уйдетъ.

— Какъ! слушавши лекціи?..

— Онѣ пригодятся тебѣ со временемъ, а теперь смотри, читай, учись, да дѣлай, что заставятъ?

— Какъ же узнаетъ начальникъ о моихъ способностяхъ?

— Мигомъ узнаетъ: онъ мастеръ узнавать. Да ты какое же мѣсто хотѣлъ бы занять?

— Я не знаю, дядюшка, какое бы...

— — Есть мѣста министровъ,—говорилъ Петръ Иванычъ:—товарищей ихъ, директоровъ, вице-директоровъ, начальниковъ отдѣленій, столоначальниковъ, ихъ помощниковъ, чиновниковъ особыхъ порученій, мало ли?

Александръ задумался. Онъ растерялся и не зналъ, какое выбрать.

— Вотъ бы на первый разъ мѣсто столоначальника хорошо,—сказалъ онъ.

— Да, хорошо!—повторилъ Петръ Ивановичъ.

— Я бы присмотрѣлся къ дѣлу, дядюшка, а тамъ мѣсяца черезъ два можно бы и въ начальники отдѣленія...

Дядя наострилъ уши.

— Конечно, конечно!—сказалъ онъ:—потомъ черезъ три мѣсяца въ директоры: ну, а тамъ черезъ годъ и въ министры: такъ, что ли?

Александръ покраснѣлъ и молчалъ.

— Начальникъ отдѣленія, вѣроятно, сказалъ вамъ, какая есть вакансія?—спросилъ онъ потомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ дядя:—онъ не говорилъ, да мы лучше положимся на него; сами-то, видишь, затрудняемся въ выборѣ, а онъ ужъ знаетъ, куда опредѣлить. Ты ему не говори о своемъ затрудненіи насчетъ выбора, да и о проектахъ тоже ни слова: пожалуй, еще обидится, что не доѣдемъ ему, да пугнетъ порядкомъ; онъ крутенекъ. Я бы тебѣ не совѣтовалъ говорить и о *вещественныхъ знакахъ* здѣшнимъ красавицамъ: онѣ не поймутъ этого, гдѣ имъ понять! это для нихъ слишкомъ высоко: и я насилу выкинулъ, а онѣ будутъ гримасничать.

Пока дядя говорилъ, Александръ ворочалъ въ рукѣ какой-то свертокъ.

— Что это еще у тебя?

Александръ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого вопроса.

— Это... я давно хотѣлъ вамъ показать... стихи: вы однажды интересовались...

— Что-то не помню; кажется, я не интересовался...

— Вотъ, видите, дядюшка, я думаю, что служба—занятіе сухое, въ которомъ не участвуетъ душа, а душа жаждетъ выразиться, подѣлиться съ ближними избыткомъ чувствъ и мыслей, переполняющихъ ее...

— Ну, такъ что же?—съ нетерпѣніемъ спросилъ дядя.

— Я чувствую призваніе къ творчеству...

— То-есть, ты хочешь заняться, кромѣ службы, еще чѣмъ-нибудь — такъ, что ли, въ переводѣ? Чтò жь, очень похвально: чѣмъ же? литературой?

— Да, дядюшка, я хотѣлъ просить васъ, нѣтъ ли у васъ случая помѣстить кое-что...

— Увѣренъ ли ты, что у тебя есть талантъ? безъ этого вѣдь ты будешь чернорабочій въ искусствѣ — чтò жь хорошаго? Талантъ — другое дѣло: можно работать; много хорошаго сдѣлаешь и притомъ это капиталъ — стòитъ твоихъ ста душъ.

— Вы и это измѣряете деньгами?

— А чѣмъ же прикажешь? чѣмъ больше тебя читають, тѣмъ больше платять денегъ.

— А слава, слава? вотъ истинная награда пѣвца...

— Она устала нянчиться съ пѣвцами: слишкомъ много претендентовъ. Это прежде, бывало, слава, какъ женщина, ухаживала за всякимъ, а теперь, замѣчаешь ли? ея какъ-будто нѣтъ совсѣмъ, или она сприталась—да! Есть извѣстность, а славы что-то не слышать, или она придумала другой способъ проявляться: кто лучше пишетъ, тому больше денегъ, кто хуже — не прогнѣвайся. Зато нынче порядочный писатель и живетъ порядочно, не мерзнетъ и не умираетъ съ голода на чердакѣ, хоть за нимъ и не бѣгаютъ по улицамъ и не указываютъ на него пальцами, какъ на шута; поняли, что поэтъ не небожитель, а человѣкъ: такъ же глядитъ, ходитъ, думаетъ и дѣлаетъ глупости, какъ другіе: чего жь тутъ смотрѣть?..

— Какъ другіе — что вы, дядюшка! какъ это можно говорить! Поэтъ заклеименъ особенною печатью: въ немъ таится присутствіе высшей силы...

— Какъ иногда въ другихъ—и въ математикѣ, и въ часовщикѣ, и въ нашемъ братѣ, заводчикѣ. Ньютонъ, Гутенбергъ, Ваттъ такъ же были одарены высшей силой, какъ

и Шекспиръ, Дантъ и проч. Доведи-ка я какимъ-нибудь процессомъ нану парголовскую глину до того, чтобы изъ нея выходилъ фарфоръ лучше саксонскаго или севрскаго, такъ ты думаешь, что тутъ не было бы присутствія высшей силы?

— Вы смѣшиваете искусство съ ремесломъ, дядюшка.

— Боже сохрани! Искусство само-по-себѣ, ремесло само-по-себѣ, а творчество можетъ быть и въ томъ, и въ другомъ, такъ же точно, какъ и не быть. Если нѣтъ его, такъ ремесленникъ такъ и называется ремесленникъ, а не творецъ, и поэтъ безъ творчества ужь не поэтъ, а сочинитель... Да развѣ вамъ объ этомъ не читали въ университетѣ? Чему же вы тамъ учились?..

Дядѣ ужь самому стало досадно, что онъ пустился въ такія объясненія о томъ, что считалъ общезвѣстной истиной.

«Это похоже на искреннія изліянія», подумалъ онъ.

— Покажи-ка, что тамъ у тебя?—спросилъ онъ:—стихотворенія!

Дядя взялъ свертокъ и началъ читать первую страницу.

«Отколь порой тоска и горе
Внезапной тучей налетитъ
И сердце съ жизнію поссоря...

— Дай-ка, Александръ, огня.

Онъ закурилъ сигару и продолжалъ:

«Въ немъ рой желаній замѣять?
Зачѣмъ вдругъ сумрачнымъ несчастьемъ
Падеть на душу тяжкій сонъ,
Какимъ невѣдомымъ несчастьемъ
Ее смутитъ внезапно онъ...

— Одно и то же въ первыхъ четырехъ стихахъ сказано, и вышла вода,—замѣтить Петръ Ивановичъ, и читалъ:

«Кто отгадаетъ отчего
Простунить хладными слезами
Вдругъ поблѣдѣвшее чело...

— Какъ же это такъ? Чело потомъ проступаетъ, а слезами—не видывалъ.

«И что тогда творится съ нами?
Небесъ далекихъ тишина
Въ тотъ мигъ ужасна и страшна...

— Ужасна и страшна—одно и то же.

«Гляжу на небо: тамъ луна...

— Луна непремѣнно: безъ нея никакъ нельзя! Если у тебя тутъ есть *мечта* и *дѣва* — ты погибь: я отступаюсь отъ тебя.

«Гляжу на небо: тамъ луна
Безмолвно плаваетъ, сіяя,
И мнится, въ ней погребена
Отъ вѣка тайна роковая.

— Недурно! Дай-ка еще огня... сигара погасла. Гдѣ— бишь,—да!

«Въ эфирѣ звѣзды притаясь,
Дрожать въ измѣнчивомъ сіяньѣ,
И будто дружно согласясь,
Хранять коварное молчанье.
Такъ въ мірѣ все грозитъ бѣдой,
Все зло намъ дико предвѣщаетъ,
Безпечно будто бы качаетъ
Насъ въ немъ обманчивый покой;
И грусти той назва... ния нѣтъ...

Дядя сильно зѣвнулъ и продолжалъ:

«Она пройдетъ, умчѣтъ и слѣдъ,
Какъ перелетный вѣтръ степей
Съ песковъ сдуваетъ слѣдъ звѣрей.

— Ну, ужъ звѣрей-то тутъ куда не хорошо! Зачѣмъ жо тутъ черта? А! это было о грусти, а теперь о радости...

И онъ началъ скороговоркой читать, почти про себя:

«Зато случается порой
Иной въ насъ демонъ поселится,
Тогда восторгъ живой струей
Насильно въ душу протѣснится...
И затрепещетъ сладко грудь...» и т. д.

— Ни худо, ни хорошо!—сказалъ онъ, окончивъ.—Впрочемъ, другіе начинали и хуже; попробуй, пиши, занимайся, если есть охота; можетъ-быть, и обнаружится талантъ; тогда другое дѣло.

Александръ опечалился. Онъ ожидалъ совсѣмъ не такого отзыва. Его немного утѣшало то, что онъ считалъ дядю человѣкомъ холоднымъ, почти безъ души.

— Вотъ переводъ изъ Шиллера, —сказалъ онъ.

— Довольно; я вижу; а ты знаешь и языки?

— Я знаю по-французски, по-нѣмецки и немного по-англійски.

— Поздравляю тебя, давно бы ты сказалъ: изъ тебя можно многое сдѣлать. Давеча насказалъ мнѣ про политическую экономію, философію, археологію, Богъ знаетъ про что еще, а о главномъ ни слова — скромность некстати. Я тебѣ тотчасъ найду и литературное занятіе.

— Неужели, дядюшка? вотъ обяжете! —позвольте васъ обнять.

— Погоди, вотъ какъ найду.

— Не покажете ли вы чего-нибудь изъ моихъ сочиненій будущему моему начальнику, чтобъ дать понятіе?

— Нѣтъ, не нужно; если понадобится, ты и самъ покажешь, а можетъ-быть, и не понадобится. Подари-ка ты мнѣ свои проекты и сочиненія?..

— Подарить?—извольте, дядюшка,—сказалъ Александръ, которому польстило это требованіе дяди.—Не угодно ли, я вамъ сдѣлаю оглавленіе всѣхъ статей въ хронологическомъ порядкѣ?

— Нѣтъ, не нужно... Спасибо за подарокъ. Евсей! отнеси эти бумаги къ Василью.

— Зачѣмъ же къ Василью? въ вашъ кабинетъ.

— Онъ просилъ у меня бумаги обклентъ что-то...

— Какъ, дядюшка?..—въ ужасѣ спросилъ Александръ и схватилъ книгу назадъ.

— Вѣдь ты подарилъ, а тебѣ что за дѣло, какое употребленіе я сдѣлаю изъ твоего подарка?..

— Вы не падите ничего... ничего!..—съ отчаяніемъ сто-
налъ онъ, прижимая бумаги обѣими руками къ груди.

— Александръ, послушайся меня,—сказалъ дядя, выры-
вая у него бумаги:—не будешь краснѣть послѣ и скажешь
мнѣ спасибо.

Александръ выпустилъ бумаги изъ рукъ.

— На, отнеси, Евсей, — сказалъ Петръ Ивановичъ. — Ну
вотъ теперь у тебя въ комнатѣ чисто и хорошо: пустяковъ
нѣтъ; отъ тебя будетъ зависѣть наполнить ее соромъ, или
чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Поѣдемъ на заводъ прогуляться,
разсѣяться, подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть,
какъ работаютъ.

Утромъ Петръ Ивановичъ привезъ племянника въ депар-
таментъ, и пока самъ онъ говорилъ съ своимъ пріятелемъ—
начальникомъ отдѣленія, Александръ знакомился съ этимъ
новымъ для него міромъ. Онъ еще мечталъ все о проектахъ
и ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какой государственный
вопросъ предложить ему рѣшить, между тѣмъ все стоялъ и
смотрѣлъ.

«Точно заводъ моего дяди!» рѣшилъ онъ наконецъ. «Какъ
тамъ одинъ мастеръ возьметъ кусокъ массы, броситъ ее въ
машину, повернетъ разъ, два, три, — смотришь, выйдетъ
конусъ, овалъ или полукругъ; потомъ передаетъ другому,
тотъ сушитъ на огнѣ, третій золотитъ, четвертый расписы-
ваетъ, и выйдетъ чашка, или ваза, или блюдечко. И тутъ:
придетъ посторонній проситель, подастъ, полусогнувшись,
съ жалкой улыбкой, бумагу—мастеръ возьметъ, едва дотро-
нется до нея перомъ и передастъ другому, тотъ броситъ
ее въ массу тысячи другихъ бумагъ,—но она не затеряется:
заклейменная номеромъ и числомъ, она пройдетъ невре-
димо чрезъ двадцать рукъ, плодясь и производя себѣ по-
добныхъ. Третій возьметъ ее и полѣзетъ зачѣмъ-то въ шкапъ,

заглянетъ, или въ книгу, или въ другую бумагу, скажетъ нѣсколько магическихъ словъ четвертому — и тотъ пошелъ скрипѣть перомъ. Поскрипѣвъ, передаетъ родительницу съ новымъ чадомъ пятому, — тотъ скрипитъ въ свою очередь перомъ и рождается еще плодъ, пятый охорашиваетъ его и сдаетъ дальше, и такъ бумага идетъ, идетъ — никогда не пропадаетъ: умрутъ ея производители, а она все существуетъ цѣлые вѣка. Когда, наконецъ, ее покроетъ вѣковая пыль, и тогда еще тревожатъ е и совѣтуются съ нею. И каждый день, каждый часъ, и сегодня, и завтра, и цѣлый вѣкъ, бюрократическая машина работаетъ стройно, непрерывно, безъ отдыха, какъ будто нѣтъ людей, — одни колеса да пружины...»

«Гдѣ же разумъ, оживляющій и двигающій эту фабрику бумагъ?» думалъ Александръ: «въ книгахъ ли, въ са-мыхъ ли бумагахъ, или въ головахъ этихъ людей?»

И какія лица увидѣлъ онъ тутъ! На улицѣ какъ будто такія и не встрѣчаются, и не выходятъ на Божій свѣтъ: тутъ, кажется, они родились, выросли, срослись съ своими мѣстами, тутъ и умрутъ. Поглядѣлъ Адуевъ пристально на начальника отдѣленія: точно Юпитеръ-громовержецъ; откроетъ ротъ — и бѣжить Меркурій съ мѣдной бляхой на груди; протянетъ руку съ бумагой — и десять рукъ тинутся принять ее.

— Иванъ Ивановичъ! — сказалъ онъ.

Иванъ Ивановичъ выскочилъ изъ-за стола, побѣжалъ къ Юпитеру и сталъ передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. И Александръ оробѣлъ, самъ не зная отчего.

— Дайте табачку!

Тотъ съ подобострастіемъ поднесъ обѣими руками открытую табакерку.

— Да испытайте вотъ ихъ! — сказалъ начальникъ, указывая на Адуева.

«Такъ вотъ кто будетъ меня испытывать!» думалъ Адуевъ,

глядя на желтую фигуру Ивана Ивановича съ обтертыми локтями.— «Неужели и этотъ человекъ рѣшаетъ государственные вопросы!»

— Хороша ли у васъ рука?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Рука?

— Да-съ; почеркъ. Вотъ потрудитесь переписать эту бумажку.

Александръ удивился этому требованію, но исполнилъ его. Иванъ Ивановичъ сморщился, поглядѣлъ на его трудъ.

— Плохо пишутъ-съ,—сказалъ онъ начальнику отдѣленія. Тотъ поглядѣлъ.

— Да, не хорошо: на-бѣло не можетъ писать. Ну, пусть пока переписываетъ отпуски, а тамъ, какъ привыкнетъ немного, займите его исполненіемъ бумагъ; можетъ-быть, онъ годится: онъ учился въ университетѣ.

Вскорѣ и Адуевъ сталъ одною изъ пружинъ машины. Онъ писалъ, писалъ, писалъ безъ конца, и удивлялся уже, что по утрамъ можно дѣлать что-нибудь другое; а когда вспоминалъ о своихъ проектахъ, краска бросалась ему въ лицо.

«Дядюшка!» думалъ онъ: «въ одномъ ужъ ты правъ, немилосердно правъ; неужели и во всемъ такъ? ужели я ошибался и въ завѣтныхъ, вдохновенныхъ думахъ, и въ теплыхъ вѣрованіяхъ въ любовь, въ дружбу... и въ людей... и въ самого себя?.. Что же жизнь?»

Онъ наклонился надъ бумагой и сильнѣе скрипѣлъ перомъ, а у самого подъ рѣсницами сверкали слезы.

— Тебѣ рѣшительно улыбается фортуна,—говорилъ Петръ Ивановичъ племяннику.— Я сначала цѣлый годъ безъ жалованья служилъ, а ты вдругъ поступилъ на старшій окладъ; вѣдь это 750 рублей, а съ наградой 1000 будетъ. Прекрасно на первый случай! Начальникъ отдѣленія хвалитъ тебя; только говоритъ, что ты разсѣянъ; то занятыхъ не поставишь, то забудешь написать содержаніе бумаги. Пожалуйста,

отвыкни: главное дѣло—обращай вниманіе на то, что у тебя передъ глазами, а не заносись вонъ куда.

Дядя указаль рукой кверху. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался еще ласковѣе къ племяннику.

— Какой прекрасный человѣкъ мой столоначальникъ, дядюшка!—сказаль однажды Александръ.

— А ты почему знаешь?

— Мы сблизились съ нимъ. Такая возвышенная душа, такое честное, благородное направленіе мыслей! и съ помощникомъ также: это, кажется, человѣкъ съ твердой волей, съ желѣзнымъ характеромъ...

— Ужъ ты успѣлъ сблизиться съ ними?

— Да, какъ же!...

— Не звалъ ли тебя столоначальникъ къ себѣ по четвергамъ?

— Ахъ, очень: каждый четвергъ. Онъ, кажется, чувствуетъ ко мнѣ особое влеченье...

— А помощникъ просилъ денегъ взаймы?

— Да, дядюшка, бездѣлицу... я ему далъ 25 рублей, что со мной было; онъ просилъ еще 50.

— Ужъ далъ! А!—сказаль съ досадой дядя:—тутъ отчасти я виновать, что не предупредилъ тебя; да я думалъ, что ты не до такой степени простъ, чтобъ черезъ двѣ недѣли знакомства давать деньги взаймы. Нечего дѣлать, грѣхъ пополамъ: двѣнадцать съ полтиной считай за мной.

— Какъ, дядюшка, вѣдь онъ отдасть?

— Держи карманъ! Я его знаю: за нимъ пропадаетъ моихъ 100 рублей съ тѣхъ поръ, какъ я тамъ служилъ. Онъ у всѣхъ беретъ. Теперь, если попросить, ты скажи ему, что я прошу его вспомнить мой должокъ—отстанетъ! а къ столоначальнику не ходи.

— Отчего же, дядюшка?

— Онъ картежникъ. Посадить тебя съ двумя такими же молодцами, какъ самъ, а тѣ стакнутся и оставятъ тебя безъ гроша.

— Картежникъ! — говорилъ въ изумленіи Александръ: — возможно ли? Кажется, такъ склоненъ къ искреннимъ изліяніямъ...

— А ты скажи ему, такъ, между прочимъ, въ разговорѣ, что я у тебя взялъ всё деньги на сохраненіе, такъ и увидишь, склоненъ ли онъ къ искреннимъ изліяніямъ и позоветъ ли когда-нибудь къ себѣ въ четвергъ.

Александръ задумался. Дядя покачалъ головой.

— А ты думай, что тамъ около тебя ангелы сидятъ! *Искреннія изліянія, особенное влеченіе!* Какъ, кажется, не подумать о томъ прежде: не мерзавцы ли какіе-нибудь около? Напрасно ты пріѣзжалъ!—сказалъ онъ:—право, напрасно!

Однажды Александръ только-что проспнулся, Евсей подаль ему большой пакетъ, съ запиской отъ дяди.

«Наконецъ вотъ тебѣ и литературное занятіе», написано было въ запискѣ: «я вчера видѣлся съ знакомымъ мнѣ журналистомъ; онъ прислалъ тебѣ для опыта работу».

Отъ радости у Александра дрожали руки, когда онъ распечатывалъ пакетъ. Тамъ была нѣмецкая рукопись.

— Что это—проза?—сказалъ онъ:—о чемъ же?

И прочиталъ написанное наверху карандашомъ:

«*О наземь*, статья для отдѣла о сельскомъ хозяйствѣ. Просятъ перевести поскорѣе».

Долго, задумчивый, сидѣлъ онъ надъ статьею, потомъ медленно, со вздохомъ, принялся за перо и началъ переводить. Черезъ два дня статья была готова и отослана.

— Прекрасно, прекрасно!—сказалъ ему черезъ нѣсколько дней Петръ Ивановичъ.—Редакторъ предоволенъ, только находить, что стиль не довольно строгъ; ну, да съ перваго раза нельзя же всего требовать. Онъ хочетъ познакомиться съ тобой. Ступай къ нему завтра, часовъ въ 7 вечера: тамъ онъ ужъ приготовилъ еще статью.

— Опять о томъ же, дядюшка?

— Нѣтъ, о чемъ-то другомъ; онъ мнѣ сказывалъ, да я забылъ... ахъ, да: о *картофельной патоки*. Ты, Александръ, должно быть, въ сорочкѣ родился. Я, наконецъ, начинаю надвѣяться, что изъ тебя что-нибудь и выйдетъ: скоро, можетъ-быть, не стану говорить тебѣ, зачѣмъ ты приѣзжалъ. Не прошло мѣсяца, а ужъ со всѣхъ сторонъ такъ на тебя и льется. Тамъ 1000 рублей, да редакторъ обѣщаль 100 рублей въ мѣсяць за четыре печатныхъ листа: это вѣдь 2200 рублей! Нѣтъ! я не такъ началъ!—сказалъ онъ, сдвинувъ немного брови.—Напиши же къ матери, что ты пристроенъ и какимъ образомъ. Я тоже стану отвѣчать ей, напишу, что я, за ея добро ко мнѣ, сдѣлалъ для тебя все, что могъ.

— Маменька будетъ вамъ... очень благодарна, дядюшка, и я также...—сказалъ Александръ со вздохомъ, но ужъ не бросился обнимать дядю.

III.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Кто бы узналъ нашего провинціала въ этомъ молодомъ человѣкѣ съ изящными манерами, въ щегольскомъ костюмѣ? Онъ очень измѣнился, возмужалъ. Мягкость линий юношескаго лица, прозрачность и нѣжность кожи, пушокъ на подбородкѣ—все исчезло. Не стало и робкой застѣнчивости, и граціозной неловкости движеній. Черты лица созрѣли и образовали фizioномію, а фizioномія обозначила характеръ. Лилин и розы исчезли, какъ будто подъ легкимъ загаромъ. Пушокъ замѣнился небольшими бакенбардами. Легкая и шаткая поступь стала ровною и твердою походкою. Въ голосѣ прибавилось нѣсколько басовыхъ нотъ. Изъ подмалеванной картины вышелъ оконченный портретъ. Юноша превратился въ мужчину. Въ глазахъ блистали самоувѣренность и отвага—не та отвага, что слышно за версту, что глядитъ на все нагло, и хватками и взглядами говоритъ встрѣчному и попереч-

ному: «смотри, берегись, не задѣнь, не наступи на ногу, а не то—понимаешь? съ нами расправа коротка!» Нѣтъ, выраженіе той отваги, о которой говорю, не отталкиваетъ, а влечетъ къ себѣ. Она узнается по стремленію къ добру, къ успѣху, по желанію уничтожить заграждающія ихъ препятствія... Прежняя восторженность на лицѣ Александра умѣрялась легкимъ оттѣнкомъ задумчивости, первымъ признакомъ закраившейся въ душу недоувѣрчивости и, можетъ-быть, единственнымъ слѣдствіемъ уроковъ дяди и безошибочнаго анализа, которому тотъ подвергалъ все, что проносилось въ глазахъ и въ сердцѣ Александра. Александръ усвоилъ, наконецъ, и тактъ, то-есть умѣнье обращаться съ людьми. Онъ не бросался всѣмъ на шею, особенно съ тѣхъ поръ, какъ человекъ, склонный къ *искреннимъ изліяніямъ*, несмотря на предостереженіе дяди, обыгралъ его два раза, а человекъ, съ твердымъ характеромъ и желѣзной волей, перебралъ у него не мало денегъ займы. И другіе люди и случаи много помогли этому. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчалъ, какъ исподтишка смѣялись надъ его юношескою восторженностью и прозвали романтикомъ. Въ другомъ—едва обращали на него вниманіе, потому что отъ него никому не было *ni chaud ni froid*. Онъ не давалъ обѣдовъ, не держалъ экипажа, не игралъ въ большую игру. Прежде у Александра болѣло и ныло сердце отъ этихъ стычекъ розовыхъ его мечтаній съ дѣйствительностью. Ему не приходило въ голову спросить себя: да что же я сдѣлалъ отличнаго, чѣмъ отличился отъ толпы? Гдѣ мои заслуги и за что должны замѣчать меня? А между тѣмъ самолюбіе его страдало.

Потомъ онъ сталъ понемногу допускать мысль, что въ жизни видно не все одиѣ розы, а есть и шипы, которые иногда покалываютъ, но слегка только, а не такъ, какъ рассказываетъ дядюшка. И вотъ онъ началъ учиться владѣть собою, не такъ часто обнаруживалъ порывы и волненія

и рѣже говорилъ дикимъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, при постороннихъ.

Но все еще, къ немалому горю Петра Ивановича, онъ далеко былъ отъ холоднаго разложенія на простыя начала всего, что волнуетъ и потрясаетъ душу человѣка. О приведеніи же въ ясность всѣхъ тайнъ и загадокъ сердца онъ не хотѣлъ и слушать.

Петръ Ивановичъ дастъ ему утромъ порядочный урокъ. Александръ выслушаетъ, смутится или глубоко задумается, а тамъ поѣдетъ куда-нибудь на вечеръ и воротится самъ не свой; дня три ходитъ, какъ шальной—и дядина теорія пойдетъ вся къ чорту. Обаяніе и чадъ бальной сферы, громъ музыки, обнаженные плечи, огонь взоровъ, улыбка розовыхъ устъ, не дадутъ ему уснуть цѣлую ночь. Ему мерещится то талія, которой онъ касался руками, то томный, продолжительный взоръ, который бросили ему, уѣзжая, то горячее дыханіе, отъ котораго онъ таялъ въ вальсѣ, или разговоръ вполголоса у окна, подъ ревъ мазурки, когда взоры такъ искрились, языкъ говорилъ Богъ знаетъ что. И сердце его билось; онъ съ судорожнымъ трепетомъ обнималъ подушку и долго ворочался съ боку на бокъ.

«Гдѣ же любовь? О, любви, любви жажду!» говорилъ онъ:—«и скоро ли придетъ она? когда настанутъ эти дивныя минуты, эти сладостныя страданія, трепеть блаженства, слезы...» и проч.

На другой день онъ являлся къ дядѣ.

— Какой, дядюшка, вчера былъ вечеръ у Зарайскихъ!—говорилъ онъ, погружаясь въ воспоминанія о балѣ.

— Хорошъ!

— О, дивный!

— Порядочный ужинъ былъ?

— Я не ужиналъ.

— Какъ такъ? Въ твои лѣта не ужинать, когда можно! Да ты, я вижу, не шути привыкаешь къ здѣшнему порядку,

даже ужъ слишкомъ. Что жъ тамъ все прилично было? туалетъ, освѣщеніе...

— Да-съ.

— И народъ порядочный?

— О, да! очень порядочный. Какіе глаза, плечи!

— Плечи? у кого?

— Вѣдь про нихъ спрашиваете?

— Про кого?

— Да про дѣвиць.

— Нѣтъ, я не спрашивалъ про нихъ; но все равно — много было хорошенькихъ?

— О, очень... но жаль, что всѣ онѣ очень однообразны. Чтѣ одна скажетъ и сдѣлаетъ въ такомъ-то случаѣ, смотришь—то же повторить и другая, какъ будто затверженный урокъ... Была одна... не совсѣмъ похожа на другихъ... а то не видно ни самостоятельности, ни характера. И движенія, и взгляды—все одинаково: не услышишь самородной мысли, ни проблеска чувства... все покрытъ и закрасилъ одинакій лоскъ. Ничто, кажется, не вызоветъ ихъ наружу. И неужели это вѣкъ будетъ заперто и не обнаружится ни передъ кѣмъ? Ужели корсетъ вѣчно будетъ подавлять и вздохъ любви, и вопль растерзаннаго сердца? неужели не дастъ простора чувству?..

— Передъ мужемъ все обнаружится, а то, если разсуждать, по-твоему, вслухъ, такъ, пожалуй, многія и вѣкъ въ дѣвкахъ просидятъ. Есть дуры, что прежде времени обнаруживаютъ то, чтѣ слѣдовало бы прятать да подавлять, ну, зато послѣ слезы да слезы: не расчетъ!

— И тутъ расчетъ, дядюшка?..

— Какъ и вездѣ, мой милый; а кто не расчитываетъ, того называютъ по-русски безрасчетнымъ дуракомъ. Коротко и ясно.

— Удерживать въ груди своей благородный порывъ чувства!..

— О, я знаю, ты не станешь удерживать; ты готовъ на улицѣ, въ театрѣ, броситься на шею пріятелю и зарыдать.

— Такъ что же, дядюшка? Сказали бы только, что это человѣкъ съ сильными чувствами, что кто чувствуетъ такъ, тотъ способенъ ко всему прекрасному и благородному и неспособенъ...

— Неспособенъ разсчитывать, т.-е. размышлять. Велика фигура — человѣкъ съ сильными чувствами, съ огромными страстями! Мало ли какіе есть темпераменты? Восторги, экзальтація: тутъ человѣкъ всего менѣе похожъ на человѣка и хвастаться нечѣмъ. Надо спросить, умѣетъ ли онъ управлять чувствами; если умѣетъ, то и человѣкъ...

— По-вашему, и чувствомъ надо управлять, какъ паромъ, — замѣтилъ Александръ: — то выпустить немного, то вдругъ остановить, открыть клапанъ, или закрыть...

— Да, этотъ клапанъ не даромъ природа дала человѣку — это разсудокъ, а ты вотъ не всегда имъ пользуешься — жаль! а малый порядочный!

— Нѣтъ, дядюшка, грустно слушать васъ! лучше познакомьте меня съ этой пріѣзжей барыней...

— Съ которой? съ Любецкой? Она была вчера?

— Была, долго говорила со мной о васъ, спрашивала о своемъ дѣлѣ.

— Ахъ, да! кстати...

Дядя вынулъ изъ ящика бумагу.

— Отвези ей эту бумагу, скажи, что вчера только, и то пасилу, выдали изъ палаты; объясни ей хорошенько дѣло: вѣдь ты слышалъ, какъ мы съ чиновникомъ говорили?

— Да, знаю, знаю; я ужъ объясню.

Александръ обѣими руками схватилъ бумагу и спряталъ въ карманъ. Петръ Иванычъ посмотрѣлъ на него.

— Да что жъ тебѣ вздумалось познакомиться съ нею? Она, кажется, не интересна: съ бородавкой у носа.

— Съ бородавкой? Не помню. Какъ это вы замѣтили, дядюшка?

— У носа, да не замѣтитъ! Что жъ тебѣ хочется къ ней?

— Она такая добрая и почтенная...

— Какъ же это ты бородавки у носа не замѣтилъ, а ужъ узналъ, что она добрая и почтенная? это странно. Да, позволь... у ней вѣдь есть дочь — эта маленькая брюнетка. А! теперь не удивляюсь. Такъ вотъ отчего ты не замѣтилъ бородавки на носу!

Оба засмѣялись.

— А я такъ удивляюсь, дядюшка, — сказала Александръ: — что вы прежде замѣтили бородавку на носу, чѣмъ дочь.

— Поддай-ка назадъ бумагу. Ты тамъ, пожалуй, выпустивъ все чувство и совсѣмъ забудешь закрыть клапанъ, надѣлаешь вздору, и чортъ знаетъ что объяснишь...

— Нѣтъ, дядюшка, не надѣлаю. И бумаги, какъ хотите, не подамъ, я сейчасъ же...

И онъ скрылся изъ комнаты.

А дѣло до сихъ поръ шло да шло своимъ чередомъ. Въ службѣ замѣтили способности Александра и дали ему порядочное мѣсто. Иванъ Ивановичъ и ему съ почтеніемъ началъ подносить свою табакерку, предчувствуя, что онъ, подобно множеству другихъ, послуживъ, какъ онъ говаривалъ, безъ году недѣлю, обгонитъ его, сядетъ ему на шею и махнетъ въ начальники отдѣленія, а тамъ, чего добраго, и въ вице-директоры, какъ вонъ тотъ, или въ директоры, какъ этотъ, а начинали свою служебную школу и тотъ и этотъ подъ его руководствомъ. «А я работай за нихъ!» прибавилъ онъ. — Въ редакціи журнала Александръ тоже сдѣлался важнымъ лицомъ. Онъ занимался и выборомъ, и переводомъ, и поправкою чужихъ статей, писалъ и самъ разные теоретическіе взгляды о сельскомъ хозяйствѣ. Денегъ у него, по его мнѣнію, было больше, нежели сколько нужно, а по мнѣнію дяди — еще недовольно. Но не всегда онъ работалъ

для денегъ. Онъ не отказывался отъ отрадной мысли о другомъ высшемъ призваніи. Юношескихъ его силъ ставало на все. Онъ кралъ время у сна, у службы, и писалъ и стихи, и повѣсти, и историческіе очерки, и біографіи. Дядя ужъ не обклеивалъ перегородокъ его сочиненіями, а читалъ ихъ молча, потомъ похвистывалъ или говорилъ: «да! это лучше прежняго». Нѣсколько статей явилось подъ чужимъ именемъ. Александръ съ радостнымъ трепетомъ прислушивался къ одобрителному суду друзей, которыхъ у него было множество и на службѣ, и по кондитерскимъ, и въ частныхъ домахъ. Исполнилась его лучшая, послѣ любви, мечта. Будущность обѣщала ему много блеску, торжества; его, казалось, ожидалъ не совсѣмъ обыкновенный жребій, какъ вдругъ...

Мелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ. Александра стало почти нигдѣ не видно, какъ будто онъ пропалъ. Дядю онъ посѣщаль рѣже. Тотъ приписывалъ это его занятіямъ и не мѣшала ему. Но редакторъ журнала, однажды при встрѣчѣ съ Петромъ Ивановичемъ, жаловался, что Александръ задерживаетъ статьи. Дядя обѣщаль, при первомъ случаѣ, объяснить съ племянникомъ. Случай представился дня черезъ три. Александръ вѣжаль утромъ къ дядѣ, какъ сумасшедшій. Въ его походкѣ и движеніяхъ видна была радостная суетливость.

— Здравствуйте, дядюшка; ахъ, какъ я радъ, что васъ вижу!—сказаль онъ и хотѣль обнять его, но тотъ успѣль уйти за столъ.

— Здравствуй, Александръ! Что это тебя давно не видно?

— Я... я занятъ былъ, дядюшка: дѣлаль извлеченія изъ нѣмецкихъ экономистовъ...

— А! что жъ редакторъ лжетъ? Онъ третьяго дня сказаль мнѣ, что ты ничего не дѣлаешь—прямой журналистъ! Я жъ его, при встрѣчѣ, отдѣлаю...

— Нѣтъ, вы ему ничего не говорите, — перебилъ Але-

Александръ:—я ему еще не посылалъ своей работы, оттого онъ такъ и сказалъ...

— Да что съ тобой? у тебя такое праздничное лицо! Ассессора, что ли, тебѣ дали, или крестъ?

Александръ моталъ головой.

— Ну, деньги?

— Нѣтъ.

— Такъ что жъ ты такимъ полководцемъ смотришь? Если нѣтъ, такъ не мѣшай мнѣ, а вотъ лучше сядь да напиши въ Москву, къ купцу Дубасову, о скорѣйшей высылкѣ остальныхъ денегъ. Прочти его письмо: гдѣ оно? вотъ.

Оба замолчали и начали писать.

— Кончилъ!—сказалъ Александръ черезъ нѣсколько минутъ.

— Проворно: молодецъ! Покажи-ка. Что это? Ты ко мнѣ пишешь. «М. Г. Петръ Ивановичъ!» Его зовутъ Тимоѳеемъ Никонычъ. Какъ 520 рублей! 5200! Что съ тобой, Александръ?

Петръ Ивановичъ положилъ перо и поглядѣлъ на племянника. Тотъ покраснѣлъ.

— Вы ничего не замѣчаете въ моемъ лицѣ?—спросилъ онъ.

— Что-то глуповато... Постои-ка... Ты влюбленъ?—сказалъ Петръ Ивановичъ.

Александръ молчалъ.

— Такъ, что ли? угадалъ?

Александръ, съ торжественной улыбкой, съ сіяющимъ взоромъ, кивнулъ утвердительно головой.

— Такъ и есть! Какъ это я сразу не догадался? Такъ вотъ отчего ты сталъ лѣниться, отъ этого и не видать тебя нигдѣ. А Зарайскіе и Скачины пристають ко мнѣ: гдѣ да гдѣ Александръ Ѳедорычъ? онъ вонъ гдѣ—на седьмомъ небѣ!

Петръ Ивановичъ сталъ опять писать.

— Въ Наденьку Любецкую!—сказалъ Александръ.

— Я не спрашивалъ, — отвѣчалъ дядя: — въ кого бы ни было — все одна дурь. Въ какую Любецкую? это что съ бородавкой?

— Э! дядюшка! — съ досадою перебилъ Александръ: — какая бородавка?

— У самага носа. Ты все еще не разглядѣлъ?

— Вы все смѣшиваете. Это, кажется, у матери есть бородавка около носа?

— Ну, все равно.

— Все равно! Наденька! этотъ ангелъ! неужели вы не замѣтили ее? Видѣть однажды — и не замѣтить!

— Да что жъ въ ней особеннаго? Чего жъ тутъ замѣчать? вѣдь бородавки, ты говоришь, у ней нѣтъ?..

— Далась вамъ эта бородавка? Не грѣшите, дядюшка: можно ли сказать, что она похожа на этихъ свѣтскихъ, чопорныхъ маріонетокъ? Вы рассмотрите ея лицо: какая тихая, глубокая дума покоится на немъ! Это — не только чувствующая, это мыслящая дѣвушка... глубокая натура...

Дядя принялся скрипѣть перомъ по бумагѣ, а Александръ продолжалъ:

— Въ разговорѣ у ней вы не услышите пошлыхъ, общихъ мѣстъ. Какимъ свѣтлымъ умомъ блестятъ ея сужденія! чтѣ за огонь въ чувствахъ! какъ глубоко понимаетъ она жизнь! Вы своимъ взглядомъ отравляете ее, а Наденька миритъ меня съ нею.

Александръ замолчалъ на минуту и погрузился совсѣмъ въ мечту о Наденькѣ. Потомъ началъ опить.

— А когда она подниметъ глаза, вы сейчасъ увидите, какому пылкому и нѣжному сердцу служатъ они проводникомъ! а голосъ, голосъ! чтѣ за мелодія, чтѣ за нѣга въ немъ! Но когда этотъ голосъ прозвучитъ признаніемъ... нѣтъ выше блаженства на землѣ! Дядюшка! какъ прекрасна жизнь! какъ я счастливъ!

У него выступили слезы; онъ бросился и съ розмаху обнять дядю.

— Александръ! — вскричалъ, вскочивъ съ мѣста, Петръ Ивановичъ: — закрой скорѣй свой клапантъ, — весь паръ выпустилъ! Ты сумасшедшій! смотри, что ты надѣлалъ! въ одну секунду ровно двѣ глупости: перемялъ прическу и закачалъ письмо. Я думалъ, ты совсѣмъ отсталъ отъ своихъ привычекъ. Давно ты не былъ такимъ. Посмотри, посмотри, ради Бога, на себя въ зеркало: ну, можетъ ли быть глупѣе физіономія? а неглупъ!

— Ха-ха-ха! я счастливъ, дядюшка!

— Это замѣтно!

— Не правда ли? въ моемъ взорѣ, я знаю, блещетъ гордость. Я гляжу на толпу, какъ могутъ глядѣть только герой, поэтъ и влюбленный, счастливый взаимною любовью...

— И какъ сумасшедшіе смотрятъ, или еще хуже... Ну, что я теперь стану дѣлать съ письмомъ?

— Позвольте, я соскоблю—и незамѣтно будетъ,—сказалъ Александръ.

Онъ бросился къ столу съ тѣмъ же судорожнымъ трепетомъ, началъ скоблить, чистить, тереть, и протеръ на письмѣ скважину. Столъ отъ тренія зашатался и толкнулъ этажерку. На этажеркѣ стоялъ бюстикъ, изъ итальянскаго алебастра, Софокла или Эсхила. Почтенный трагикъ отъ сотрясенія сначала раза три качнулся на зыбкомъ пьедесталѣ взадъ и впередъ, потомъ свергнулся съ этажерки и разбился вдребезги.

— Третья глупость, Александръ! — сказалъ Петръ Ивановичъ, поднимая черенки:—а это пятьдесятъ рублей стоятъ.

— Я заплачу, дядюшка, о! я заплачу, но не проклиняйте моего порыва: онъ чистъ и благороденъ: я счастливъ, счастливъ! Боже! какъ хороша жизнь!

Дядя сморщился и покачалъ головой.

— Когда ты умнѣ будешь, Александръ? Богъ знаетъ, что говорить!

Онъ, между тѣмъ, съ сокрушеніемъ смотрѣлъ на разбитый бюстъ.

— Заплачу!—сказаль онъ:—заплачу. Это будетъ четвертая глупость. Тебѣ, я вижу, хочется рассказать о своемъ счастиі. Ну, нѣчего дѣлать. Если ужъ дяди обречены принимать участіе во всякомъ вздорѣ своихъ племянниковъ, такъ и быть, я даю тебѣ четверть часа: сиди смирно, не сдѣлай какой-нибудь пятой глупости и рассказывай, а потомъ, послѣ этой новой глупости, уходи: мнѣ нѣкогда. Ну... ты счастливъ... такъ что же? рассказывай же поскорѣе.

— Если и такъ, дядюшка, то эти вещи не рассказываются,—съ скромной улыбкой замѣтилъ Александръ.

— Я-было приготовилъ тебя, а ты, я вижу, все-таки хочешь начать съ обыкновенныхъ прелюдій. Это значить, что рассказъ продолжится цѣлый часъ; мнѣ нѣкогда: почти не будетъ ждать. Пстой, ужъ я лучше самъ расскажу.

— Вы? вотъ забавно!

— Ну, слушай же, очень забавно! Ты вчера видѣлся съ своей красавицей наединѣ...

— А вы почему знаете?—съ жаромъ началъ Александръ:— вы подсылаете смотрѣть за мной?

— Какъ же, я содержу для тебя пиіоновъ на жалованьи. Съ чего ты взялъ, что я такъ забочусь о тебѣ? мнѣ что за дѣло?

Эти слова сопровождались ледянымъ взглядомъ.

— Такъ почему же вы знаете? — спросилъ Александръ, подходя къ дядѣ.

— Сиди, сиди, ради Бога, и не подходи къ столу, что-нибудь разобьешь. У тебя на лицѣ все написано, я отсюда буду читать. Ну, у васъ было объясненіе,—сказаль онъ.

Александръ покраснѣлъ и молчалъ. Видно, что дяди онытъ попалъ.

— Вы оба, какъ водится, были очень глупы, — говорили Петръ Иванычъ.

Племянникъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Дѣло началось съ пустяковъ, когда вы остались одни, съ какого-нибудь узора, — продолжалъ дядя: — ты спросилъ, кому она вышивается? она отвѣчала «маменькѣ или тетенькѣ», или что-нибудь подобное, а сами вы дрожали, какъ въ лихорадкѣ...

— А вотъ нѣтъ, дядюшка, не угадали: не съ узора; мы были въ саду... — проговорился Александръ и замолчалъ.

— Ну, съ цвѣтка, что ли, — сказала Петръ Иванычъ: — можетъ-быть, еще съ желтаго, все равно; тутъ что попадется въ глаза, лишь бы начать разговоръ; такъ-то слова съ языка нейдутъ. Ты спросилъ, нравится ли ей цвѣтокъ; она отвѣчала *да* — почему, дескать? «Такъ», сказала она, и замолчали оба, потому что хотѣли сказать совсѣмъ другое, и разговоръ не выдался. Потомъ взглянули другъ на друга, улыбнулись и покраснѣли.

— Ахъ, дядюшка, дядюшка, что вы!.. — говорилъ Александръ въ сильномъ смущеніи.

— Потомъ, — продолжалъ неумолимый дядя: — ты началъ стороной говорить о томъ, что вотъ-де передъ тобой открылся новый міръ. Она вдругъ взглянула на тебя, какъ будто слушаетъ неожиданную новость; ты, я думаю, сталъ втушикъ, растерялся, потомъ опять чуть внятно сказалъ, что только теперь ты узналъ цѣну жизни; что и прежде ты видалъ ее... какъ ее? Марья, что ли?

— Наденька.

— Но видалъ какъ будто во снѣ, предчувствовалъ встрѣчу съ ней, что васъ свела симпатія, и что, дескать, теперь, ты посвятишь ей одной всѣ стихи и прозу... А руками-то, я думаю, какъ работалъ! вѣрно опрокинулъ или разбилъ что-нибудь.

— Дядюшка! вы подслушали насъ!—вскричалъ внѣ себя Александръ.

— Да, я тамъ за кустомъ сидѣлъ. Мнѣ вѣдь только и дѣла, что бѣгать за тобой, да подслушивать всякій вздоръ.

— Почему же вы все это знаете?—спросилъ съ недоумѣніемъ Александръ.

— Мудрено! съ Адама и Евы одна и та же исторія у всѣхъ, съ маленькими вариантами. Узнай характеръ дѣйствующихъ лицъ, узнаешь и варианты. Это удивляетъ тебя, а еще писатель! Вотъ теперь и будешь прыгать и скакать дни три, какъ помѣшанный, вѣшаться всѣмъ на шею — только, ради Бога, не мнѣ. Я тебѣ совѣтовалъ бы запретиться на это время въ своей комнатѣ, выпустить тамъ весь этотъ паръ и продѣлать всѣ продѣлки съ Евсеємъ, чтобы никто не видалъ. Потомъ немного одумаешься, будешь добиваться ужъ другого, поцѣлуя, напимѣрь...

— Поцѣлуй Наденьки! о, какая высокая, небесная награда!—почти заревѣлъ Александръ.

— Небесная!

— Что же—матеріальная, земная, по-вашему?

— Безъ сомнѣнія, дѣйствіе электричества; влюбленные— все равно, что двѣ лейденскія банки: оба сильно заряжены;—поцѣлуями электричество разрѣшается, и когда разрѣшится совсѣмъ—прости любовь, слѣдуетъ охлажденіе...

— Дядюшка...

— Да! а ты думалъ какъ?

— Какой взглядъ! какія понятія!

— Да, я забылъ: у тебя еще будутъ фигурировать «вещественные знаки». Опять нанесешь всякой дряни и будешь задумываться да разглядывать, а дѣло въ сторону.

Александръ вдругъ схватился за карманъ.

— Чтò, ужъ есть? будешь дѣлать все то же, чтò люди дѣлаютъ съ сотворенія міра.

— Стало-быть, то же, чтò и вы дѣлали, дядюшка?

— Да, только поглуше.

— Поглуше! Не называете ли вы глупостью то, что я буду любить глубже, сильнее васъ, не издѣваться надъ чувствомъ, не шутить и не играть имъ холодно, какъ вы... и не сдергивать покрывала съ священныхъ тайнъ...

— Ты будешь любить, какъ и другіе, ни глубже, ни сильнее; будешь также сдергивать и покрывало съ тайнъ... но только ты будешь вѣрить въ вѣчность и неизмѣнность любви, да объ одномъ этомъ и думать, а вотъ это-то и глупо: самъ себѣ готовишь горя болѣе, нежели сколько бы его должно быть.

— О, это ужасно, ужасно, что вы говорите, дядюшка, Сколько разъ я давалъ себѣ слово таить передъ вами то! что происходитъ въ сердцѣ.

— Зачѣмъ же не сдержалъ? Вотъ пришелъ — помѣшалъ мнѣ...

— Но вѣдь вы одни у меня, дядюшка, близкіе: съ кѣмъ же мнѣ раздѣлить этотъ избытокъ чувствъ? а вы безъ милосердія вонзааете свой анатомическій ножъ въ самыя тайныя изгибы моего сердца.

— Я это не для своего удовольствія дѣлаю: ты самъ просилъ моихъ совѣтовъ. Отъ сколькихъ глупостей я остерегъ тебя...

— Нѣтъ, дядюшка, пусть же я буду вѣчно глупъ въ вашихъ глазахъ, но я не могу существовать съ такими понятіями о жизни, о людяхъ. Это больно, грустно! тогда мнѣ не надо жизни, я не хочу ея при такихъ условіяхъ—слышите ли? я не хочу.

— Слышу; да что жъ мнѣ дѣлать? вѣдь не могу же я тебя лишить ея.

— Да!—говорилъ Александръ:—вопреки вашимъ предсказаніямъ, я буду счастливъ, буду любить вѣчно и однажды.

— Охъ, нѣтъ! Я предчувствую, что ты еще много кое-чего перебьешь у меня. Но это бы все ничего: любовь лю-

бовью; никто не мѣшаетъ тебѣ; не нами заведено заниматься особенно прилежно любовью въ твои лѣта, но одна-кожь, не до такой степени, чтобы бросать дѣло; любовь любовью, а дѣло дѣломъ...

— Да я дѣлаю извлеченія изъ нѣмецкихъ...

— Полно, никакихъ ты извлеченій не дѣлаешь, предаешься только *сладостной нѣтъ*, а редакторъ откажетъ тебѣ...

— Пусть его! я не нуждаюсь. Могу ли я думать теперь о презрѣнной пользѣ, когда...

— О *презрѣнной пользѣ!* презрѣнная! Ты ужь лучше построй въ горахъ хижину, ѣшь хлѣбъ съ водой и пой:

Миѣ хижина убога
Съ тобою будетъ рай...

но только какъ не станетъ у тебя «презрѣннаго металла», у меня не проси—не дамъ...

— Я, кажется, не часто беспокоилъ васъ.

— До сихъ поръ, слава Богу, нѣтъ, а можетъ случиться, если бросишь дѣло; любовь тоже требуетъ денегъ: тутъ и лишнее щегольство, и разныя другія траты... Охъ, эта мнѣ любовь въ двадцать лѣтъ! вотъ ужь презрѣнная, такъ презрѣнная, нигуда не годится!

— Какая же, дядюшка, годится? въ сорокъ?

— Я не знаю, какова любовь въ сорокъ лѣтъ, а въ тридцать девять...

— Какъ ваша?

— Пожалуй, какъ моя.

— То-есть, никакая.

— Ты почему знаешь?

— Будто вы можете любить?

— Почему же нѣтъ? развѣ я не человекъ или развѣ мнѣ восемьдесятъ лѣтъ? Только если я люблю, то люблю разумно, помню себя, не бью и не опрокидываю ничего.

— Разумная любовь! хороша любовь, которая помнить

себя!—насмѣшливо замѣтилъ Александръ:—которая ни на минуту не забудется...

— Дикая, животная, — перебилъ Петръ Иванычъ: — не помнить, а разумная должна помнить; въ противномъ случаѣ это не любовь...

— А что же?..

— Такъ, гнусность, какъ ты говоришь.

— Вы... любите! — говорилъ Александръ, глядя недоувѣрчиво на дядю: — ха-ха-ха!

Петръ Иванычъ молча писалъ.

— Кого же, дядюшка? — спросилъ Александръ.

— Тебѣ хочется знать?

— Хотѣлось бы.

— Свою невѣсту.

— Не... невѣсту! — едва выговорилъ Александръ, вскочивъ съ мѣста и подходя къ дядѣ.

— Не близко, не близко, Александръ, закрой клапанъ! — заговорилъ Петръ Иванычъ, увидя, какіе большіе глаза сдѣлалъ племянникъ, и проворно придвинулъ къ себѣ разныя мелкія вещицы, бюстики, фигурки, часы и чернилицу.

— Стало-быть, вы женитесь? — спросилъ Александръ съ тѣмъ же изумленіемъ.

— Стало-быть.

— И вы такъ покойны! пишете въ Москву письма, разговариваете о постороннихъ предметахъ, ѣздите на заводъ и еще такъ адски холодно разсуждаете о любви!

— Адски холодно — это ново! въ аду, говорятъ жарко. Да что ты на меня смотришь такъ дико?

— Вы — женитесь!

— Что жъ тутъ удивительнаго? — спросилъ Петръ Иванычъ, положивъ перо.

— Какъ что? женитесь и ни слова мнѣ!

— Извини, я забылъ попросить у тебя позволенія.

— Не просить позволенія дядюшка, а надо же мнѣ

знать. Родной дядя женится, а я ничего не знаю, мнѣ и не сказали!..

— Вотъ вѣдь сказалъ.

— Сказали, потому что кстатѣ пришлось.

— Я стараюсь, по возможности, все дѣлать кстатѣ.

— Нѣтъ, чтобъ первому мнѣ сообщить вашу радость: вы знаете, какъ я люблю васъ и какъ раздѣлю...

— Я вообще избѣгаю дѣлежа, а въ женитьбѣ и подавно.

— Знаете чтò, дядюшка? — сказалъ Александръ съ живостью: — можетъ-быть... нѣтъ, не могу тапться передъ вами... Я не таковъ, все выскажу...

— Охъ, Александръ, некогда мнѣ; если новая исторія, такъ нельзя ли завтра?

— Я хочу только сказать, что, можетъ-быть... и я близокъ къ тому же счастью...

— Чтò, — спросилъ Петръ Иванычъ, слегка наостривъ уши: — это что-то любопытно...

— А! любопытно? такъ и я помучаю васъ: не скажу.

Петръ Иванычъ равнодушно взялъ пакетъ, вложилъ туда письмо и началъ запечатывать.

— И я, можетъ-быть, женюсь! — сказалъ Александръ на ухо дядѣ.

Петръ Иванычъ не допечаталъ письма и поглядѣлъ на него очень серьёзно.

— Закрой клапанъ, Александръ! — сказалъ онъ.

— Шутите, шутите, дядюшка, а я говорю не шутя. Попрошу у маменьки позволенія.

— Тебѣ жениться!

— А что же?

— Въ твои лѣта!

— Мнѣ двадцать три года.

— Пора! Въ эти лѣта женятся только мужики, когда имъ нужна работница въ домѣ.

— Но если я влюбленъ, въ дѣвушку и есть возможность жениться, такъ, по-вашему, не нужно...

— Я тебѣ никакъ не совѣтую жениться на женщинѣ, въ которую ты влюбленъ.

— Какъ, дядюшка? это новое; я никогда не слыхалъ.

— Мало ли ты чего не слыхалъ!

— Я думалъ все, что супружества безъ любви не должно быть.

— Супружество супружествомъ, а любовь любовью,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Какъ же жениться... по расчету?

— Съ расчетомъ, а не по расчету. Только расчетъ этотъ долженъ состоять не въ однѣхъ деньгахъ. Мужчина такъ созданъ, чтобъ жить въ обществѣ женщины; ты и станешь разсчитывать, какъ бы жениться, станешь искать, выбирать между женщинами...

— Искать, выбирать! — съ изумленіемъ сказалъ Александръ.

— Да, выбирать. Поэтому-то и не совѣтую жениться, когда влюбишься. Вѣдь любовь пройдетъ—это ужъ пошлая истина.

— Это самая грубая ложь и клевета.

— Ну, теперь тебя не убѣдишь; увидишь самъ современнымъ, а теперь запомни мои слова только: любовь пройдетъ, повторяю я, и тогда женщина, которая казалась тебѣ идеаломъ совершенства, можетъ-быть, покажется очень несовершенною, а дѣлать будетъ нечего. Любовь заслонитъ отъ тебя недостатокъ качествъ, нужныхъ для жены. Тогда какъ выбирая, ты хладнокровно разсудишь, имѣетъ ли такая-то или такая женщина качества, какія хочешь видѣть въ женѣ! вотъ въ чемъ главный расчетъ. И если отыщешь такую женщину, она непременно должна нравиться тебѣ постоянно, потому что отвѣчать твоимъ желаніямъ. Изъ этого воз-

никнуть между ею и тобою близкія отношенія, которыя потомъ образуютъ...

— Любовь?—спросилъ Александръ.

— Да... привычку.

— Жениться безъ увлеченія, безъ поэзіи любви, безъ страсти, разсуждать, какъ и зачѣмъ!!

— А ты женился бы, не разсуждая и не спрашивая себя: зачѣмъ? такъ точно, какъ, поѣхавши сюда, тоже не спросилъ себя: зачѣмъ?

— Такъ вы женитесь по расчету?—спросилъ Александръ.

— Съ расчетомъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Это все равно.

— Нѣтъ, по расчету значитъ жениться для денегъ—это низко; но жениться безъ расчета—это глупо!.. а тебѣ теперь вовсе не слѣдуетъ жениться.

— Когда же жениться? Когда состарѣюсь? Зачѣмъ я буду слѣдовать нелѣпнымъ примѣрамъ.

— Въ томъ числѣ и моему? спасибо!

— Я не про васъ говорю, дядюшка, а про всѣхъ вообще. Услышишь о свадьбѣ, пойдешь посмотрѣть—и что же? видишь прекрасное, нѣжное существо, почти ребенка, которое ожидало только волшебнаго прикосновенія любви, чтобы развернуться въ пышный цвѣтокъ, и вдругъ ее отрываютъ отъ куколъ, отъ няни, отъ дѣтскихъ игръ, отъ танцевъ, и слава Богу, если только отъ этого; а часто не заглянуть въ ея сердце, которое, можетъ-быть, не принадлежитъ уже ей. Ее одѣваютъ въ газъ, въ блонды, убираютъ цвѣтами и, несмотря на слезы, на блѣдность, влекутъ, какъ жертву, и ставятъ—подлѣ кого же? подлѣ пожилого человѣка, по большей части некрасиваго, который ужъ утратилъ блескъ молодости. Онъ, или бросаетъ на нее взоры оскорбительныхъ желаній, или холодно осматриваетъ ее съ головы до ногъ, а самъ думаетъ, кажется: «хороша ты, да, чай, съ блажью въ головѣ: любовь да розы,—я уйму эту дурь, это—

глупости! у меня полно вздыхать да мечтать, а веди себя пристойно», или еще хуже—мечтаетъ объ ея имѣннн. Самому молодому мало-мало тридцать лѣтъ. Онъ часто съ лысиною, правда, съ крестомъ, или иногда со звѣздой. И говорить ей: «вотъ кому обречены всѣ сокровища твоей юности, ему и первое бѣненіе сердца, и признаніе, и взгляды, и рѣчи, и дѣвственныя ласки, и вся жизнь». А кругомъ толпой тѣснятся тѣ, кто, по молодости и красотѣ, подъ пару ей, и кому бы надо было стать рядомъ съ невѣстой. Они пожираютъ взглядами бѣдную жертву и какъ-будто говорятъ: «вотъ, когда мы истощимъ свѣжесть, здоровье, ослѣпимъ вѣкъ, и мы женимся, и намъ достанется такой же пышный цвѣтокъ...» Ужасно!..

— Дико, не хорошо, Александръ! пишешь ты ужъ два года, — сказалъ Петръ Ивановичъ: — и о наземѣ, и о картофелѣ, и о другихъ серьезныхъ предметахъ, гдѣ стиль строгій, сжатый, а все еще дико говоришь. Ради Бога, не предавайся экстазу, или, по крайней мѣрѣ, какъ эта дурь найдеть на тебя, такъ ужъ молчи, дай ей пройти, путнаго ничего не скажешь и не сдѣлаешь: выйдетъ непременно нелѣпность.

— Какъ, дядюшка, а развѣ не въ экстазѣ родится мысль поэта?

— Я не знаю, какъ она родится, а знаю, что выходить совѣмъ готовая изъ головы, то-есть когда обрабатывается размышленіемъ: тогда только она и хороша. Ну, а по твоему,—началь, помолчавъ, Петръ Ивановичъ:—за кого же бы выдавать эти прекрасныя стщества?

— За тѣхъ, кого они любятъ, кто еще не утратилъ блеска юношеской красоты, въ комъ и въ головѣ и въ сердцѣ— всюду замѣтно присутствіе жизни, въ глазахъ не угасъ еще блескъ, на щекахъ не остылъ румянецъ, не пропала свѣжесть—признаки здоровья; кто бы не истощенной рукой повелъ по пути жизни прекрасную подругу, а принесъ бы

ей въ даръ сердце, полное любви къ ней, способное понять и раздѣлить ея чувства, когда права природы...

— Довольно! то-есть, за такихъ молодцовъ, какъ ты. Если бь мы жили *среди полей и лѣсовъ дремучихъ*—такъ, а то жени вотъ этакого молодца, какъ ты—много будетъ проку! въ первый годъ съ ума сойдесть, а тамъ и пойдетъ заглядывать за кулисы, или дастъ въ соперницы женѣ ея же горничную, потому что права-то природы, о которыхъ ты толкуешь, требуютъ переменъ, новостей—славный порядокъ! а тамъ и жена, замѣтивъ мужнины проказы, полюбить вдругъ каски, наряды, да маскарады, и сдѣлаетъ тебѣ того... а безъ состоянiя такъ еще хуже! Ёсть, говорить, нечего!

Петръ Иванычъ сдѣлалъ кислую мину.

— «Я, говорить, женатъ,—продолжалъ онъ:—у меня, говорить, ужъ трое дѣтей, помогите, не могу прокормиться, я бѣденъ...» бѣденъ! какая мерзость! нѣтъ, я надѣюсь, что ты не попадешь ни гь ту, ни въ другую категорiю.

— Я попаду въ категорiю счастливыхъ мужей, дядюшка, а Наденька—счастливыхъ женъ. Не хочу жениться, какъ женится бѣольшая часть: наладили одну иѣсную: «молодость прошла, одиночество наскучило, такъ надо жениться!» Я не таковъ!

— Бредишь, милый.

— Да почему вы знаете?

— Потому что ты такой же человѣкъ, какъ другiе, а другиыхъ я давно знаю. Ну, скажи-ка ты, зачѣмъ женишься?

— Какъ зачѣмъ? Наденька—жена моя!—воскликнулъ Александръ, закрывъ лицо руками.

— Ну, что? видишь—и самъ не знаешь.

— У! духъ замираетъ отъ одной мысли. Вы не знаете, какъ я люблю ее, дядюшка! я люблю, какъ никогда никто не любить: всѣми силами души—ей все...

— Лучше бы ты, Александръ, выбранилъ или, ужъ, такъ

и быть, обнять меня, чѣмъ повторять эту глупѣйшую фразу! Какъ это у тебя языкъ поворотился? «какъ никогда никто не любилъ!»

Петръ Иванычъ пожалъ плечами.

— Что жъ, развѣ это не можетъ быть?

— Впрочемъ, точно, гляди на твою любовь, я думаю, что это даже возможно: глупѣе любить нельзя!

— Но она говоритъ, что надо ждать годъ, что мы молоды, должны испытать себя... цѣлый годъ... и тогда...

— Годъ! а! давно бы ты сказалъ! — перебилъ Петръ Иванычъ: — это она предложила? Какая же она умница! Сколько ей лѣтъ?

— Восемнадцать.

— А тебѣ—двадцать три: ну, братъ, она въ двадцать три раза умнѣе тебя. Она, какъ я вижу, понимаетъ дѣло: съ тобою она пошалить, покетничаетъ, время проведетъ весело, а тамъ... есть между этими дѣвчонками преумныя! Ну, такъ ты не женишься. Я думалъ, ты хочешь это какъ-нибудь поскорѣе повернуть, да тайкомъ. Въ твои лѣта эти глупости такъ проворно дѣлаются, что не успѣешь и помѣшать; а то черезъ годъ! до тѣхъ поръ она еще надуетъ тебя...

— Она—надуетъ, кокетничаетъ! дѣвчонка! она, Наденька! фи, дядюшка! Съ кѣмъ вы жили всю жизнь, съ кѣмъ имѣли дѣла, кого любили, если у васъ такія черныя подозрѣнія?..

— Жилъ съ людьми, любилъ женщину.

— Она обманетъ! Этотъ ангель, эта олицетворенная искренность, женщина, какую, кажется, Богъ впервые создалъ во всей чистотѣ и блескѣ...

— А все-таки женщина, и вѣроятно обманетъ.

— Вы послѣ этого скажете, что и я надую?

— Современемъ—да, и ты.

— Я! про тѣхъ, кого вы не знаете, вы можете заключать,

что угодно; но меня—не грѣхъ ли вамъ подозрѣвать въ такой гнусности? Кто же я въ вашихъ глазахъ?

— Человѣкъ.

— Не всё одинаковы. Знайте же, что я, не шутя, искренно даю ей обѣщаніе любить всю жизнь; я готовъ подтвердить это клятвой...

— Знаю, знаю! Порядочный человѣкъ не сомнѣвается въ искренности клятвы, когда даетъ ее женщинѣ, а потомъ измѣнить или охладѣть, и самъ не знаетъ какъ. Это дѣлается не съ намѣреніемъ, и тутъ никакой гнусности нѣтъ, некого винить: природа вѣчно любить не позволила. И вѣрующіе въ вѣчную и неизмѣнную любовь дѣлаютъ то же самое, что и невѣрующіе, только не замѣчаютъ или не хотятъ сознаться; мы, дескать, выше этого, не люди, а ангелы—глупость!

— Какъ же есть любовники, супруги, которые вѣчно любятъ другъ друга и всю жизнь живутъ?..

— Вѣчно! кто двѣ недѣли любитъ, того называютъ вѣтрянкомъ, а два, три года—такъ ужъ и вѣчно! Разбери-ка, какъ любовь создана, и самъ увидишь, что она не вѣчна! Живость, пылкость и лихорадочность этого чувства не даютъ ему быть продолжительнымъ. Любовники, супруги живутъ всю жизнь вмѣстѣ—правда! да развѣ любятъ всю жизнь другъ друга! будто ихъ всегда связываетъ первоначальная любовь? будто они ежеминутно ищутъ другъ друга, глядятъ и не наглядятся? Куда подъ конецъ дѣнутся мелочныя угожденія, безпрестанная внимательность, жажда быть вмѣстѣ, слезы, восторги—всѣ эти вздоры? Холодность и неповоротливость мужей вошла въ пословицу. «Ихъ любовь обращается въ дружбу!» говорятъ всѣ важно: такъ вотъ ужъ и не любовь! Дружбу! А что это за дружба? Мужа съ женой связываютъ общіе интересы, обстоятельства, одна судьба,—вотъ и живутъ вмѣстѣ; а нѣтъ этого, такъ и расходятся, любятъ другихъ,—иной прежде, другой

послѣ: это называется измѣной!.. А живучи вмѣстѣ, живутъ потомъ привычкою, которая, скажу тебѣ на ухо, сильнѣ всякой любви: недаромъ называютъ ее второй натурой; иначе бы люди не перестали терзаться всю жизнь въ разлукѣ или по смерти любимаго предмета, а вѣдь утѣшаются. А то наладили: вѣчно, вѣчно!.. не разберутъ, да и кричать.

— Какъ же вы, дядюшка, не опасаетесь за себя? Стало быть, и ваша невѣста... извините... надуетъ васъ?..

— Не думаю.

— Какое самолюбіе!

— Это не самолюбіе, а расчетъ.

— Опять расчетъ?

— Ну, размышленіе, если хочешь.

— А если она влюблена въ кого-нибудь?

— До этого не надо допускать; а если бѣ и случился такой грѣхъ, такъ можно пошкуснѣ расхолодить.

— Будто это можно? развѣ въ вашей власти?..

— Весьма.

— Этакъ бы дѣлали всѣ обманутые мужья, — сказалъ Александръ: — если бѣ былъ способъ...

— Не всѣ мужья одинаковы, мой милый: одни очень равнодушны къ своимъ женамъ, не обращаютъ вниманія на то, что дѣлается вокругъ нихъ, и не хотятъ замѣтить; другіе изъ самолюбія и хотѣли бы, да плохи: не умѣютъ взяться за дѣло.

— Какъ же вы сдѣлаете?

— Это мой секретъ; тебѣ не втолкуешь: ты въ горячкѣ.

— Я счастливъ теперь и благодарю Бога; а о томъ, что будетъ впереди, и знать не хочу.

— Первая половина твоей фразы такъ умна, что хотъ бы не влюбленному ее сказать: она показываетъ умѣнье пользоваться настоящимъ; а вторая, извини, никуда не годится. «Не хочу знать, что́ будетъ впереди», т.-е. не хочу думать

о томъ, что было вчера и что есть сегодня; не стану ни соображать, ни размышлять, не приготовлюсь къ тому, не остерегусь этого, такъ, куда вѣтеръ подуетъ! Помилуй, на что это похоже?

— А по-вашему, какъ же, дядюшка? Настанетъ мигъ блаженства, надо взять увеличительное стекло да и разсматривать...

— Нѣтъ, уменьшительное, чтобъ съ радости не одурѣть вдругъ, не вѣшаться всѣмъ на шею.

— Или придетъ минута грусти,—продолжалъ Александръ:— такъ ее разсматривать въ ваше уменьшительное стекло?

— Нѣтъ, грусть въ увеличительное: легче перенести, когда вообразишь неприятность вдвое больше, нежели она есть.

— Затѣмъ же, — продолжалъ Александръ съ досадою: — я буду убивать вначалѣ всякую радость холоднымъ размышленіемъ, не ушвшись ею, думать: вотъ она измѣнитъ, пройдетъ? затѣмъ буду терзаться заранѣе горемъ, когда оно не настало?

— А за то, когда настанетъ, — перебилъ дядя: — такъ подумаешь—и горе пройдетъ, какъ проходило тогда-то и тогда-то, и со мной, и съ тѣмъ, и съ другимъ. Надѣюсь, это не дурно и стѣнитъ обратить на это вниманіе; тогда и терзаться не станешь, когда разглядишь перемѣнчивость всѣхъ шансовъ въ жизни; будешь хладнокровенъ и покоенъ, сколько можетъ быть покоенъ человѣкъ.

— Такъ вотъ гдѣ тайна вашего спокойствія!—задумчиво сказалъ Александръ.

Петръ Иванычъ молчалъ и писалъ.

— Но что жъ за жизнь?—началъ Александръ: — не забытья, а все думать, думать... нѣтъ, я чувствую, что это не такъ. Я хочу жить безъ вашего холодного анализа, не думая о томъ, ожидаетъ ли меня впереди бѣда, опасность, или нѣтъ—все равно!.. Затѣмъ я буду думать заранѣе и отравлять...

— Вѣдь я говорю зачѣмъ, а онъ все свое! Не заставь меня сдѣлать на твой счетъ какого-нибудь обиднаго сравненія. Затѣмъ, что когда предвидишь опасность, препятствіе, бѣду, такъ легче бороться съ ней или перенести ее: ни съ ума не сойдешь, ни умрешь; а когда придетъ радость, такъ не будешь скакать и опрокидывать бюстовъ—ясно ли? Кму говорятъ: вотъ начало, смотри же, соображай по этому конецъ, а онъ закрывасть глаза, могасть головой, какъ при видѣ пугала какого-нибудь, и живетъ по-дѣтски. По-твоему, живи день за днемъ, какъ живется, сиди у порога своей хижины, измѣрай жизнь обѣдами, танцами, любовью да неизмѣнной дружбой. Все хотятъ золотого вѣка! Ужъ я сказалъ тебѣ, что съ твоими идеями хорошо сидѣть въ деревнѣ, съ бабой да подюжиной ребяты, а здѣсь надо дѣло дѣлать; для этого безпрестанно надо думать и помнить, чтò дѣлалъ вчера, чтò дѣлаешь сегодня, чтобы знать, чтò нужно дѣлать завтра, т.-е. жить съ непрерывной повѣркой себя и своихъ занятій. Съ этимъ дойдемъ до чего-нибудь дѣльнаго; а такъ... Да что съ тобою толковать: ты теперь въ бреду. Ай! скоро часъ. Ни слова больше, Александръ; уходи... и слушать не стану; завтра обѣдай у меня, кое-кто будетъ.

— Не друзья ли ваши?

— Да... Коневъ, Смирновъ, Федоровъ,—ты ихъ знаешь, и еще кое-кто...

— Коневъ, Смирновъ, Федоровъ! да это тѣ самые люди, съ которыми вы имѣете дѣла.

— Ну, да; все нужные люди.

— Такъ это у васъ друзья? Въ самомъ дѣлѣ, не видывалъ, чтобы вы кого-нибудь принимали съ особенною горячностью.

— Я ужъ тебѣ сказывалъ, что друзьями я называю тѣхъ, съ кѣмъ чаще вижу, которые доставляютъ мнѣ или пользу, или удовольствіе. Помилуй! что жъ даромъ-то кормить?

— А я думалъ, вы прощаетесь передъ свадьбой съ истинными друзьями, которыхъ душевно любите, съ которыми за чашей помянете въ послѣдній разъ веселую юность и, можетъ-быть, при разлукѣ крѣпко прижмете ихъ къ сердцу.

— Ну, въ твоихъ пяти словахъ все есть, чего въ жизни не бываетъ или не должно быть. Съ какимъ восторгомъ твоя тетка бросилась бы тебѣ на шею! Въ самомъ дѣлѣ, тутъ и *истинные друзья*, тогда какъ есть просто друзья, и *чаша*, тогда какъ пьютъ изъ бокаловъ или стакановъ, и объятія *при разлукѣ*, когда нѣтъ разлуки. Охъ, Александръ!

— И вамъ не жаль разставаться, или, по крайней мѣрѣ, рѣже видѣться съ этими друзьями? — сказалъ Александръ.

— Нѣтъ! я никогда не сближался ни съ кѣмъ до такой степени, чтобъ жалѣть, и тебѣ то же совѣтую.

— Но, можетъ-быть, они не таковы: имъ, можетъ-быть, жаль потерять въ васъ добраго товарища, собесѣдника?

— Это ужъ не мое, а ихъ дѣло. Я тоже не разъ терялъ такихъ товарищей, да вотъ не умеръ отъ того. Такъ ты будешь завтра?

— Завтра, дядюшка, я...

— Что?

— Отозванъ на дачу.

— Вѣрно, къ Любецкимъ?

— Да.

— Такъ! Ну, какъ хочешь. Помни о дѣлѣ, Александръ: я скажу редактору, чѣмъ ты занимаешься...

— Ахъ, дядюшка, какъ можно! Я непременно докончу извлеченія изъ нѣмецкихъ экономистовъ...

— Да ты прежде начни ихъ. Смотри же, помни, *презрѣннаго металла* не проси, какъ скоро совѣмъ предашься *сладостной нѣтъ*.

IV.

Жизнь Александра раздѣлялась на двѣ половины. Утро поглощала служба. Онъ рылся въ запыленныхъ дѣлахъ, со-

ображалъ вовсе не касавшіяся до него обстоятельства, считалъ на бумагѣ милліонами непринядажавшія ему деньги. Но порой голова отказывалась думать за другихъ, перо выпадало изъ рукъ и имъ овладѣвала та *сладостная нѣга*, на которую сердился Петръ Ивановичъ.

Тогда Александръ опрокидывался на спинку стула и уносился мысленно въ мѣсто злочно, въ мѣсто покойно, гдѣ нѣтъ ни бумагъ, ни чернилъ, ни странныхъ лицъ, ни вицмундировъ, гдѣ царствуютъ спокойствіе, нѣга и прохлада, гдѣ въ изящно убранной залѣ благоухаютъ цвѣты, раздаются звуки фортепiano, въ клѣткѣ прыгаетъ попугай, а въ саду качаютъ вѣтвями березы и кусты сирени. И царицей всего этого—она...

Александръ, утромъ, сидя въ департаментѣ, невидимо присутствовалъ на одномъ изъ острововъ, на дачѣ Любецкихъ, а вечеромъ присутствовалъ тамъ видимо, всей своей особой. Бросимъ нескромный взглядъ на его блаженство.

Былъ жаркій день, одинъ изъ рѣдкихъ дней въ Петербургѣ: солнце животворило поля, но морило петербургскія улицы, накаливая лучами гранитъ, а лучи, отскакивая отъ камней, пропекали людей. Люди ходили медленно, повѣсивъ головы, собаки—высуцувъ языки. Городъ походить на одинъ изъ тѣхъ сказочныхъ городовъ, гдѣ все, по мановенію волшебника, вдругъ окаменѣло. Экипажи не гремѣли по камнямъ: маркизы, какъ опущенныя вѣки у глазъ, прикрывали окна; торцовая мостовая лоснилась, какъ паркетъ; по тротуарамъ горячо было ступать. Вездѣ было скучно, сонно.

Шънеходъ, отирая потъ съ лица, искалъ тѣни. Ямская карета, съ шестью пассажирами, медленно тащилась за городъ, едва подымая пыль за собою. Въ четыре часа чиновники вышли изъ должности и тихо побрели по домамъ.

Александръ выбѣжалъ, какъ-будто въ домѣ обрушился потолокъ, посмотрѣлъ на часы—поздно: къ обѣду не поспѣеть. Онъ бросился къ ресторатору.

— Что у васъ есть? скорѣй!

— Супъ *julienne* и *à la reine*; соусъ *à la provençale*, *à la maître d'hôtel*; жаркое индѣйка, дичь, пирожное суфле.

— Ну, супъ *à la provençale*, соусъ *julienne* и жаркое суфле, только поскорѣе!

Слуга посмотрѣлъ на него.

— Ну, что же?—сказалъ Александръ съ нетерпѣніемъ.

Тотъ бросился вонъ и подалъ, что ему вздумалось. Адуевъ остался очень доволенъ. Онъ не дожидаясь четвертаго блюда и побѣжалъ на набережную Невы. Тамъ ожидала его лодка и два гребца.

Черезъ часъ завидѣлъ онъ обѣтованный уголокъ, всталъ въ лодкѣ, и устремилъ взоры вдаль. Сначала глаза его отуманились страхомъ и безпокойствомъ, которое перешло въ сомнѣніе. Потомъ вдругъ лицо озарилось свѣтомъ радости, какъ солнечнымъ блескомъ. Онъ отличилъ у рѣшетки сада знакомое платье; вотъ тамъ его узнали, махнули платкомъ. Его ждуть, можетъ-быть, давно. У него подошвы какъ-будто загорѣлись отъ нетерпѣнія.

«Ахъ, если бъ можно было ходить пѣшкомъ по водѣ!» думалъ Александръ: «изобрѣгаютъ всякій вздоръ, а вотъ этого не изобрѣтутъ!»

Гребцы мажутъ веслами медленно, мѣрно, какъ машина. Потъ градомъ льетъ по загорѣлымъ лицамъ; имъ и нужды нѣтъ, что у Александра сердце заметалось въ груди, что, не спуская глазъ съ одной точки, онъ ужъ два раза, въ забытій, заносилъ черезъ край лодки то одну, то другую ногу, а они ничего: гребутъ себѣ съ тою же флегмой, да повременамъ отираютъ рукавомъ лицо.

— Живѣе!—сказалъ онъ:—полтинникъ на водку.

Какъ они принялись работать, какъ стали привскакивать на своихъ мѣстахъ! куда дѣвалась усталость? откуда взялась сила? Весла такъ и затрепетали по водѣ. Лодка—что скользнетъ, то саженой трехъ какъ не бывало. Махнули разъ де-

зятюкъ—и корма уже описала дугу, лодка граціозно подъѣхала и наклонилась у самаго берега. Александръ и Наденька издали улыбались и не сводили другъ съ друга глазъ. Адуевъ ступилъ одной ногой въ воду вмѣсто берега, Наденька засмѣялась.

— Полегче, баринъ, погодите-ка, вотъ я руку подамъ,— промолвилъ одинъ гребецъ, когда Александръ былъ уже на берегу.

— Ждите меня здѣсь,—сказалъ имъ Адуевъ и побѣжалъ къ Наденькѣ.

Она нѣжно улыбалась издали Александру. Съ каждымъ движеніемъ лодки къ берегу, грудь ея поднималась и опускалась сильнѣе.

— Надежда Александровна!..—сказалъ Адуевъ, едва переводя духъ отъ радости.

— Александръ Федорычъ!..—отвѣчала она.

Они бросились невольно другъ къ другу, но остановились и глядѣли другъ на друга съ улыбкой, влажными глазами и не могли ничего сказать. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Нельзя винить Петра Ивановича, что онъ не замѣтилъ Наденьки съ перваго раза. Она была не красавица и не приковывала къ себѣ мгновенно вниманія.

Но если кто пристально вглядывался въ ея черты, тотъ долго не сводилъ съ нея глазъ. Ея фізіономія рѣдко оставалась двѣ минуты покойною. Мысли и разнородныя ощущенія до крайности впечатлительной и раздражительной души ея безпрестанно смѣнялись однѣ другими, и оттѣнки этихъ ощущеній сливались въ удивительной игрѣ, придавая лицу ея ежеминутно новое и неожиданное выраженіе. Глаза, напримѣръ, вдругъ бросая будто молнію, обожгутъ и мгновенно спрячутся подъ длинными рѣсницами; лицо сдѣлается безжизненно и неподвижно—и передъ вами точно мраморная статуя. Ожидаешь вслѣдъ затѣмъ опять такого же про-

зительнаго луча—отнюдь нѣтъ! вѣки поднимаются тихо, медленно — васъ озаритъ кроткое сіяніе взоровъ, какъ-будто медленно выплывшей изъ-за облаковъ луны. Сердце непременно отзовется легкимъ біеніемъ на такой взглядъ. Въ движеніяхъ то же самое. Въ нихъ много было граціи, но это не грація Сильфиды. Въ этой граціи много было дикаго, порывистаго, что даетъ природа всѣмъ, но что потомъ искусство отнимаетъ до послѣдняго слѣда, вмѣсто того, чтобъ только смягчить. Эти-то слѣды часто проявлялись въ движеніяхъ Наденьки. Она иногда сидитъ въ живописной позѣ, но вдругъ, Богъ знаетъ вслѣдствіе какого внутренняго движенія, эта картинная поза нарушится вовсе неожиданнымъ и опять обворожительнымъ жестомъ. Въ разговорахъ тѣ же неожиданные обороты: то вѣрное сужденіе, то мечтательность, рѣзкій приговоръ, потомъ ребяческая выходка, или тонкое притворство. Все показывало въ ней умъ пылкій, сердце своенравное и непостоянное. И не Александръ сошелъ бы съ ума отъ нея; одинъ только Петръ Ивановичъ уцѣлѣлъ: да много ли такихъ?

— Вы меня ждали! Боже мой, какъ я счастливъ!—сказалъ Александръ.

— Я ждала? и не думала! — отвѣчала Наденька, качая головой:—вы знаете, я всегда въ саду.

— Вы сердитесь?—робко спросилъ онъ.

— За что? вотъ идея!

— Ну, дайте ручку!

Она подала ему руку, но только онъ коснулся до нея, она сейчасъ же вырвала—и вдругъ измѣнилась. Улыбка исчезла, на лицѣ обнаружилось что-то похожее на досаду.

— Что это, вы молоко кушаете?—спросилъ онъ.

У Наденьки была чашка въ рукахъ и сухарь.

— Я обѣдаю,—отвѣчала она.

— Обѣдаете, въ шесть часовъ, и молокомъ!

— Вамъ, конечно, странно смотрѣть на молоко послѣ

роскошнаго обѣда у дядюшки? а мы здѣсь въ деревнѣ: живемъ скромно.

Она передними зубами отломилла нѣсколько крошекъ сахара и запила молокомъ, сдѣлавъ губами премиленькую гримасу.

— Я не обѣдалъ у дядюшки, я еще вчера отказался,— отвѣчалъ Адуевъ.

— Какіе вы безсовѣстные! Можно ли такъ лгать? Гдѣ жъ вы были до сихъ поръ?

— Сегодня на службѣ до четырехъ часовъ просидѣлъ...

— А теперь шесть. Не лгите, признайтесь, ужъ соблазнились обѣдомъ, пріятнымъ обществомъ? тамъ вамъ очень, очень весело было.

— Честное слово, я и не заходилъ къ дядюшкѣ... — началъ съ жаромъ оправдываться Александръ.— Развѣ я тогда могъ бы поспѣть къ вамъ объ эту пору!

— А! вамъ это рано кажется? вы бы еще часа черезъ два пріѣхали! — сказала Наденька и быстрымъ пируэтомъ вдругъ отвернулась отъ него и пошла по дорожкѣ къ дому. Александръ за нею.

— Не подходите, не подходите ко мнѣ,—заговорила она, махая рукой:—я васъ видѣть не могу.

— Полноте шалить, Надежда Александровна!

— Я совсѣмъ не шалю. Скажите, гдѣ жъ вы до сихъ поръ были?

— Въ четыре часа вышелъ изъ департамента, — началъ Адуевъ:—часъ ѣхалъ сюда...

— Такъ тогда было бы пять, а теперь шесть. Гдѣ жъ вы провели еще часъ? видите, вѣдь какъ лжете!

— Отобѣдалъ у ресторатора на скорую руку...

— На скорую руку! одинъ только часъ!—сказала она:— бѣдненькіе! вы должны быть голодны. Не хотите ли молока?

— О, дайте, дайте мнѣ эту чашку... — заговорилъ Александръ и протянулъ руку.

Но она вдругъ остановилась, опрокинула чашку вверхъ дномъ и, не обращая вниманія на Александра, съ любопытствомъ смотрѣла, какъ послѣднія капли сбѣгали съ чашки на песокъ.

— Вы безжалостны!—сказалъ онъ:—можно ли такъ мучить меня?

— Посмотрите, посмотрите, Александръ Ѳеодорычъ, — вдругъ перебила Наденька, погруженная въ свое занятіе:—попаду ли я каплей на букашку, вотъ что ползеть по дорогѣ?.. Ахъ, попала! Бѣдненькая! она умретъ!—сказала она; потомъ заботливо подняла букашку, положила себѣ на ладонь и начала дышать на нее.

— Какъ васъ занимаетъ букашка!—сказалъ онъ съ досадою.

— Бѣдненькая! посмотрите: она умретъ, — говорила Наденька съ грустью:—Что я сдѣлала?

Она несла нѣсколько времени букашку на ладони, и когда та зашевелилась и начала ползать взадъ и впередъ по рукѣ, Наденька вздрогнула, быстро сбросила ее на землю и раздавила ногой, примолвивъ: «мерзкая букашка!»

— Гдѣ же вы были?—спросила она потомъ.

— Вѣдь я сказала...

— Ахъ, да! у дядюшки. Много было гостей? Пили шампанское? Я даже отсюда слышу, какъ пахнетъ шампанскимъ.

— Да нѣтъ, не у дядюшки!—въ отчаяніи перебилъ Александръ.—Кто вамъ сказалъ?

— Вы же сказали.

— Да у него, я думаю, теперь за столъ садятся. Вы не знаете этихъ обѣдовъ: развѣ такой обѣдъ кончается въ одинъ часъ?

— Вы обѣдали два—пятый и шестой.

— А когда же я ѣхалъ сюда?

Она ничего не отвѣчала, прыгнула и достала вѣтку акаціи, потомъ побѣжала по дорожкѣ.

Адуевъ за ней.

— Куда же вы?—спросилъ онъ.

— Куда? какъ куда? вотъ прекрасно! къ маменькѣ.

— Зачѣмъ? Можетъ-быть, мы ее обезпokoимъ.

— Нѣтъ, ничего.

Марья Михайловна, маменька Надежды Александровны, была одна изъ тѣхъ добрыхъ и нехитрыхъ матерей, которыя находятъ прекраснымъ все, что ни дѣлаютъ дѣтки. Марья Михайловна велитъ, напримѣръ, заложить коляску.

— Куда это, маменька?—спроситъ Наденька.

— Поѣдемъ прогуляться: погода такая славная, — говорила мать.

— Какъ можно: Александръ Ѳеодорычъ хотѣлъ быть.

И коляска отълаживалась.

Въ другой разъ Марья Михайловна усядется за свой нескончаемый шарфъ и начнетъ вздыхать, нюхать табакъ и перебирать костяными спицами или углубится въ чтеніе французскаго романа.

— Мaman, что жъ вы не одѣваетесь? — спроситъ Наденька строго.

— А куда?

— Да вѣдь мы пойдѣмъ гулять.

— Гулять?

— Да. Александръ Ѳеодорычъ придетъ за нами. Ужъ вы и забыли!

— Да я и не знала.

— Какъ этого не знать! — скажетъ Наденька съ неудовольствіемъ.

Мать покидала и шарфъ, и книгу, и шла одѣваться. Такъ Наденька пользовалась полною свободою, распоряжалась и собою, и маменькою, и своимъ временемъ, и занятіями, какъ хотѣла. Впрочемъ, она была добрая и пѣжкая дочь, нельзя сказать—послушная, потому только, что не она, а мать слушалась ея; зато можно сказать, что она имѣла послушную мать.

— Подите къ маменькѣ,—сказала Наденька, когда они подошли къ дверямъ залы.

— А вы?

— Я послѣ приду.

— Ну, такъ и я послѣ.

— Нѣтъ, идите впередъ.

Александръ вошелъ и тотчасъ же, на цыпочкахъ, воротился назадъ.

— Она дремлетъ въ креслахъ,—сказалъ онъ шопотомъ.

— Ничего, пойдете. Матап, а матап!

— А!

— Александръ Ѳедорычъ пришелъ.

— А!

— Мг. Адуевъ хочетъ васъ видѣть.

— А!

— Видите, какъ крѣпко уснула. Не будите ее!—удерживалъ Александръ.

— Нѣтъ, разбужу. Матап!

— А!

— Да проснитесь; Александръ Ѳедорычъ здѣсь.

— Гдѣ Александръ Ѳедорычъ?—говорила Марья Михайловна, глядя прямо на него и поправляя сдвинувшійся на сторону чепецъ.—Ахъ! это вы, Александръ Ѳедорычъ? Милости просимъ! А я вотъ сѣла тутъ да и вздремнула, сама не знаю отчего, видно къ погодѣ. У меня что-то и мозоль начинается побаливать—быть дождю. Дремлю, да и вижу во снѣ, что будто Игнатій докладываетъ о гостяхъ, только не поняла о комъ. Слышу, говоритъ, пріѣхали, а кто—не пойму. Тутъ Наденька кличетъ, я сейчасъ же и проснулась. У меня легкій сонъ: чуть кто скрипнетъ, я ужъ и смотрю. Садитесь-ка, Александръ Ѳедорычъ, здоровы ли вы?

— Покорно благодарю.

— Петръ Иванычъ здоровъ ли?

— Слава Богу, покорно благодарю.

— Что онъ не навѣститъ насъ никогда? Я вотъ еще вчера думала: хоть бы, думаю, разъ заѣхалъ когда-нибудь, а то нѣтъ—видно занять?

— Очень занять,—сказалъ Александръ.

— И васъ другой день не видать! — продолжала Марья Михайловна. — Давеча проснулась, спрашиваю, что Наденька? Спитъ еще, говорятъ. — Ну, пускай ее спать, говорю, цѣлый день на воздухѣ — въ саду, погода стоитъ хорошая, устанетъ. Въ ея лѣта спится крѣпко, не то, что въ мои: такая бессонница бываетъ, повѣрите ли? даже тоска сдѣлается; отъ нервъ, что ли — не знаю. Вотъ подають мнѣ кофе: я вѣдь всегда въ постели его пью — пью да думаю: «что это значитъ, Александра Ѳедорыча не видать? ужъ здоровъ ли?» Потомъ встала, смотрю 11-й часъ — прошу покорнѣйше! людишки и не скажутъ! Прихожу къ Наденькѣ — она еще и не просыпалась. Я разбудила ее. «Пора, моль, мать моя: скоро 12 часовъ, что это съ тобой?» Я вѣдь цѣлый день за ней, какъ нянька. Я и гувернантку отпустила нарочно, чтобъ не было чужихъ. Вѣрь, пожалуй, чужимъ, такъ Богъ знаетъ что сдѣлають. Нѣтъ! я сама занимаюсь ея воспитаніемъ, строго смотрю, отъ себя ни на шагъ, и могу сказать, что Наденька чувствуетъ это: отъ меня тайкомъ и мысли никакой не допустить. Я ее какъ будто насквозь вижу... Тутъ поваръ пришелъ: съ нимъ съ часъ толковала; тамъ почитала «*Mémoires du diable*»... ахъ, какой пріятный авторъ Сулье! какъ мило описываетъ! Тамъ сосѣдка Марья Ивановна зашла съ мужемъ: такъ я и не видала, какъ прошло утро, гляжу, ужъ и четвертый часъ и обѣдать пора!.. Ахъ, да: что жъ вы къ обѣду не пришли? мы васъ ждали до 5 часовъ.

— До 5 часовъ? — сказалъ Александръ: — я никакъ не могъ, Марья Михайловна: служба задержала. Я васъ прошу никогда не ждать меня долѣе четырехъ часовъ.

— И я то же говорила, да вот Наденька: «подождем да подождем».

— Я! ахъ, ахъ, маман, что вы! Не я ли говорю: «пора, маман, обѣдать», а вы сказали: «нѣтъ, надо подождать; Александръ Федорычъ давно не былъ: вѣрно придетъ къ обѣду».

— Смотрите, смотрите! — заговорила Марья Михайловна, качая головой: — ахъ, какая безсовѣстная! свои слова да на меня же!

Наденька отвернулась, ушла въ цвѣты и начала дразнить попугая.

— Я говорю: «ну, гдѣ теперь Александру Федорычу быть?» — продолжала Марья Михайловна: — «ужъ половина пятого». «Нѣтъ, говоритъ, маман, надо подождать — онъ будетъ». — Смотрю, три четверти: «Воля твоя, говорю я, Наденька: Александръ Федорычъ вѣрно въ гостяхъ, не будетъ; я проголодалась». — «Нѣтъ, говоритъ, еще подождать надо, до пяти часовъ». Такъ и проморила меня. Что, не правда, сударыня?

«Пошка, пошка!» слышалось изъ-за цвѣтовъ: «гдѣ ты обѣдалъ сегодня, у дядюшки?»

— Что? спряталась! — промолвила мать: — видно совѣстно на свѣтъ Божій смотрѣть!

— Все нѣтъ, — отвѣчала Наденька, выходя изъ боскета и сѣла у окна.

— И таки не сѣла за столъ! — говорила Марья Михайловна: — спросила чашку молока и пошла въ садъ; такъ и не обѣдала. Что? посмотри-ка мнѣ прямо въ глаза, сударыня.

Александръ обомлѣлъ при этомъ разказѣ. Онъ взглянулъ на Наденьку, но она обернулась къ нему спиной и щипала листокъ плюща.

— Надежда Александровна! — сказали онъ: — ужели я такъ счастливъ, что вы думали обо мнѣ?

— Не подходите ко мнѣ!—закричала она съ досады, что ея плутни открылись.—Маменька шутить, а вы готовы вѣрять!

— А гдѣ жъ ягоды, что ты приготовила для Александра Ѳедорыча?—спросила мать.

— Ягоды?

— Да, ягоды.

— Вѣдь вы ихъ скушали за обѣдомъ... —отвѣчала Наденька.

— Я! опомнись, мать моя: ты спрятала и мнѣ не дала. «Вотъ, говоритъ, Александръ Ѳедорычъ прійдетъ, тогда и вамъ дамъ». Какова?

Александръ иѣжно и лукаво взглянулъ на Наденьку. Она покраснѣла.

— Сама чистила, Александръ Ѳедорычъ,—прибавила мать.

— Что это вы все сочиняете, мама? Я очистила двѣ или три ягодки и тѣ сама съѣла, а то Василиса...

— Не вѣрьте, не вѣрьте, Александръ Ѳедорычъ: Василиса съ утра въ городъ послана. Зачѣмъ же скрывать? Александру Ѳедорычу вѣрно пріятнѣе, что ты чистила, а не Василиса.

Наденька улыбулась, потомъ скрылась опять въ цвѣты и явилась съ полной тарелкой ягодъ. Она протянула Адуеву руку съ тарелкой. Онъ поцѣловалъ руку и принялъ ягоды, какъ маршальскій жезлъ.

— Не стѣйте вы! заставить такъ долго ждать себя!—говорила Наденька:—я два часа у рѣшетки стояла: вообразите! ѣдетъ кто-то: я думала—вы и махнула платкомъ, вдругъ незнакомые, какой-то военный. И онъ махнулъ, такой дерзкій!..

Вечеромъ приходили и уходили гости. Начало смеркаться. Любецкія и Адуевъ остались опять втроемъ. Мало-по-малу разстроилось и это тріо. Наденька ушла въ садъ. Составился нескладный дуэтъ у Марьи Михайловны съ Адуе-

вымъ: долго пѣла она ему о томъ, что дѣлала вчера, сегодня, что будетъ дѣлать завтра. Имъ овладѣла томительная скука и безпокойство. Вечеръ наступаетъ быстро, а онъ еще не успѣлъ ни слова сказать Наденькѣ наединѣ. Выручилъ поварь; благодѣтель пришелъ спросить, что готовить къ ужину, а у Адуева занимался духъ отъ нетерпѣнія, сильнѣе еще, чѣмъ давеча въ лодкѣ. Едва заговорили о котлетахъ, о простоквашѣ, Александръ началъ искусно ретироваться. Сколько маневровъ употребилъ онъ, чтобъ только отойти отъ кресель Марьи Михайловны! Подошелъ сначала къ окну и взглянулъ на дворъ, а ноги такъ и тянули его въ открытую дверь. Потомъ медленными шагами, едва удерживаясь, чтобы не ринуться опрометью вонъ, онъ перешелъ къ фортепіано, постучалъ въ разнымъ мѣстахъ по клавишамъ, взялъ съ лихорадочнымъ трепетомъ ноты съ попитра, взглянулъ въ нихъ и положилъ назадъ; имѣлъ даже твердость понюхать два цвѣтка и разбудить попугая. Тутъ онъ достигъ высшей степени нетерпѣнія; двери были подлѣ, но уйти какъ-то все неловко—надо было простоять минуты двѣ и выйти какъ будто нечаянно. А поварь уже сдѣлалъ два шага назадъ, еще слово — и онъ уйдетъ, тогда Любецкая непременно обратится опять къ нему. Александръ не вытерпѣлъ и, какъ змѣй, выскользнулъ въ двери и, соскочивъ съ крыльца, не считая ступеней, въ нѣсколько шаговъ очутился въ концѣ аллеи—на берегу, подлѣ Наденьки.

— Насилу вспомнили обо мнѣ! — сказала она на этотъ разъ съ кроткимъ упрекомъ.

— Ахъ, что за муку я вытерпѣлъ, — отвѣчалъ Александръ:—а вы не помогли!

Наденька показала ему книгу.

— Вотъ чѣмъ бы я вызвала васъ, если бъ вы не пришли еще минутой,—сказала она.—Садитесь, теперь маман ужъ не придетъ: она боится сырости. Мнѣ такъ много, такъ много надо сказать вамъ... ахъ!

— И мнѣ тоже... ахъ!

И ничего не сказали или почти ничего, такъ кое-что, о чемъ ужъ говорили десять разъ прежде. Обыкновенно что: мечты, небо, звѣзды, симпатія, счастіе. Разговоръ больше происходилъ на языкѣ взглядовъ, улыбокъ и междометій. Книга валялась на травѣ.

Наступала ночь... нѣтъ, какая ночь! развѣ лѣтомъ въ Петербургѣ бываютъ ночи? это не ночь, а... тутъ надо бы выдумать другое названіе—такъ, полусвѣтъ... Все тихо кругомъ. Нева точно спала; изрѣдка, будто въ просонкахъ, она плеснетъ легонько волной въ берегъ и замолчитъ. А тамъ откуда ни возьмется поздній вѣтерокъ, пронесется надъ сонными водами, но не сможетъ разбудить ихъ, а только зарябитъ поверхность и повѣетъ прохладой на Надежку и Александра, или принесетъ имъ звукъ дальней пѣсни—и снова все смолкнетъ, и опять Нева неподвижна, какъ спящій человѣкъ, который при легкомъ шумѣ откроетъ на минуту глаза и тотчасъ снова закроетъ; и сонъ пуще сомкнетъ его отяжелѣвшія вѣки. Потомъ со стороны моста послышится какъ-будто отдаленный громъ, а вслѣдъ затѣмъ лай сторожевой собаки съ ближайшей тони, и опять все тихо. Деревья образовали темный сводъ и чуть-чуть, безъ шума, качали вѣтвями. На дачахъ по берегамъ мелькали огоньки.

Что особеннаго тогда носится въ этомъ тепломъ воздухѣ? Какая тайна пробѣгаетъ по цвѣтамъ, деревьямъ, по травѣ, и вѣетъ неизъяснимой нѣгой на душу? Зачѣмъ въ ней тогда рождаются инныя мысли, инныя чувства, нежели въ шумѣ, среди людей? А какая обстановка для любви въ этомъ снѣ природы, въ этомъ сумракѣ, въ безмолвныхъ деревьяхъ, благоухающихъ цвѣтахъ и уединеніи? Какъ могущественно все настраивало умъ къ мечтамъ, сердце къ тѣмъ 'рѣдкимъ ощущеніямъ, которыя во всегдашней, правильной и строгой жизни кажутся такими бесполезными, неумѣстными и смѣш-

ными отступленіями... да! бесполезными, а между тѣмъ, въ тѣ минуты душа только и постигаетъ смутно возможность счастья, котораго такъ усердно ищутъ въ другое время и не находятъ.

Александръ и Наденька подошли къ рѣкѣ и оперлись на рѣшѣтку. Наденька долго, въ раздумьи, смотрѣла на Неву, на даль, Александръ на Наденьку. Души ихъ были переполнены счастьемъ, сердца сладко и вмѣстѣ какъ-то болѣзненно ныли, но языкъ безмолвствовалъ.

Вотъ Александръ тихо коснулся ея талии. Она тихо отвела локтемъ его руку. Онъ дотронулся опять, она отвела слабѣе, не спуская глазъ съ Невы. Въ третій разъ не отвела.

Онъ взялъ ее за руку — она не отняла и руки; онъ пожалъ руку: рука отвѣчала на пожатіе. Такъ стояли они молча, а что чувствовали!

— Наденька! — сказалъ онъ тихо.

Она молчала.

Александръ съ замирающимъ сердцемъ наклонился къ ней. Она почувствовала горячее дыханіе на щекѣ, вздрогнула, обернулась и — не отступила въ благородномъ негодованіи, не вскрикнула! — она не въ силахъ была притвориться и отступить: обаяніе любви заставило молчать разсудокъ, и когда Александръ прильнулъ губами къ ея губамъ, она отвѣчала на поцѣлуй, хотя слабо, чуть внятно.

«Неприлично!» скажутъ строгія маменьки: «одна въ саду, безъ матери, цѣлуется съ молодымъ человѣкомъ!» Что дѣлать! неприлично, но она отвѣчала на поцѣлуй.

«О, какъ человѣкъ можетъ быть счастливъ!» сказалъ про себя Александръ и опять наклонился къ ея губамъ и пробылъ такъ нѣсколько секундъ.

Она стояла блѣдная, неподвижная, на рѣсницахъ блистали слезы, грудь дышала сильно и прерывисто.

— Какъ сонъ! — шепталъ Александръ.

Вдругъ Наденька встрепенулась, минута забвенія прошла.

— Что это такое? вы забылись! — вдругъ сказала она и бросилась отъ него на нѣсколько шаговъ. — Я маменькѣ скажу!

Александръ упалъ съ облаковъ.

— Надежда Александровна! не разрушайте моего блаженства, — упрекомъ началъ онъ: — не будьте похожи на...

Она посмотрѣла на него, и вдругъ громко, весело засмѣялась, опять подошла къ нему, опять стала у рѣшетки и до вѣрчиво оперлась рукой и головой ему на плечо.

— Такъ вы меня очень любите? — спросила она, отирая слезу, выкатившуюся на щеку.

Александръ сдѣлалъ невыразимое движеніе плечами. На лицѣ его было «преглуное выраженіе», сказалъ бы Петръ Иванычъ, что, можетъ-быть, и правда, но зато сколько счастья въ этомъ глухомъ выраженіи!

Они попрежнему молча смотрѣли и на воду, и на небо, и на даль, будто между ними ничего не было. Только боялись взглянуть другъ на друга; наконецъ взглянули, улыбнулись и тотчасъ отвернулись опять.

— Ужели есть горе на свѣтѣ? — сказала Наденька помолчавъ.

— Говорять, есть... — задумчиво отвѣчалъ Адуевъ: — да я не вѣрю...

— Какое же горе можетъ быть?

— Дядюшка говорить — бѣдность.

— Бѣдность! да развѣ бѣдные не чувствуютъ того же, что мы теперь? вотъ ужъ они и не бѣдны.

— Дядюшка говорить, что имъ не до того — что надо ѣсть, пить...

— Фи! ѣсть! Дядюшка вашъ неправду говорить: можно и безъ этого быть счастливыми: я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива!

Онъ засмѣялся.

— Да, за эту минуту я отдала бы бѣднымъ все, все! — продолжала Наденька: — пусть придутъ бѣдные. Ахъ, зачѣмъ я не могу утѣшить и обрадовать всѣхъ какой-нибудь радостью?

— Ангель! ангель! — восторженно произнесъ Александръ, сжавъ ея руку.

— Охъ, какъ вы больно жмете! — вдругъ перебила Наденька, сморщивъ брови и отнявъ руку.

Но онъ схватилъ руку опять и началъ цѣловать съ жаромъ.

— Какъ я буду молиться, — продолжала она: — сегодня, завтра, всегда за этотъ вечеръ! какъ я счастлива! А вы?..

Вдругъ она задумалась; въ глазахъ мелькнула тревога.

— Знаете ли, — сказала она: — говорятъ, будто чтò было однажды, то ужъ никогда больше не повторится! Стало-быть и эта минута не повторится?

— О, нѣтъ! — отвѣчалъ Александръ: — это неправда: повторится! будутъ лучшія минуты; да, я чувствую!..

Она недоувѣрчиво покачала головой. И ему пришли въ голову уроки дяди, и онъ вдругъ остановился.

«Нѣтъ», говорилъ онъ самъ съ собою: «нѣтъ, этого быть не можетъ! дядя не зналъ такого счастья, оттого онъ такъ строгъ и недоувѣрчивъ къ людямъ. Бѣдный! мнѣ жаль его холоднаго, черстваго сердца: оно не знало упоенія любви, вотъ отчего это жѣлчное гоненіе на жизнь. Богъ его проститъ! Если бъ онъ видѣлъ мое блаженство, и онъ не наложилъ бы на него руки, не оскорбилъ бы нечистымъ сомнѣніемъ. Мнѣ жаль его...»

— Нѣтъ, Наденька, нѣтъ, мы будемъ счастливы! — продолжалъ онъ вслухъ. — Посмотри вокругъ: не радуется ли все здѣсь, глядя на нашу любовь? Самъ Богъ благословитъ ее. Какъ весело пройдемъ мы жизнь рука объ руку! какъ будемъ *горды, велики взаимной любовью!*

— Ахъ, перестаньте, перестаньте загадывать! — перебила

она: — не пророчьте: мнѣ что-то страшно дѣлается, когда вы говорите такъ. Мнѣ и теперь грустно...

— Чего же бояться? Неужели нельзя вѣрить самимъ себѣ?

— Нельзя, нельзя!—говорила она, качая головой.

Онъ посмотрѣлъ на нее и задумался.

— Отчего? Что же,—началъ онъ потомъ: — можетъ разрушить этотъ мѣръ нашего счастья? кому нужна до насъ? Мы всегда будемъ одни, станемъ удаляться отъ другихъ; что намъ до нихъ за дѣло? и что за дѣло имъ до насъ? насъ не вспомнятъ, забудутъ, и тогда насъ не потревожатъ и слухи о горѣ и бѣдахъ, точно такъ, какъ и теперь, здѣсь, въ саду, никакой звукъ не тревожитъ этой торжественной тишины...

— Наденька! Александръ Федорычъ! — раздалось вдругъ съ крыльца:—гдѣ вы?

— Слышите!—сказала Наденька пророческимъ тономъ: — вотъ намекъ судьбы: эта минута не повторится больше — я чувствую...

Она схватила его за руку, сжала ее, поглядѣла на него какъ-то странно, печально, и вдругъ бросилась въ темную аллею.

Онъ остался одинъ въ раздумьи.

— Александръ Федорычъ!—раздалось опять съ крыльца: — простокваша давно на столѣ.

Онъ пожалъ плечами и пошелъ въ комнату.

— За мигомъ невыразимаго блаженства — вдругъ простокваша! — сказалъ онъ Наденькѣ. — Ужели все такъ въ жизни.

— Лишь бы не было хуже, — весело отвѣчала она: — а простокваша очень хороша, особенно для того, кто не обѣдалъ.

Счастье одушевило ее. Щеки ея пылали, глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ. Какъ заботливо хозяйничала она, какъ весело болтала! не было и тѣни мелькнувшей мгновенно печали: радость поглотила ее.

Заря охватила уже полнеба, когда Адуевъ сѣлъ въ лодку. Гребцы, въ ожиданіи обѣщанной награды, поплевали на руки и начали-было по-давешнему привскакивать на мѣстахъ, изо всей мочи работая веслами.

— Тини фхать!—сказалъ Александръ:—еще полтинникъ на водку!

Они поглядѣли на него, потомъ другъ на друга. Одинъ почесалъ грудь, другой спину, и стали чуть шевелить веслами, едва дотрогиваясь до воды. Лодка поплыла, какъ лебедь.

«И дядюшка хочеть увѣрить меня, что счастье химера, что нельзя безусловно вѣрить ничему, что жизнь... бесовѣстный! зачѣмъ онъ хотѣлъ такъ жестоко обмануть меня? Нѣтъ, вотъ жизнь! такъ я воображалъ ее себѣ, такова она должна-быть, такова есть и такова будетъ! Иначе нѣтъ жизни!»

Свѣжій, утренній вѣтерокъ чуть-чуть подулъ съ сѣвера. Александръ слегка вздрогнулъ, и отъ вѣтерка и отъ воспоминанія, потомъ зѣвнулъ и, закутавшись въ плащъ, погрузился въ мечты.

V.

Адуевъ достигъ апогея своего счастья. Ему нечего было болѣе желать. Служба, журнальные труды—все забыто, заброшено. Его ужъ обошли мѣстомъ: онъ едва примѣтилъ это, и то потому, что напомнилъ дядя. Петръ Ивановичъ совѣтовалъ бросить пустяки, но Александръ, при словѣ «пустяки», пожималъ плечами, съ сожалѣніемъ улыбался и молчалъ. Дядя, увидя бесполезность своихъ представленій, тоже пожалъ плечами, улыбнулся съ сожалѣніемъ и замолчалъ, промолвивъ только:

— Какъ хочешь, это твое дѣло, только, смотри, презрѣннаго металла не проси.

— Не бойтесь, дядюшка,—говорилъ на это Александръ:—худо, когда мало денегъ, много мнѣ не нужно, а довольно—у меня есть.

— Ну, и поздравляю тебя, — прибавилъ Петръ Ивановичъ.

Александръ видимо избѣгалъ его. Онъ потерялъ всякую довѣренность къ его печальнымъ предсказаніямъ и боялся холоднаго взгляда на любовь вообще и оскорбительныхъ намековъ на отношенія его къ Наденькѣ въ особенности.

Ему противно было слушать, какъ дядя, разбирая любовь его, просто, по общимъ и одинакимъ будто бы для всѣхъ законамъ, профанировалъ это высокое, святое, по его мнѣнію, дѣло. Онъ таилъ свои радости, всю эту перспективу розоваго счастья, предчувствуя, что чуть коснется его анализъ дяди, то, того и гляди, розы разсыплются въ прахъ или превратятся въ назѣмъ. А дядя сначала избѣгалъ его оттого, что вотъ, думалъ, малый задѣнется, заматается, придетъ къ нему за деньгами, сядетъ на шею.

Въ походѣхъ, взглядахъ, во всемъ обращеніи Александра было что-то торжественное, таинственное. Онъ велъ себя съ другими, какъ богатый капиталистъ на биржѣ съ мелкими купцами, скромно и съ достоинствомъ, думая про себя: «жалкіе! кто изъ васъ обладаетъ такимъ сокровищемъ, какъ я? кто такъ умѣетъ чувствовать? чья могучая душа...» и проч.

Онъ былъ увѣренъ, что онъ одинъ на свѣтѣ такъ любить и любимъ.

Впрочемъ, онъ избѣгалъ не только дяди, но и *толты*, какъ онъ говорилъ. Онъ, или поклонялся своему божеству, или сидѣлъ дома, въ кабинетѣ, одинъ, ушываясь блаженствомъ, анализируя, разлагая его на безконечно-малые атомы. Онъ называлъ это *творить особый міръ*, и, сяди въ своемъ уединеніи, точно сотворилъ себѣ изъ ничего какой-то міръ и обрѣтался больше въ немъ, а на службу ходилъ рѣдко и неохотно, называя ее *горькою необходимостью, необходимымъ зломъ или печальной прозой*. Вообще у него много было вариантовъ на этотъ предметъ. Къ редактору и къ знакомымъ вовсе не ходилъ.

Бесѣдовать съ своимъ я было для него высшею отрадою. «Наединѣ съ собою только — писать онъ въ какой-то повѣсти—человѣкъ видитъ себя, какъ въ зеркалѣ; тогда только научается онъ вѣрить въ человѣческое величіе и достоинство. Какъ прекрасенъ онъ въ этой бесѣдѣ съ своими душевными силами! какъ вождь, онъ дѣлаетъ имъ строгій обзоръ, строить ихъ по мудро-обдуманному плану и стремится во главѣ ихъ, и дѣйствуетъ, и зиждетъ! Какъ жалокъ, напротивъ, кто не умѣетъ и боится быть съ собою, кто бѣжитъ отъ самого себя и всюду ищетъ общества, чуждаго ума и духа...» Подумаешь, мыслитель какой-нибудь открываетъ новые законы строенія міра или бытія человѣческаго, а то просто влюбленный!

Вотъ онъ сидитъ въ волтеровскихъ креслахъ. Передъ нимъ листъ бумаги, на которомъ набросано нѣсколько стиховъ. Онъ, то наклонится надъ листомъ и сдѣлаетъ какую-нибудь поправку, или прибавитъ два-три стиха, то опрокинется на спинку кресель и задумается. На губахъ блуждаетъ улыбка; видно, что онъ только лишь отвелъ ихъ отъ полной чаши счастья. Глаза у него закроются томно, какъ у дремлющаго кота, или вдругъ сверкнутъ огнемъ внутренняго волненія.

Кругомъ тихо. Только издали, съ большой улицы, слышится гулъ отъ экипажей, да повременамъ Евсей, уставъ чистить сапогъ, заговоритъ вслухъ:

— Какъ бы не забыть: давеча въ лавочкѣ на грошъ уксусу взяли, да на гривну капусты, завтра надо отдать, а то лавочникъ, пожалуй, въ другой разъ и не повѣритъ—такая собака! Фунтами хлѣбъ вѣшаютъ, словно въ голодный годъ—срамъ! Ухъ, Господи, умаялся. Вотъ только дочинцу этотъ сапогъ—и спать. Въ Грачахъ, чай, давно спать: по-здѣшнему! Когда-то Господь Богъ приведетъ увидѣть...

Тутъ онъ громко вздохнулъ, подышалъ на сапогъ и опять началъ нимыгать щеткой. Онъ считалъ это занятіе

главную и чуть ли не единственную свою обязанностью, и вообще способностью чистить сапоги измѣрять достоинство слуги и даже человѣка; самъ онъ чистилъ съ какою-то страстью.

— Перестань, Евсей! ты мнѣ мѣшаешь дѣло дѣлать своими пустяками!—кричалъ Адуевъ.

«Пустяки, — ворчалъ про себя Евсей: — какъ не пустяки: у тебя такъ вотъ пустяки, а я дѣло дѣлаю. Вишь вѣдь какъ загрязнилъ сапоги, насилу отчистишь».

Онъ поставилъ сапогъ на столъ и глядѣлся съ любовью въ зеркальный лоскъ кожи.

«Юди-ка, вычисти кто этакъ, — примозвилъ онъ: — пустяки!»

Александръ все глубже и глубже погружался въ свои мечты о Наденькѣ, потомъ въ творческія мечты.

На столѣ было пусто. Все, что напоминало о прежнихъ его занятіяхъ, о службѣ, о журнальной работѣ, лежало подь столомъ, или на шкапѣ, или подь кроватью.

«Одинъ видъ *этой грязи*, — говорилъ онъ: — пугаетъ творческую думу и она улетаетъ, какъ соловей изъ рощи, при внезапномъ скригѣ не мазанныхъ колесъ, раздавшемся съ дороги.»

Часто заря заставляла его надъ какой-нибудь элегіей. Всѣ часы, проводимые не у Любецкихъ, посвящались творчеству. Онъ напишетъ стихотвореніе и прочтетъ его Наденькѣ; та перепишетъ на хорошенькой бумажкѣ и выучитъ, и онъ «позналъ *высшее блаженство поэта—слышать свое произведеніе изъ милыхъ устъ*». —

«Ты моя муза, — говорилъ онъ ей: — будь Вестюю этого священнаго огня, который горитъ въ моей груди; ты оставишь его — и онъ заглухнетъ навсегда».

Потомъ онъ посылалъ стихи подь чужимъ именемъ въ журналъ. Ихъ печатали, потому что они были недурны,

мѣстами не безъ энергіи и всѣ проникнуты пылкимъ чувствомъ; написаны гладко.

Наденька гордилась его любовью и звала его «мой поэтъ». —

«Да, твой, вѣчно твой», — прибавлялъ онъ. Впереди улыбалась слава, и вѣнокъ, думалъ онъ, слететь ему Наденька и переветъ лавръ миртами, а тамъ... «Жизнь, жизнь, какъ ты прекрасна!» восклицалъ онъ. «А дядя? Зачѣмъ смущаетъ онъ миръ души моей? Не демонъ ли это, посланный мнѣ судьбою? Зачѣмъ отравляетъ онъ желчью все мое благо? не изъ зависти ли, что сердце его чуждо этимъ чистымъ радостямъ, или, можетъ-быть, изъ мрачнаго желанія вредить... о, дальше, дальше отъ него!.. Онъ убьетъ, заразитъ своею ненавистью мою любящую душу, развратитъ ее...»

И онъ бѣжалъ отъ дяди, не видался съ нимъ по цѣлымъ недѣлямъ, по мѣсяцамъ. А если, при встрѣчѣ, разговоръ заходилъ о чувствахъ, онъ насмѣшливо молчалъ, или слушалъ, какъ человѣкъ, котораго убѣжденія нельзя поколебать никакими доводами. Онъ свои сужденія считалъ неогрѣпительными, мнѣнія и чувства непреложными, и рѣшился впрямь руководствоваться только ими, говоря, что онъ уже не мальчикъ, и что *зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?* и проч.

А дядя былъ все тотъ же: онъ ни о чемъ не спрашивалъ племянника, не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить его продѣлокъ. Видя, что положеніе Александра не измѣняется, что онъ ведетъ прежній образъ жизни, не проситъ у него денегъ, онъ сталъ съ нимъ ласковъ попрежнему и слегка упрекалъ, что рѣдко бываетъ у него.

— Жена сердится на тебя, — говорилъ онъ: — она привыкла считать тебя роднымъ; мы обѣдаемъ каждый день дома; заходи.

И только. Но Александръ рѣдко заходилъ, да и некогда было: утро на службѣ, послѣ обѣда до ночи у Любецкихъ;

оставалась почь, а ночью онъ уходилъ въ свой особенный, сотворенный имъ *миръ* и продолжалъ творить. Да притомъ, не мѣшаетъ же вѣдь соснуть немпожко.

Въ изящной прозѣ онъ былъ менѣе счастливъ. Онъ написалъ комедію, двѣ повѣсти, какой-то очеркъ и путешествіе куда-то. Дѣятельность его была изумительна, бумага такъ и горѣла подъ перомъ. Комедію и одну повѣсть сначала показалъ дядѣ и просилъ сказать, годится ли? Дядя прочиталъ на выдержку нѣсколько страницъ и отослалъ назадъ, написавъ сверху: «годится ддя... пергородки!»

Александръ взбѣсился и отослалъ въ журналъ, но ему возвратили и то, и другое. Въ двухъ мѣстахъ на поляхъ комедіи отмѣчено было карандашомъ: «не дурно» — и только. Въ повѣсти часто встрѣчались слѣдующія отмѣтки: «слабо, невѣрно, незрѣло, вяло, неразвито» и проч., а въ концѣ сказано было: «вообще замѣтно пезнаніе сердца, излишняя пылкость, пестротенность, все на ходуляхъ, нигдѣ не видно человека... герой уродливъ... такихъ людей не бываетъ... къ напечатанію неудобно! Впрочемъ, авторъ, кажется, не безъ дарованія, надо трудиться!..»

«Такихъ людей не бываетъ!» подумалъ огорченный и изумленный Александръ: «какъ не бываетъ? да вѣдь герой-то я самъ. Неужели мнѣ изображать этихъ пошлыхъ героевъ, которые встрѣчаются на каждомъ шагу, мыслятъ и чувствуютъ, какъ толпа, дѣлаютъ, что все дѣлаютъ, — эти жалкія лица всеневныхъ мелкихъ трагедій и комедій, не отмѣченныя особой печатью... унизится ли искусство до того?..»

Онъ, въ подтвержденіе чистоты исповѣдуемаго имъ ученія объ изящномъ, призывалъ тѣнь Байрона, ссылался на Гете и на Шиллера. Героемъ, возможнымъ въ драмѣ или въ повѣсти, онъ воображалъ не иначе, какъ какого-нибудь корсара, или великаго поэта, артиста, и заставлялъ ихъ дѣйствовать и чувствовать по-своему.

Въ одной повѣсти мѣстомъ дѣйствія избралъ онъ Америку; обстановка была роскошная; американская природа, горы, и среди всего этого изгнанникъ, похитившій свою возлюбленную. Цѣлый міръ забылъ ихъ; они любовались собою да природой, и когда пришла вѣсть о прощеніи и возможность возвратиться на родину, они отказались. Потомъ, лѣтъ черезъ двадцать, какой-то европеецъ пріѣхалъ туда, пошелъ въ сопровожденіи индѣйцевъ на охоту и нашелъ на одной горѣ хижину и въ ней скелетъ. — Европеецъ былъ соперникъ героя. Какъ казалась ему хороша эта повѣсть! съ какимъ восторгомъ читалъ онъ ее въ зимніе вечера Наденькѣ! какъ жадно она внимала ему! — и не принять этой повѣсти!

Объ этой неудачѣ онъ ни полслова Наденькѣ; проглотилъ обиду молча — и концы въ воду. — Что же повѣсть, — спрашивала она: — напечатали? — Нѣтъ! — говорилъ онъ: — нельзя; тамъ много такого, что у насъ покажется дико и странно...

Если бъ онъ зналъ, какую правду сказалъ онъ, думая сказать ее совсѣмъ въ другомъ смыслѣ!

Трудиться казалось ему тоже страннымъ. «Зачѣмъ же талантъ? — говорилъ онъ. — Трудится бездарный труженикъ; талантъ творить легко и свободно...» Но, вспомнивъ, что статьи его о сельскомъ хозяйствѣ, да и стихи тоже, были сначала такъ, ни то, ни сѣ, а потомъ постепенно совершенствовались и обратили на себя особенное вниманіе публики, онъ задумался, понялъ нелѣпость своего заключенія и со вздохомъ отложилъ изящную прозу до другого времени: когда сердце будетъ биться ровнѣе, мысли придуть въ порядокъ, тогда онъ дастъ себѣ слово заняться, какъ слѣдуетъ.

Дни шли за днями, дни непрерывныхъ наслажденій для Александра. Онъ счастливъ былъ, когда поцѣлуетъ кончикъ пальца Наденьки, просидитъ противъ нея въ картинной позѣ

часа два, не спуская съ нея глазъ, мѣля и вздыхая, или декламируя приличные случаю стихи.

Справедливость требуетъ сказать, что она иногда на вздохи и стихи отвѣчала зѣвотой. И не мудрено: сердце ея было занято, но умъ оставался празденъ. Александръ не позаботился дать ему пищи. Годъ, назначенный Наденькою для испытанія, проходилъ. Она жила съ матерью опять на той же дачѣ. Александръ заговаривалъ объ ея обѣщаніи, просилъ позволенія поговорить съ матерью. Наденька отложила-было до переѣзда въ городъ, но Александръ настаивалъ.

Наконецъ, однажды вечеромъ, при прощаньи, она позволила Александру переговорить на другой день съ матерью.

Александръ не уснулъ цѣлую ночь, не ходилъ въ должность. Въ головѣ у него вертѣлся завтрашній день; онъ все придумывалъ, какъ говорить съ Марьей Михайловной, сочинилъ-было рѣчь, приготовился, но едва вспомнилъ, что дѣло идетъ о Наденькиной рукѣ, растерялся въ мечтахъ и опять все забылъ. Такъ онъ пріѣхалъ вечеромъ на дачу, не подготовившись ни въ чемъ; да и не нужно было: Наденька встрѣтила его, по обыкновенію, въ саду, но съ отгѣнкомъ легкой задумчивости въ глазахъ и безъ улыбки, а какъ-то разсѣянно.

— Нынче нельзя говорить съ маменькой,—сказала она:— у насъ этотъ гадкій графъ сидитъ!

— Графъ! какой графъ?

— Вотъ не знаете, какой графъ! графъ Новинскій, извѣстно, нашъ сосѣдъ; вотъ его дача; сколько разъ сами хвалили садъ!

— Графъ Новинскій! у васъ!—сказалъ изумленный Александръ:—по какому случаю?

— Я еще и сама не знаю хорошенько, — отвѣчала Наденька: — я сидѣла здѣсь и читала вашу книжку, а маменьки дома не было; она пошла къ Марьѣ Ивановнѣ.

Только сталь накрапывать дождь, я иду въ комнату, вдругъ къ крыльцу подъѣзжаетъ коляска, голубая съ бѣлой обивкой, та самая, что все мимо насъ ѣздила: — еще вы хвалили. Смотрю, выходитъ маменька съ какимъ-то мужчиной. Вошли; маменька и говоритъ: «Вотъ, графъ, это моя дочь; прошу любить да жаловать». Онъ поклонился и я тоже. Мнѣ стыдно стало, я покраснѣла и убѣжала въ свою комнату. А маменька — такая несносная — слышу, говоритъ: «Извините, графъ, она у меня такая дикарка»... Тутъ я и догадалась, что это долженъ быть нашъ сосѣдъ, графъ Новинскій. Вѣрно онъ завезъ маменьку въ экипажѣ отъ Марьи Ивановны, отъ дождя.

— Онъ... старикъ?—спросилъ Александръ.

— Какой старикъ, фи! что вы: молодой, хорошенькій!..

— Ужъ вы успѣли разсмотрѣть, что хорошенькій! — съ досадою сказалъ Александръ.

— Вотъ прекрасно! долго ли разсмотрѣть? Я съ нимъ ужъ говорила. Ахъ! онъ прелюбезный: расспрашивалъ что я дѣлаю; о музыкѣ говорилъ; просилъ спѣть что-нибудь, да я не стала, я почти не умѣю. Нынѣшней зимой непременно попрошу папана взять мнѣ хорошаго учителя пѣнія. Графъ говоритъ, что это нынче очень въ модѣ—пѣть.

Все это было сказано съ необыкновенной живостью.

— Я думалъ, Надежда Александровна, — замѣтилъ Адуевъ: — что нынѣшней зимой у васъ, кромѣ пѣнія, будетъ занятіе...

— Какое же?

— Какое!—съ упрекомъ сказалъ Александръ.

— Ахъ! да... что вы на лодкѣ сюда пріѣхали?

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Она повернулась и пошла къ дому.

Адуевъ не совсѣмъ покойно вошелъ въ залу. Что за графъ! Какъ съ нимъ вести себя? каковъ онъ въ обращеніи? гордъ? небреженъ? Вошелъ. Графъ первый всталъ и

вѣжливо поклонился. Александръ отвѣчалъ принужденнымъ и неловкимъ поклономъ. Хозяйка представила ихъ другъ другу. Графъ почему-то не нравился ему; а онъ былъ прекрасный мужчина: высокій, стройный блондинъ, съ большими выразительными глазами, съ пріятной улыбкой. Въ манерахъ простота, изящество, какая-то мягкость. Онъ, кажется, расположилъ бы къ себѣ всякаго, но Адуева не расположилъ.

Александръ, несмотря на приглашеніе Марьи Михайловны—сѣсть поближе, сѣлъ въ уголь и сталъ смотрѣть въ книгу, что было очень не свѣтски, неловко, неумѣстно. Наденька стала за кресломъ матери, съ любопытствомъ смотрѣла на графа и слушала, что и какъ онъ говоритъ: онъ былъ для нея новостью.

Адуевъ не умѣлъ скрыть, что графъ не нравился ему. Графъ, казалось, не замѣчалъ его грубости: онъ былъ внимателенъ и обращался къ Адуеву, стараясь сдѣлать разговоръ общимъ. Все напрасно: тотъ молчалъ, или отвѣчалъ: да и нѣтъ.

Когда Любецкая случайно повторила его фамилію, графъ спросилъ, не родня ли ему Петръ Иванычъ.

— Дядя!—отвѣчалъ отрывисто Александръ.

— Я съ нимъ часто встрѣчаюсь въ свѣтѣ, — сказалъ графъ.

— Можетъ-быть. Что жъ тутъ мудренаго? — отвѣчалъ Адуевъ и пожалъ плечами.

Графъ скрылъ улыбку, закусивъ немного нижнюю губу. Наденька переглянулась съ матерью, покраснѣла и потупила глаза.

— Вапъ дядюшка умный и пріятный человекъ! — замѣтилъ графъ тономъ легкой ироніи.

Адуевъ молчалъ.

Наденька не вытерпѣла, подошла къ Александру, и пока

графъ говорилъ съ ея матерью, шепнула ему:—какъ вамъ не стыдно! графъ такъ ласковъ съ вами, а вы?...

— Ласковъ! — съ досадою, почти вслухъ отвѣчалъ Александръ: — я не нуждаюсь въ его ласкахъ, не повторяйте этого слова...

Наденька отскочила отъ него прочь и издали долго глядѣла на него неподвижно, сдѣлавъ большіе глаза, потомъ стала опять за стуломъ матери и не обращала уже вниманія на Александра.

А Адуевъ все ждалъ, вотъ графъ уйдетъ, и онъ, наконецъ, успеетъ переговорить съ матерью. Но пробило десять, одиннадцать часовъ, графъ не уходитъ и все говоритъ.

Всѣ предметы, около которыхъ обыкновенно вертятся разговоръ въ началѣ знакомства, истощились. Графъ началъ шутить. Онъ шутилъ умно: въ его шуткахъ — ни малѣйшей принужденности, ни претензіи на остроуміе, а такъ что-то занимательное, какая-то особенная способность забавно рассказать, даже не анекдотъ, а просто новость, случай, или однимъ неожиданнымъ словомъ серьезную вещь превратить въ смѣшную.

И мать, и дочь совершенно поддались вліянію его шутокъ, и самъ Александръ не разъ прикрывалъ книгой невольную улыбку. Но онъ бѣсился въ душѣ.

Графъ говорилъ обо всемъ одинаково хорошо, съ тактомъ, и о музыкѣ, и о людяхъ, и о чужихъ краяхъ. Зашелъ разговоръ о мужчинахъ, о женщинахъ: онъ побранилъ мужчинъ, въ томъ числѣ и себя, ловко похвалилъ женщинъ вообще, и сдѣлалъ нѣсколько комплиментовъ хозяйкамъ въ особенности.

Адуевъ подумалъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ, о стихахъ. «Вотъ тутъ бы я его срѣзаль», подумалъ онъ. Заговорили и о литературѣ; мать и дочь рекомендовали Александра, какъ писателя.

«Вотъ сконфузится-то!» подумалъ Адуевъ.

Вовсе нѣтъ. Графъ говорилъ о литературѣ, какъ будто никогда ничѣмъ другимъ не занимался; сдѣлалъ нѣсколько бѣглыхъ и вѣрныхъ замѣчаній о современныхъ русскихъ и французскихъ знаменитостяхъ. Вдобавокъ ко всему оказалось, что онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ первоклассными русскими литераторами, а въ Парижѣ познакомился съ нѣкоторыми и изъ французскихъ. О немногихъ отозвался онъ съ уваженіемъ, другихъ слегка очертилъ въ карикатурѣ.

О стихахъ Александра онъ сказалъ, что не знаетъ ихъ и не слыхалъ...

Наденька какъ-то странно посмотрѣла на Адуева, какъ будто спрашивая: «что жъ, братъ, ты? не далеко уѣхалъ...»

Александръ оробѣлъ. Дерзкая и грубая мина уступила мѣсто унынію. Онъ походилъ на пѣтуха съ мокрымъ хвостомъ, прячущагося отъ непогоды подъ навѣсъ.

Вотъ въ буфетѣ зазвенѣли стаканами, ложками, накрываютъ столъ, а графъ не уходитъ. Исчезла всякая надежда. Онъ даже согласился на приглашеніе Любецкой остаться и поужинать простокваши.

«Графъ, а ѣсть простоквашу!» шептала Адуевъ, съ ненавистью глядя на графа.

Графъ ужиналъ съ аппетитомъ, продолжая шутить, какъ будто онъ былъ у себя.

— Въ первый разъ въ домѣ, безсовѣстный, а ѣсть за троихъ!—шепнулъ Александръ Наденькѣ.

— Что жъ! онъ *кушать* хочетъ!—отвѣчала она просто-душно.

Графъ, наконецъ, ушелъ, но говорить о дѣлѣ было поздно. Адуевъ взялъ шляпу и побѣжалъ вонъ. Наденька нагнала его и успѣла успокоить.

— Такъ завтра?—спросилъ Александръ.

— Завтра насъ дома не будетъ.

— Ну, послѣзавтра.

Они разстались.

Послѣзавтра Александръ пріѣхалъ пораньше. Еще въ саду до него изъ комнаты доносились незнакомые звуки... віолончель не віолончель... Онъ ближе... поетъ мужской голосъ, и какой голосъ! звучный, свѣжій, который такъ, кажется, и просится въ сердце женщины. Онъ дошелъ до сердца и Адуева, но иначе: оно замерло, заняло отъ тоски, зависти, ненависти, отъ неяснаго и тяжелаго предчувствія. Александръ вошелъ въ переднюю со двора.

— Кто у васъ?—спросилъ онъ у человѣка.

— Графъ Новинскій.

— Давно?

— Съ шести часовъ.

— Скажи тихонько барышнѣ, что я былъ и зайду опять.

— Слушаю-съ.

Александръ вышелъ вонъ и пошелъ бродить по дачамъ, едва замѣчая куда идетъ. Часа черезъ два онъ воротился.

— Что, все еще у васъ?—спросилъ онъ.

— У насъ; да, кажется, кушать останутся. Барыня приказала жарить рябчиковъ къ ужину.

— А ты говорилъ барышнѣ обо мнѣ?

— Говорилъ-съ.

— Ну, что жъ она?

— Ничего не изволила приказывать.

Александръ уѣхалъ домой и не являлся два дня. Богъ знаетъ, что онъ передумалъ и перечувствовалъ; наконецъ, поѣхалъ.

Вотъ онъ завидѣлъ дачу, всталъ въ лодкѣ и, прикрывъ глаза рукой отъ солнца, смотрѣлъ впередъ. Вонъ между деревьями мелькаетъ синее платье, которое такъ ловко сидитъ на Наденькѣ; синій цвѣтъ такъ къ лицу ей. Она всегда надѣвала это платье, когда хотѣла особенно нравиться Александру. У него отлегло отъ сердца.

«А! она хочетъ вознаградить меня за временную, неволь-

ную небрежность», думалъ онъ: «не она, а я виноватъ: какъ можно было такъ непростительно вести себя? этимъ только вооружилъ противъ себя; чужой человѣкъ, новое знакомство... очень натурально, что она, какъ хозяйка... А! вонъ выходитъ изъ-за куста съ узенькой тропинки, идетъ къ рѣшеткѣ, тутъ остановится и будетъ ждать...»

Она, точно, вышла на большую аллею... но кто жъ еще съ ней поворачиваетъ съ дорожки?...

— Графъ!—горестно, вслухъ воскликнулъ Александръ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Ась?—откликнулся одинъ гребець.

— Одна съ нимъ въ саду...—шепнулъ Александръ:—какъ со мной.

Графъ съ Наденькой подошли къ рѣшеткѣ и, не взглянувъ на рѣку, повернулись и медленно пошли по аллеѣ назадъ. Онъ поклонился къ ней и говорилъ что-то тихо. Она шла, потупя голову.

Адуевъ все стоялъ въ лодкѣ, съ раскрытымъ ртомъ, не шевелясь, протянувъ руки къ берегу, потомъ опустил ихъ и сѣлъ. Гребцы продолжали грести.

— Куда вы?—бѣшено закричалъ на нихъ Александръ, опомнившись.—Назадъ!

— Назадъ ѣхать?—повторилъ одинъ, глядя на него, разинувъ ротъ.

— Назадъ! глухъ, что ли, ты?

— А туда не понадобится?

Другой гребець, молча, проворно сталъ забирать весломъ слѣва, потомъ ударили въ два весла, и лодка быстро помчалась обратно. Александръ нахлобучилъ шляпу чуть не до плечъ и погрузился въ мучительную думу.

Послѣ того онъ не ѣздилъ къ Любецкимъ двѣ недѣли.

Двѣ недѣли: какой срокъ для влюбленнаго! Но онъ все ждалъ: вотъ приплывутъ человѣка узнать, что съ нимъ? не боленъ ли? какъ это всегда дѣлалось, когда онъ захвораетъ,

или такъ, закаривничаютъ. Наденька сначала, бывало, отъ имени матери сдѣлаетъ вопросъ по формѣ и потомъ чего не напишетъ отъ себя? Какіе милые упреки, какое нѣжное безпокойство! что за нетерпѣніе!

«Нѣтъ, теперь я не сдамся скоро», думалъ Александръ: «я ее помучаю. Я научу ее, какъ должно обходиться съ постороннимъ мужчиной; примиреніе будетъ не легко!»

И онъ задумалъ жестокой планъ мщенія, мечталъ о раскаяніи, о томъ, какъ онъ великодушно проститъ и дастъ наставленіе. Но къ нему не шлютъ человека и не несутъ повинной; онъ какъ будто не существовалъ для нихъ.

Онъ похудѣлъ, сдѣлался блѣденъ. Ревность мучительнѣе всякой болѣзни, особенно ревность по подозрѣніямъ, безъ доказательствъ. Когда является доказательство, тогда конецъ и ревности, большею частію и самой любви, тогда знаютъ, по крайней мѣрѣ, что дѣлать, а до тѣхъ поръ— мѣка! и Александръ испытывалъ ее вполнѣ.

Наконецъ, онъ рѣшился поѣхать утромъ, думая застать Наденьку одну и объясниться съ ней.

Пріѣхалъ. Въ саду никого не было, въ залѣ и гостиной тоже. Онъ вышелъ въ переднюю, открылъ дверь на дворъ...

Какая сцена представилась ему! Два жокея, въ графской ливреѣ, держали верховыхъ лошадей. На одну изъ нихъ графъ и человекъ сажали Наденьку; другая приготовлена была для самого графа. На крыльцѣ стояла Марья Михайловна. Она, наморщившись, съ безпокойствомъ смотрѣла на эту сцену.

— Крѣпче сиди, Наденька,—говорила она.—Посмотрите, графъ, за ней, ради Христа! Ахъ! я боюсь, ей-Богу, боюсь. Придерживайся за ухо лошади, Наденька: видишь, она точно бѣсъ—такъ и юлитъ.

— Ничего, татап,—весело сказала Наденька:—я вѣдь ужъ умѣю ѣздить: посмотрите.

Она хлеснула лошадь, та бросилась впередъ и начала прыгать и рваться на мѣстѣ.

— Ахъ, ахъ! держите! — закричала Марья Михайловна, махая рукой:—перестань, убѣть!

Но Наденька потянула поводья, и лошадь стала.

— Видите, какъ она меня слушается!—сказала Наденька и погладила лошадь по шеѣ.

Адуева никто и не замѣтилъ. Онъ, блѣдный, молча смотрѣлъ на Наденьку, а она, какъ на смѣхъ, никогда не казалась такъ хороша, какъ теперь. Какъ шла къ ней амазонка и эта шляпка съ зеленой вуалью! какъ обрисовывалась ея талія! Лицо одушевлено было стыдливою гордостью и роскошью новаго ощущенія. Румянецъ то пропадалъ, то выступалъ, отъ удовольствія, на щекахъ. Лошадь слегка прыгала и заставляла стройную наездницу граціозно наклоняться и откидываться назадъ. Станъ ея покачивался на сѣдлѣ, какъ стебель цвѣтка, колеблемый вѣтеркомъ. Потомъ жокей подвелъ лошадь графу.

— Графъ! мы опять черезъ рошу поѣдемъ? — спросила Наденька.

«Опять!» подумалъ Адуевъ.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ графъ.

Лошади тронулись съ мѣста.

— Надежда Александровна! — вдругъ закричалъ Адуевъ какимъ-то дикимъ голосомъ.

Всѣ остановились, какъ вкопанные, какъ будто окаменѣли, и смотрѣли въ недоумѣніи на Александра. Это продолжалось съ минуту.

— Ахъ, это Александръ Федорычъ!—первая сказала мать, опомнившись. Графъ привѣтливо поклонился. Наденька проворно откинула вуаль отъ лица, обернулась и посмотрѣла на него съ испугомъ, открывъ немного ротикъ, потомъ быстро отвернулась, стегнула лошадь, та рванулась впередъ и въ два прыжка исчезла за воротами; за нею пустился графъ.

— Тихе, тихе, ради Бога, тихе!—кричала мать вслѣдъ:— за ухо держи. А! Господи, Боже мой, того и гляди упадетъ: что это за страсти такія!

И все пропало; слышенъ былъ только лошадиный топотъ, да пыль облакомъ поднялась съ дороги. Александръ остался съ Любецкой. Онъ молча смотрѣлъ на нее, какъ-будто спрашивалъ глазами: «что это значитъ?» Та не заставила долго ждать отвѣта.

— Уѣхали,—сказала она:—и слѣдъ простылъ! Ну, пусть молодежь порѣзвится, а мы съ вами побесѣдуемъ, Александръ Ѳедорычъ. Да что это двѣ недѣли о васъ ни слуху, ни духу: разлюбили что ли насъ?

— Я былъ боленъ, Марья Михайловна, — угрюмо отвѣчалъ онъ.

— Да, это видно: вы похудѣли и блѣдные такіе! Сядьте-ка поскорѣй, отдохните; да не хотите ли, я прикажу сварить яичекъ въ сметку? до обѣда еще долго.

— Благодарю васъ; я не хочу.

— Отчего? вѣдь сейчасъ будутъ готовы, а яйца славныя: чухонецъ только сегодня принесъ.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ.

— Что жъ это съ вами? А я все жду да жду, думаю: что жъ это значитъ, и самъ не ѣдетъ и книжекъ французскихъ не везетъ? Помните, вы обѣщали что-то: «Reau de chagrin», что ли? Жду, жду—нѣтъ! разлюбилъ, думаю, Александръ Ѳедорычъ, насъ, право, разлюбилъ.

— Я боюсь, Марья Михайловна, не разлюбил ли вы меня?

— Грѣхъ вамъ бояться этого, Александръ Ѳедорычъ! Я люблю васъ, какъ родного; вотъ не знаю, какъ Наденька; да она еще ребенокъ: что смыслить? гдѣ ей цѣнить людей! Я каждый день твержу ей: что это, моль, Александра Ѳедорыча не видать, что не ѣдетъ? и все поджидаю. Повѣрите ли, каждый день до пяти часовъ обѣдать не садилась, все думала: вотъ подѣдетъ. Ужъ и Наденька говоритъ

иногда: «что это, маман, кого вы ждете? мнѣ кушать хочется, и графу, я думаю, тоже...»

— А графъ... часто бываетъ?..—спросилъ Александръ.

— Да почти каждый день, а иногда по два раза въ одинъ день; такой добрый, такъ полюбилъ насъ... Ну, вотъ, говорить Наденька: «ѣсть хочу, да и только! пора за столъ». — «А какъ Александръ Федорычъ, говорю я, будетъ?..» — «Не будетъ, говоритъ она, хотите пари, что не будетъ? нечего ждать...» — Любецкая рѣзала Александра этими словами, какъ ножомъ.

— Она... такъ и говорила? — спросилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Да, такъ-таки и говоритъ и торопитъ. Я вѣдь строга, даромъ что смотрю такой доброй. Я ужъ бранила ее: «то ждешь, молъ, его до пяти часовъ, не обѣдаешь, то вовсе не хочешь подождать—безтолковая! нехорошо! Александръ Федорычъ старый нантъ знакомый, любитъ насъ, и дяденька его, Петръ Иванычъ, много намъ расположенія своего показалъ... нехорошо такъ небрежничать! онъ, пожалуй, разсердится да не станетъ ходить...»

— Что жъ она?—спросилъ Александръ.

— А ничего. Вѣдь вы знаете, она у меня такая живая—вскочить, запоесть, да побѣжить, или скажетъ: «пріѣдетъ, если захочетъ!» такая рѣзвуха! и я думаю — пріѣдетъ! Смотришь еще день пройдетъ — нѣтъ! Я опять: «что это, Наденька, здоровъ ли Александръ Федорычъ!» — «Не знаю, говоритъ, маман, мнѣ почему знать?» — «Пошлемъ-ка узпать, что съ нимъ?» Пошлемъ да пошлемъ, да такъ вотъ и послали: я-то забыла, понадѣялась на нее, а она у меня вѣтеръ. — Вотъ теперь далась ей эта ѣзда! увидала разъ графа верхомъ изъ окна и пристала ко мнѣ: «хочу ѣздить» да и только! Я туда, сюда, нѣтъ — «хочу!» Сумасшедшая! Нѣтъ, въ мое время какаля верховая ѣзда! насъ совсѣмъ не такъ воспитывали. А нынче, ужасъ сказать, дамы стали

ужь покуривать: вонъ, напротивъ насъ молодая вдова живетъ: сидитъ на балконѣ да соломинку цѣлый день и курить; мимо ходить, ѣздить—ей и нужды нѣтъ! Бывало, у насъ, если и отъ мужчины въ гостиной пахнетъ табакомъ...

— Давно это началось?—спросилъ Александръ.

— Да не знаю, говорятъ, лѣтъ съ пять въ моду вошло: вѣдь все отъ французовъ...

— Нѣтъ-съ, я спрашиваю: давно ли Надежда Александровна ѣздитъ верхомъ?

— Недѣли съ полторы. Графъ такой добрый, такой обходительный: чего, чего не дѣлаетъ для насъ; какъ ее балуетъ! Смотрите, сколько цвѣтовъ! все изъ его саду. Иной разъ совѣстно станеть. «Что это, говорю, графъ, вы ее балуете? она совсѣмъ ни на что не похожа будетъ!..» и ее побраню. Мы съ Марьей Ивановной да съ Наденькой были у него въ манежѣ: я вѣдь, вы знаете, сама за ней наблюдаю: ужь кто лучше матери усмотритъ за дочерью? я сама занималась воспитаніемъ и не хвастаясь скажу: дай Богъ всякому такую дочь! Тамъ при насъ Наденька и училась. Потомъ завтракали у него въ саду, да вотъ теперь каждый день и ѣздить. Что это, какой богатый у него домъ! мы смотрѣли: все такъ со вкусомъ, роскошно!

— Каждый день!—сказалъ Александръ, почти про себя.

— Да что жъ не потѣшить! сама тоже молода была... бывало...

— И долго они ѣздить?

— Часа по три. Ну, а вы чѣмъ это заболѣли?

— Я не знаю... у меня что-то грудь болитъ... — сказала онъ, прижавъ руку къ сердцу.

— Вы ничего не принимаете?

— Нѣтъ.

— Вотъ то-то молодые люди! все ничего, все до поры до времени, а тамъ и спохватятся, какъ время уйдетъ! Что жъ вамъ, ломить что ли, ноетъ, или рѣжетъ?

— И ломить, и ноетъ, и рѣжетъ! — разсѣянно сказалъ Александръ.

— Это простуда; сохрани Боже! не надо запускать, вы такъ уходите себя... можетъ воспаление сдѣлаться; и никакихъ лѣкарствъ! Знаете что? возьмите-ка оподельдоку да и трите на ночь грудь крѣпче, втирайте до-красна, а вмѣсто чаю пейте траву, я вамъ рецептъ дамъ.

Наденька воротилась блѣдная отъ усталости. Она бросилась на диванъ, едва переводя духъ.

— Смотри-ка! — говорила, приложивъ ей руку къ головѣ, Марья Михайловна: — какъ уходилась, часилу дышишь. Выпей воды, да поди переодѣнься, распусти шнуровку. Ужъ не доведетъ тебя эта ѣзда до добра!

Александръ и графъ пробыли цѣлый день. Графъ былъ неизмѣнно вѣжливъ и внимателенъ къ Александру, звалъ его къ себѣ взглянуть на садъ, приглашалъ раздѣлить прогулку верхомъ, предлагалъ ему лошадей.

— Я не умѣю ѣздить, — холодно сказалъ Адуевъ.

— Вы не умѣете? — спросила Наденька: — а какъ это весело! Мы опять завтра поѣдемъ, графъ?

Графъ поклонился.

— Полно тебѣ, Наденька, — замѣтила мать: — ты безпокоишь графа.

Ничто, однакожъ, не показывало, чтобы между графомъ и Наденькою существовали особенныя отношенія. Онъ былъ одинаково любезенъ и съ матерью, и съ дочерью, не искалъ случая говорить съ одной Наденькой, не бѣжалъ за нее въ садъ, глядѣлъ на нее точно такъ же, какъ и на мать. Ея свободное обращеніе съ нимъ и прогулки верхомъ объяснялись, съ ея стороны дикостью и неровностью характера, наивностью, можетъ-быть, еще недостаткомъ воспитанія, незнаніемъ условій свѣта, со стороны матери — слабостью и недалновидностью. Внимательность и услужливость графа и его ежедневныя посѣщенія можно было приписать сосѣд-

ству дачь и радушному приему, который онъ всегда находилъ у Любецкихъ.

Дѣло, кажется, естественное, если глядѣть на него простымъ глазомъ; но Александръ смотрѣлъ въ увеличительное стекло и видѣлъ многое... многое... что простымъ глазомъ не усмотришь.

«Отчего», спрашивалъ онъ себя: «перемѣнилась къ нему Наденька?»

Она ужъ не ждетъ его въ саду, встрѣчаетъ не съ улыбкой, а съ испугомъ, одѣвается съ нѣкоторыхъ поръ гораздо тщательнѣе. Нѣтъ небрежности въ обращеніи. Она осмотрительнѣе въ поступкахъ, какъ будто стала разсудительнѣе. Иногда у ней кроется въ глазахъ и въ словахъ что-то такое, что похоже на секретъ... Гдѣ милые капризы, дикость, шалости, рѣзвость? Все пропало. Она стала серьезна, задумчива, молчалива. Ее какъ будто что-то мучитъ. Она теперь похожа на всѣхъ дѣвицъ: такая же притворщица, такъ же жжетъ, такъ заботливо разспрашиваетъ о здоровьи... такъ постоянно внимательна, любезна по формѣ... къ нему... къ Александру! съ кѣмъ... о Боже! И сердце его замирало.

«Это не даромъ, не даромъ», твердилъ онъ самъ съ собою: «тутъ что-то кроется! Но я узнаю, во что бы то ни стало, и тогда горе...

Не поущу, чтобъ развратитель,
Огнемъ и вздохомъ и похвалъ,
Младое сердце искушалъ...
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лиленъ стебелекъ,
Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
Увяль, едва полураскрытый...»

И въ этотъ день, когда графъ уже ушелъ, Александръ старался улучшить минуту, чтобы поговорить съ Наденькой наединѣ. Чего онъ ни дѣлалъ? Взялъ книгу, которою она,

бывало, вызывала его въ садъ отъ матери, показала ей и пошелъ къ берегу, думая, вотъ сейчасъ прибѣжить. Ждалъ, ждалъ—нейдетъ. Онъ воротился въ комнату. Она сама читала книгу и не взглянула на него. Онъ сѣлъ подлѣ нея. Она не поднимала глазъ, потомъ спросила бѣгло, мимоходомъ, занимается ли онъ литературой, не вышло ли чего-нибудь новаго? О прошломъ ни слова.

Онъ заговорилъ съ матерью. Наденька ушла въ садъ. Мать вышла изъ комнаты и Адуевъ бросился также въ садъ. Наденька, завидѣвъ его, встала со скамьи и пошла не навстрѣчу ему, а по круговой аллеѣ, тихонько къ дому, какъ будто отъ него. Онъ ускорилъ шаги, и она тоже.

— Надежда Александровна! — закричалъ онъ издали: — мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ два слова.

— Пойдемте въ комнату: здѣсь сыро, — отвѣчала она.

Воротясь, она опять сѣла подлѣ матери. Александру чуть не сдѣлалось дурно.

— И вы нынче боитесь сырости? — сказала онъ съ колкостью.

— Да, теперь такіе темные вечера, и холодные, — отвѣчала она, зѣвая.

— Скоро и переїдемъ, — замѣтила мать. — Потрудитесь, Александръ Федорычъ, зайти на квартиру и напомнить хозяину, чтобъ онъ передѣлалъ два замка у дверей, да ставню въ Наденькиной спальнѣ. Онъ обѣщалъ — забудеть, того гляди. Они все таковы: имъ лишь бы денежки взять.

Адуевъ сталъ прощаться.

— Смотрите же, не надолго! — сказала Марья Михайловна.

Наденька молчала.

Онъ ужъ подошелъ къ дверямъ и обернулся къ ней. Она сдѣлала три шага къ нему. Сердце у него встрепенулось.

«Наконецъ!» подумалъ онъ.

— Вы будете къ намъ завтра? — спросила она холодно,

но глаза ея устремились на него съ жаднымъ любопытствомъ.

— Не знаю; а что?

— Такъ, спрашиваю; будете ли?

— А вамъ бы хотѣлось?

— Будете вы завтра къ намъ?—повторила она тѣмъ же холоднымъ тономъ, но съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ съ досадою.

— А послѣзавтра?

— Нѣтъ; я не буду цѣлюю недѣлю, можетъ-быть, двѣ... долго!..—И онъ устремилъ на нее испытующій взглядъ, стараясь прочесть въ ея глазахъ, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ отвѣтъ.

Она молчала, но глаза ея въ одно мгновеніе съ его отвѣтомъ опустились внизъ, и что было въ нихъ? отуманила ли ихъ грусть, или блеснула въ нихъ молнія радости—ничего нельзя было прочесть на этомъ мраморномъ, прекрасномъ лицѣ.

Александръ стиснулъ шляпу въ рукѣ и пошелъ вонъ.

— Не забудьте потерять грудь оподельдокомъ!—кричала вслѣдъ Марья Михайловна.

И вотъ Александру опять задача — разбирать, къ чему былъ сдѣланъ Наденькою вопросъ? что въ немъ заключалось: желаніе или боязнь видѣть его?

— О, какая мѣка! какая мѣка! — говорилъ онъ въ отчаяніи.

Не выдержалъ бѣдный Александръ: пріѣхалъ на третій день. Наденька была у рѣшетки сада, когда онъ подъѣзжалъ. Онъ уже было обрадовался, но только-что онъ сталъ приближаться къ берегу, она, какъ будто не видя его, повернулась и, сдѣлавъ нѣсколько косвенныхъ шаговъ по дорожкѣ, точно гуляетъ безъ цѣли, пошла домой.

Онъ засталъ ее съ матерью. Тамъ было челоуѣка два изъ города, сосѣдка Марья Ивановна и неизбѣжный графъ.

Мученія Александра были невыносимы. Опять прошелъ цѣлый день въ пустыхъ ничтожныхъ разговорахъ. Какъ надоѣли ему гости! Они говорили покойно о всякомъ вздорѣ, разсуждали, шутили, смѣялись.

«Смѣются!» говорилъ Александръ: «они могутъ смѣяться, когда... Наденька... перемѣнилась ко мнѣ! Имъ это ничего! Жалкіе, пустые люди: всему радуются!»

Наденька ушла въ садъ; графъ не пошелъ съ ней. Съ нѣкотораго времени и онъ, и Наденька какъ будто избѣгали другъ друга при Александрѣ. Онъ иногда застанетъ ихъ въ саду или въ комнатѣ однихъ, но потомъ они разойдутся и при немъ уже не сходятся болѣе. Новое, страшное открытіе для Александра: знакъ, что они въ заговорѣ.

Гости разошлись. Ушелъ и графъ. Наденька этого не знала и не спѣшила домой. Адуевъ безъ церемоніи ушелъ отъ Марьи Михайловны въ садъ. Наденька стояла спиной къ Александру, держась рукой за рѣшѣтку и опершись головой на руку, какъ въ тотъ незабвенный вечеръ... Она не видала и не слыхала его прихода.

Какъ билось у него сердце, когда онъ крался къ ней на цыпочкахъ. Дыханіе у него замерло.

— Надежда Александровна! — едва слышно проговорилъ онъ въ волненіи.

Она вздрогнула, какъ будто подлѣ нея выстрѣлили, обернулась и отступила отъ него на шагъ.

— Скажите, пожалуйста, что это тамъ за дымъ? — заговорила она въ смущеніи, съ живостью указывая на противоположную сторону рѣки: — пожаръ что ли, или печка такая... на заводѣ?..

Онъ молча глядѣлъ на нее.

— Право, я думала пожаръ... Что вы такъ смотрите на меня, не вѣрите?..

Она замолчала.

— И вы, — началъ онъ, качая головой: — и вы, какъ

другія, какъ всё!.. Кто бы ожидать этого... мѣсяца два назадъ?..

— Что вы? я васъ не понимаю, — сказала она и хотѣла идти.

— Постойте, Надежда Александровна, я не въ силахъ долѣе сносить этой пытки.

— Какой пытки? я, право, не знаю...

— Не притворяйтесь, скажите, вы ли это? тѣ же ли вы, какія были?

— Я все та же! — сказала она рѣшительно.

— Какъ? вы не перемѣнились ко мнѣ?

— Нѣтъ: я, кажется, такъ же ласкова съ вами, такъ же весело встрѣчаю васъ...

— Такъ же весело! а зачѣмъ бѣжите отъ рѣшѣтки?..

— Я бѣгу? смотрите что выдумали: я стою у рѣшѣтки, а вы говорите — бѣгу.

Она принужденно засмѣялась.

— Надежда Александровна, оставьте лукавство! — продолжалъ Адуевъ.

— Какое лукавство? чтò вы пристали ко мнѣ?

— Вы ли это? Боже мой! полтора мѣсяца тому назадъ, еще здѣсь...

— Что это за дымъ такой на той сторонѣ, хотѣла бы я знать?..

— Ужасно! ужасно! — говорилъ Александръ.

— Да что я вамъ сдѣлала? Вы перестали къ намъ ѣздить — какъ хотите... удерживать противъ воли... — начала Наденька.

— Притворяетесь! будто вы не знаете, зачѣмъ я пересталъ ѣздить?

Она, глядя въ сторону, покачала головой.

— А графъ? — сказалъ онъ почти грозно.

— Какой графъ?

Она сдѣлала мину, какъ будто въ первый разъ слышитъ о графѣ.

— Какой? скажите еще,—говорилъ онъ, глядя ей прямо въ глаза:—что вы равнодушны къ нему?

— Вы съ ума сошли!—отвѣчала она, отступая отъ него.

— Да, вы не ошиблись! — продолжалъ онъ: — разсудокъ мой угасаетъ съ каждымъ днемъ... Можно ли такъ коварно, неблагодарно поступить съ человѣкомъ, который любилъ васъ больше всего на свѣтѣ, который все забылъ для васъ, все.... думалъ скоро быть счастливымъ навсегда, а вы...

— Что я?—говорила она, отступивъ еще.

— Что вы?—отвѣчалъ онъ, взбѣшенный этимъ хладнокровіемъ. — Вы забыли! я напомню вамъ, что здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, вы сто разъ клялись принадлежать мнѣ: «эти клятвы слышитъ Богъ!» говорили вы. Да, Онъ слышалъ ихъ! вы должны краснѣть и передъ небомъ, и передъ этими деревьями, передъ каждой травкой... все свидѣтель нашего счастья: каждая песчинка говоритъ здѣсь о нашей любви: смотрите, оглянитесь около себя!.. вы клятвопреступница!!

Она съ ужасомъ смотрѣла на него. Глаза его сверкали, губы побѣлѣли.

— У! какіе злые!—сказала она робко:—за что вы сердитесь? я вамъ не отказывала, вы еще не говорили съ маман... почему же вы знаете...

— Говорить послѣ этихъ поступковъ?..

— Какихъ поступковъ? я не знаю...

— Какихъ? сейчасъ скажу: что значать эти свиданія съ графомъ, эти прогулки верхомъ?

— Не бѣжать же мнѣ отъ него, когда маман выйдетъ изъ комнаты! а ѣзда верхомъ значить... что я люблю ѣздить... такъ пріятно: скачешь... ахъ, какая миленькая эта лошадка Люси! вы видѣли?.. она ужъ знаетъ меня...

— А перемѣна въ обращеніи со мной?... — продолжалъ онъ: — зачѣмъ графъ у васъ каждый день, съ утра до вечера?

— Ахъ, Боже мой! я почему знаю! какіе вы смѣшныя! маман такъ хочетъ.

— Неправда! маман хочетъ то, что вы хотите. Кому эти всѣ подарки, ноты, альбомы, цвѣты? все маман?

— Да, маман очень любитъ цвѣты. Вчера еще она купила у садовника...

— А о чемъ вы съ нимъ говорите виолголоса? — продолжалъ Александръ, не обращая вниманія на ея слова: — посмотрите, вы блѣднѣете, вы сами чувствуете свою вину. Разрушить счастье человѣка, забыть, уничтожить все такъ скоро, легко: лицемѣріе, неблагодарность, ложь, измѣна!.. да, измѣна!.. какъ могли вы допустить себя до этого? Богатый графъ, левъ, удостоилъ кинуть на васъ благосклонный взглядъ — и вы растаяли, пали ницъ передъ этимъ мишурнымъ солнцемъ; гдѣ стыдъ!!! Чтобъ графа не было здѣсь! — говорилъ онъ задыхающимся голосомъ: — слышите ли? оставьте, прекратите съ нимъ всѣ сношенія, чтобъ онъ забылъ дорогу въ вашъ домъ!.. я не хочу...

Онъ съ бѣшенствомъ схватилъ ее за руку.

— Маман, маман! сюда! — пронзительнымъ голосомъ закричала Наденька, вырываясь отъ Александра и, вырвавшись, опротясь бросилась бѣжать домой.

Онъ сѣлъ на скамью и схватился руками за голову.

Она прибѣжала въ комнату блѣдная, испуганная и упала на стулъ.

— Что ты? что съ тобой? что ты кричишь? — спросила встревоженная мать, идя ей навстрѣчу.

— Александръ Федорычъ... нездоровъ! — едва могла говорить она.

— Такъ что жъ такъ пугаться?

— Онъ такой страшный... шапан, не пускайте его, ради Бога, ко мнѣ.

— Какъ ты меня перепугала, сумасшедшая! Ну что жъ, что нездоровъ? я знаю, у него грудь болитъ. Что тутъ страшнаго? не чахотка! потретъ оподельдокомъ—все пройдетъ: видно не послушался, не потеръ.

Александръ опомнился. Горячка прошла, но мука его удвоилась. Сомнѣній онъ не прояснилъ, а перепугалъ Наденьку и теперь, конечно, не добьется отъ нея отвѣта: не такъ взялся за дѣло. Ему, какъ всякому влюбленному, вдругъ пришло въ голову и то: «ну, если она не виновата? можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ она равнодушна къ графу. Безтолковая мать приглашаетъ его каждый день: что же ей дѣлать? Онъ, какъ свѣтскій человѣкъ, любезенъ; Наденька—хорошенькая дѣвушка: можетъ-быть, онъ и хочетъ нравиться ей, да вѣдь это еще не значить, что ужъ и понравился. Ей: можетъ-быть, нравятся цвѣты, верховая ѣзда, невинныя развлечения, а не самъ графъ? Да положимъ даже, что тутъ есть немного и кокетства: развѣ это не простительно? другія и старше, да Богъ знаетъ, что дѣлають».

Онъ отдохнулъ, лучъ радости блеснулъ въ душѣ. Влюбленные все таковы: то очень слѣпы, то слишкомъ прозорливы. Притомъ же такъ пріятно оправдать любимый предметъ!

«А отчего же переѣмна въ обращеніи со мной?» вдругъ спрашивалъ онъ себя и снова блѣднѣлъ. «Зачѣмъ она убѣгаетъ меня, молчитъ, будто стыдится? зачѣмъ вчера, въ простой день, одѣлась такъ нарядно? гостей, кромѣ его, не было. Зачѣмъ спросила, скоро ли начнутся балеты?» Вопросъ простой; но онъ вспомнилъ, что графъ вскользь обѣщалъ доставать всегда ложу, несмотря ни на какія трудности, слѣдовательно онъ будетъ съ ними. «Зачѣмъ вчера ушла изъ саду? зачѣмъ не пришла въ садъ? зачѣмъ спрашивала то, зачѣмъ не спрашивала...»

И снова впалъ онъ въ тяжкія сомнѣнія и снова жестоко мучился и дошелъ до заключенія, что Наденька даже никогда его и не любила.

«Боже, Боже!» говорилъ онъ въ отчаяніи: «какъ тяжело, какъ горько жить! Дай мнѣ это мертвое спокойствіе, этотъ сонъ души...»

Черезъ четверть часа онъ пришелъ въ комнату, унылый, боязливый.

— Прощайте, Надежда Александровна, — сказалъ онъ робко.

— Прощайте, — отвѣчала она отрывисто, не поднимая глазъ.

— Когда позволите мнѣ придти?

— Когда вамъ угодно. Впрочемъ... мы на той недѣлѣ переѣзжаемъ въ городъ: мы вамъ дадимъ знать тогда...

Онъ уѣхалъ. Прошло болѣе двухъ недѣль. Всѣ уже переѣхали съ дачъ. Аристократическіе салоны засіяли снова. И чиновникъ засвѣтилъ двѣ стѣнные лампы въ гостиной, купилъ полпуда стеариновыхъ свѣчъ, разставилъ два карточные стола, въ ожиданіи Степана Иваныча и Ивана Степановича, и объявилъ женѣ, что у нихъ будутъ вторники.

А Адуевъ все не получалъ отъ Любецкихъ приглашенія. Онъ встрѣтилъ и повара ихъ, и горничную. Горничная, завидя его, бросилась бѣжать прочь: видно было, что она дѣйствовала въ духѣ барышни. Поваръ остановился.

— Что это вы, сударь, забыли насъ? — сказалъ онъ: — а мы ужъ недѣли полторы, какъ переѣхали.

— Да можетъ быть, вы... не разобрались, не принимаете?

— Какое, сударь, не принимаемъ: ужъ всѣ перебивали, только васъ нѣтъ; барыня не надивится. Вотъ его сіятельство такъ каждый день изволитъ жаловать... такой добрый баринъ. Я намедни ходилъ къ нему съ какой-то тетрадкой отъ барышни — красненькую пожаловать.

— Какой же ты дуракъ! — сказалъ Адуевъ и бросился бѣжать отъ болтуна.

Онъ прошелъ вечеромъ мимо квартиры Любецкихъ. Свѣтло.
У подъѣзда карета.

— Чья карета?—спросилъ онъ.

— Графа Новинскаго.

На другой, на третій день то же. Наконецъ, однажды онъ вошелъ. Мать приняла его радушно, съ упреками за отсутствіе, побранила, что не третъ грудь оподельдокомъ; Наденька — покойно, графъ — вѣжливо. Разговоръ не вязался.

Такъ былъ онъ раза два. Напрасно онъ выразительно глядѣлъ на Наденьку: она какъ будто не замѣчала его взглядовъ, а прежде какъ замѣчала! бывало, онъ говоритъ съ матерью, а она станетъ напротивъ него, сзади Марьи Михайловны, дѣлаетъ ему гримасы, шалитъ и смѣшитъ его.

Имъ овладѣла невыносимая тоска. Онъ думалъ о томъ только, какъ бы свергнуть съ себя этотъ добровольно взятый крестъ. Ему хотѣлось добиться объясненія.

«Какой бы ни былъ отвѣтъ», думалъ онъ: «все равно, лишь бы превратить сомнѣніе въ извѣстность».

Долго обдумывалъ онъ, какъ приняться за дѣло, наконецъ выдумалъ что-то и пошелъ къ Любецкимъ.

Все благопріятствовало ему. Кареты у подъѣзда не было. Тихо прошелъ онъ залу и на минуту остановился передъ дверями гостиной, чтобы перевести духъ. Тамъ Наденька играла на фортепіано. Дальше черезъ комнату сама Любецкая сидѣла на диванѣ и вязала шарфъ. Наденька, услышавши шаги въ залѣ, продолжала играть тише и вытянула головку впередъ. Она съ улыбкой ожидала появленія гостя. Гость появился и улыбка мгновенно исчезла; мѣсто ея замѣнилъ испугъ. Она немного измѣнилась въ лицѣ и встала со стула. Не этого гостя ожидала она.

Александръ молча поклонился и, какъ тѣнь, прошелъ дальше, къ матери. Онъ шелъ тихо, безъ прежней увѣренности, съ поникшей головой. Наденька сѣла и продолжала играть, озираясь, по временамъ, безпокойно назадъ.

Черезъ полчаса мать зачѣмъ-то вызвали изъ комнаты. Александръ пришелъ къ Наденькѣ. Она встала и хотѣла идти.

— Надежда Александровна! — сказалъ онъ уныло: — подождите, удѣлите мнѣ пять минутъ, не болѣе.

— Я не могу слушать васъ! — сказала она, и пошла-было прочь: — въ послѣдній разъ вы были...

— Я былъ виноватъ тогда. Теперь буду говорить иначе, даю вамъ слово: вы не услышите ни одного упрека. Не отказывайте мнѣ, можетъ-быть, въ послѣдній разъ. Объясненіе необходимо: вѣдь вы мнѣ позволили просить у маменьки вашей руки. Послѣ того случилось много такого... что... словомъ — мнѣ надо повторить вопросъ. Сядьте и продолжайте играть: маменька лучше не услышитъ; вѣдь это не въ первый разъ...

Она машинально повиновалась: слегка краснѣя, начала бранить аккорды и въ тревожномъ ожиданіи устремила на него взглядъ.

— Куда же вы ушли, Александръ Федорычъ? — спросила мать, воротясь на свое мѣсто.

— Я хотѣлъ поговорить съ Надеждой Александровной о... литературѣ, — отвѣчалъ онъ.

— Ну, поговорите, поговорите: въ самомъ дѣлѣ, давно вы не говорили.

— Отвѣчайте мнѣ коротко и искренно на одинъ только вопросъ, — началъ онъ вполголоса: — и наше объясненіе сейчасъ кончится... Вы меня не любите болѣе?

— Quelle idée! — отвѣчала она, смутившись: — вы знаете, какъ маман и я цѣнили всегда вашу дружбу... какъ были всегда рады вамъ...

Адуевъ посмотрѣлъ на нее и подумалъ: — «ты ли это, капризное, но искреннее дитя? эта шалунья, рѣзвуха? Какъ скоро выучилась она притворяться? какъ быстро развились въ ней женскіе инстинкты! Ужели мимые капризы были

зародышами лицемѣрія, хитрости?.. вотъ, и безъ дядиной методы, а какъ проворно эта дѣвушка образовалась въ женщину! и все въ иколѣ графа, и въ какіе-нибудь два, три мѣсяца! О, дядя, дядя! и въ этомъ ты безошибочно правъ!»

— Послушайте,—сказалъ онъ такимъ голосомъ, что маска вдругъ слетѣла съ притворицы: — оставимъ маменьку въ сторонѣ: сдѣлайтесь на минуту прежней Наденькой, когда вы немножко любили меня... и отвѣчайте прямо: мнѣ это нужно знать, ей-Богу, нужно.

Она молчала, только перемѣнила ноты и стала пристально разсматривать и разыгрывать какой-то трудный пассажъ.

— Ну, хорошо, я измѣню вопросъ,—продолжалъ Адуевъ:— скажите, не замѣнили ли—не назову даже кто—просто, не замѣнили ли кто-нибудь меня въ вашемъ сердцѣ?..

Она сняла со свѣчки и долго поправляла свѣтильню, но молчала.

— Отвѣчайте же, Надежда Александровна: одно слово избавить меня отъ муки, васъ—отъ непріятнаго объясненія.

— Ахъ, Боже мой, перестаньте! что я вамъ скажу? мнѣ нечего сказать!—отвѣчала она, отворачиваясь отъ него.

Другой удовольствовался бы такимъ отвѣтомъ и увидѣлъ бы, что ему не о чемъ больше хлопотать. Онъ понялъ бы все изъ этой безмолвной, мучительной тоски, написанной и на лицѣ ея, проглядывавшей и въ движеніяхъ. Но Адуеву было недовольно. Онъ, какъ палачъ, пыталъ свою жертву и самъ былъ одушевленъ какимъ-то дикимъ, отчаяннымъ желаніемъ выпить чашу разомъ и до конца.

— Нѣтъ!—говорилъ онъ:— кончите эту пытку сегодня; сомнѣнія, одного другого чернѣе, волнуютъ мой умъ, рвутъ на части сердце. Я измучился; я думаю, у меня лопнетъ Грудь отъ напряженія... мнѣ нечѣмъ увѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ; вы должны рѣшиться все сами; иначе я никогда не успокоюсь.

Онъ смотрѣлъ на нее и ждалъ отвѣта. Она молчала.

— Сжальтесь надо мной!— началъ онъ опять:— посмотрите на меня: похожъ ли я на себя? всѣ пугаются меня, не узнають... всѣ жалбють, вы однѣ только...

Точно: глаза его горѣли дикимъ блескомъ. Онъ былъ худъ, блѣденъ, на лбу выступилъ крупный потъ.

Она украдкой бросила на него взглядъ и во взглядѣ мелькнуло что-то похожее на сожалѣнiе. Она взяла его даже за руку, но тотчасъ же оставила ее со вздохомъ и все молчала.

— Что же?— спросилъ онъ.

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ!— сказала она съ тоской:— вы мучите меня вопросами...

— Умоляю васъ, ради Бога!— говорилъ онъ:— кончите все однимъ словомъ... Къ чему послужить вамъ скрытность? У меня останется глупая надежда, я не отстану, я буду ежедневно являться къ вамъ блѣдный, разстроенный... Я наведу на васъ тоску. Откажете отъ дому— стану бродить подъ окнами, встрѣчаться съ вами въ театрѣ, на улицѣ, всюду, какъ привидѣнiе, какъ *memento mori*. Все это глупо, можетъ-быть, смѣшно, кому до смѣху,—но мнѣ больно! Вы не знаете, что такое страсть, до чего она доводитъ! дай Богъ вамъ и не узнать никогда!.. Что жъ пользы? не лучше ли сказать вдругъ?

— Да о чемъ вы меня спрашиваете?— сказала Наденька, откинувшись на спинку кресла.— Я совсѣмъ растерялась... у меня голова точно въ туманѣ...

Она судорожно прижала руку ко лбу и тотчасъ же отняла.

— Я спрашиваю: замѣнилъ ли меня кто-нибудь въ нашемъ сердцѣ? одно слово — *да* или *нѣтъ* — рѣшить все; долго ли сказать!

Она хотѣла что-то сказать, но не могла и, потушивъ глаза, начала ударять пальцемъ по одному клавишу. Видно было, что она сильно боролась сама съ собой. «Ахъ!»

произнесла она наконецъ съ тоской. Адуевъ отеръ платкомъ лобъ.

— Да или нѣтъ?—повторилъ онъ, притаивъ дыханіе!
Прошло нѣсколько секундъ.

— Да или нѣтъ?

— Да!—прошептала Наденька чуть слышно, потомъ со всѣмъ наклонилась къ фортепіано и, какъ-будто въ забытіи, начала брать сильныя аккорды.

Это *да* раздалось едва внятно, какъ вздохъ, но оно оглушило Адуева; сердце у него будто оторвалось, ноги подкосились подъ нимъ. Онъ опустился на стулъ подлѣ фортепіано и молчалъ.

Наденька боязливо взглянула на него. Онъ смотрѣлъ на нее безмысленно.

— Александръ Ѳедорычъ!—закричала вдругъ мать изъ своей комнаты:—въ которомъ ухѣ звенить?

Онъ молчалъ.

— Маман васъ спрашиваетъ,—сказала Наденька.

— А?

— Въ которомъ ухѣ звенить?—кричала мать:—да поскорѣе!

— Въ обонхъ!—мрачно произнесъ Адуевъ.

— Экіе какіе, въ лѣвомъ! А я загадала, будетъ ли графъ сегодня.

— Графъ!—произнесъ Адуевъ.

— Простите меня!—сказала Наденька умоляющимъ голосомъ, бросившись къ нему:—я сама себя не понимаю... Это все сдѣлалось нечаянно, противъ моей воли... не знаю какъ... я не могла васъ обманывать...

— Я сдержу свое слово, Надежда Александровна,—отвѣчалъ онъ:—не сдѣлаю вамъ ни одного упрека. Благодарю васъ за искренность... вы много, много сдѣлали... сегодня... мнѣ трудно было слышать это *да*... но вамъ еще труднѣе

было сказать его... Прощайте; вы болѣе не увидите меня: одна награда за вашу искренность... но графъ, графъ!

Онъ стиснулъ зубы и пошелъ къ дверямъ.

— Да, — сказали онъ, воротясь: — къ чему это васъ поведетъ? Графъ на васъ не женится: какія у него намѣренія?..

— Не знаю! — отвѣчала Наденька, печально качая головой.

— Боже! какъ вы ослѣплены! — съ ужасомъ воскликнулъ Александръ.

— У него не можетъ быть дурныхъ намѣреній... — отвѣчала она слабымъ голосомъ.

— Берегитесь, Надежда Александровна!

Онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ ее и неровными шагами вышелъ изъ комнаты. На него страшно было смотрѣть. Наденька осталась неподвижна на своемъ мѣстѣ.

— Что жъ ты не играешь, Наденька? — спросила мать черезъ нѣсколько минутъ.

Наденька очнулась какъ будто отъ тяжелаго сна и вздохнула.

— Сейчасъ, маман! — отвѣчала она и, задумчиво склонивъ голову немного на сторону, робко начала перебирать клавиши. Пальцы у ней дрожали. Она видимо страдала отъ угрызений совѣсти и отъ сомнѣнія, брошеннаго въ нее словомъ: «берегитесь!» Когда пріѣхалъ графъ, она была молчалива, скучна; въ манерахъ ея было что-то принужденное. Она, подъ предлогомъ головной боли, рано ушла въ свою комнату. И ей въ этотъ вечеръ казалось горько жить на свѣтѣ.

Адуевъ только-что спустился съ лѣстницы, какъ силы измѣнили ему, онъ сѣлъ на послѣдней ступени, закрылъ глаза платкомъ и вдругъ началъ рыдать громко, но безъ слезъ. Въ это время мимо сѣней проходилъ дворникъ. Онъ остановился и послушалъ.

— Мароа, а Мароа! — закричалъ онъ, подошедши къ своей

засаленной двери: — подь-ка сюда, послушай, какъ тутъ кто-то реветъ, словно звѣрь. Я думалъ, не арапка ли наша сорвалась съ цѣпи, да нѣтъ, это не арапка.

— Нѣтъ, это не арапка!—повторила, вслушиваясь, Мароа.—Что за диковина?

— Поди-ка, принеси фонарикъ: тамъ, за печкой виситъ. Мароа принесла фонарикъ.

— Все реветъ?—спросила она.

— Реветь! Ужъ не мошенникъ ли какой забрался?

— Кто тутъ?—спросилъ дворникъ.

Нѣтъ отвѣта.

— Кто тутъ?—повторила Мароа.

Все тотъ же ревъ. Они вошли оба вдругъ. Адуевъ бросился вонъ.

— Ахъ, да это баринъ какой-то,—сказала Мароа, глядя ему вслѣдъ: — а ты выдумалъ: мошенникъ. Вишь вѣдь хватило ума сказать! Станетъ мошенникъ реветъ въ чужихъ сѣняхъ!

— Ну, такъ видно хмельнъ!

— Еще лучше!—отвѣчала Мароа: — ты думаешь всѣ въ тебя? не всѣ же пьяные ревуть, какъ ты.

— Такъ что жъ онъ, съ голоду что ли?—съ досадою замѣтилъ дворникъ.

— Что!—говорила Мароа, глядя на него и не зная, что сказать: — почему знать, можетъ, обронилъ что-нибудь — деньги...

Они оба вдругъ присѣли и начали съ фонарикомъ шарить по полу во всѣхъ углахъ.

— Обронилъ! — ворчала дворникъ, освѣщая полъ: — гдѣ тутъ обронить? лѣстница чистая, каменная, тутъ и иголку увидишь... обронилъ! Оно бы слышно было, кабы обронилъ: звякнетъ объ камень; чай, поднялъ бы! гдѣ тутъ обронить? негдѣ! обронилъ! какъ не обронилъ: таковскій, чтобъ обронилъ! того и гляди — обронить! нѣтъ: этакой, небось, самъ

норовить какъ бы въ карманъ положить! а то обронить! знаемъ мы ихъ, мазуриковъ! вотъ и обронилъ! гдѣ онъ обронилъ?

И долго еще ползали они по полу, ища потерянныхъ денегъ.

— Нѣтъ, нѣту! — сказалъ, наконецъ, дворникъ со вздохомъ, потомъ задулъ свѣчку и, сжавъ двумя пальцами свѣтильню, отеръ ихъ о тулупъ.

VI.

Въ этотъ же вечеръ, часовъ въ двѣнадцать, когда Петръ Иванычъ, со свѣчой и книгой въ одной рукѣ, а другою придерживая полу халата, шелъ изъ кабинета въ спальню ложиться спать, камердинеръ доложилъ ему, что Александръ Федорычъ желаетъ съ нимъ видѣться.

Петръ Иванычъ сдвинулъ брови, подумавъ немного, потомъ покойно сказалъ:

— Приси въ кабинетъ, я сейчасъ приду.

— Здравствуй, Александръ, — привѣтствовалъ онъ, воротясь туда, племянника: — давно мы съ тобой не видались. То днемъ тебя не дождешься, а тутъ вдругъ — бацъ ночью! Что такъ поздно? Да что съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ.

Александръ, не отвѣчая ни слова, сѣлъ въ кресла въ крайнемъ изнеможеніи. Петръ Иванычъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ.

Александръ вздохнулъ.

— Здоровъ ли ты? — спросилъ Петръ Иванычъ заботливо.

— Да, — отвѣчалъ Александръ слабымъ голосомъ: — двигаюсь, ѣмъ, пью, слѣдовательно здоровъ.

— Ты не шути, однако: посоветуйся съ докторомъ.

— Мнѣ ужъ совѣтовали и другіе, но никакіе доктора и оподельдоки не помогутъ: мой недугъ не физическій...

— Что же съ тобой? Не проигрался ли ты, или не потерялъ ли деньги? — съ живостью спросилъ Петръ Иванычъ.

— Вы никакъ не можете представить себѣ безденежнаго горя!—отвѣчала Александръ, стараясь улыбнуться.

— Что жъ за горе, если оно мѣднаго гроша не стоитъ, какъ иногда твое?..

— Да, вотъ какъ, на примѣръ, теперь. Вы знаете ли мое настоящее горе?

— Какое горе? Дома у тебя все обстоитъ благополучно: это я знаю изъ письма, которыми матушка твоя угощаетъ меня ежемѣсячно: въ службѣ ужъ ничего не можетъ быть хуже того, что было; подчиненнаго на шею посадили: это послѣднее дѣло. Ты говоришь, что ты здоровъ, денегъ не потерялъ, не проигралъ... вотъ что важно, а съ прочимъ со всѣмъ легко справиться; тамъ слѣдуетъ вздоръ, любовь, я думаю...

— Да, любовь; но знаете ли, что случилось? когда узнаете, такъ, можетъ-быть, перестанете такъ легко разсуждать, а ужаснетесь...

— Расскажи-ка; давно я не ужасался, — сказалъ дядя, садясь:—а впрочемъ, не мудрено и угадать: вѣроятно, надули...

Александръ вскопчилъ, хотѣлъ что-то сказать, но ничего не сказалъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Что, правда? Видишь: вѣдь я говорилъ, а ты: «нѣтъ, какъ можно!»

— Можно ли было предчувствовать?.. — сказалъ Александръ:—послѣ всего...

— Надо было не предчувствовать, а предвидѣть, то-есть знать—это вѣрнѣе—да и дѣйствовать такъ.

— Вы такъ покойно можете разсуждать, дядюшка, когда я...—сказалъ Александръ.

— Да мнѣ-то что?

— Я и забылъ: вамъ хоть весь городъ сгорел или провалился—все равно!

— Слуга покорный! а заводъ?

— Вы шутите, а я страдаю, не шучу; мнѣ тяжело, я точно боленъ.

— Да неужли ты отъ любви такъ похудѣлъ? Какой срамъ! Нѣтъ: ты былъ боленъ, а теперь начинаешь выздоравливать, да и пора! шутка ли, года полтора тянется глупость. Еще немного, такъ, пожалуй, и я бы повѣрилъ неизмѣнной и вѣчной любви.

— Дядюшка!—сказалъ Александръ:—пощадите меня: теперь адъ въ моей душѣ...

— Да! такъ что же?

Александръ подвинулъ свои кресла къ столу, а дядя началъ отодвигать отъ племянника чернильницу, presse-papier и прочее.

«Пришелъ ночью,» подумалъ онъ: «въ душѣ адъ... непремѣнно опять разобѣть что-нибудь».

— Утѣшенія я у васъ не найду, да и не требую,—началъ Александръ:—я прошу вашей помощи, какъ у дяди, какъ у родственника... Я кажусь вамъ глупъ—не правда ли?

— Да, если бѣ ты не былъ жалокъ.

— Такъ вамъ жаль меня?

— Очень. Развѣ я дерево? Малый добрый, умный, порядочно воспитанный, а пропадаетъ ни за копейку—и отчего отъ пустяковъ!

— Докажите же, что вамъ жаль меня.

— Чѣмъ же? Денегъ, ты говоришь, не нужно...

— Денегъ, денегъ! о, если бѣ мое несчастье было только въ безденежьи, я бы благословилъ свою судьбу!

— Не говори этого, — серьезно замѣтилъ Петръ Ивановичъ:—ты молодецъ—проклянешь, а не благословишь судьбу! Я, бывало, не разъ проклиналъ—я!

— Выслушайте же меня терпѣливо...

— Ты долго пробудешь, Александръ?—спросилъ дядя.

— Да, мнѣ нужно все ваше вниманіе; а что?

— Такъ вотъ видишь ли: мнѣ хочется поужинать. Я-было

собрался спать безъ ужина, а теперь, если просидимъ долго, такъ поужинаемъ. да выпьемъ бутылку вина, а между тѣмъ ты мнѣ все разскажешь.

— Вы можете ужинать? — спросилъ Александръ съ удивленіемъ.

— Да, и очень могу; а ты развѣ не станешь?

— Я — ужинать! да и вы не проглотите куска, когда узнаете, что дѣло идетъ о жизни и смерти.

— О жизни и смерти?.. — повторилъ дядя: — да, это, конечно, очень важно, а впрочемъ попробуемъ, авось проглотимъ.

Онъ позвонилъ.

— Спроси, — сказалъ онъ волшебному камердинеру: — что тамъ есть поужинать, да вели достать бутылку лафиту, за зеленой печатью.

Камердинеръ ушелъ.

— Дядюшка! вы не въ такомъ расположеніи духа, чтобъ слушать печальную повѣсть моего горя, — сказалъ Александръ, взявши шляпу: — я лучше приду завтра...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, — живо заговорилъ Петръ Ивановичъ, удерживая племянника за руку: — я всегда въ одномъ расположеніи духа. Завтра, того гляди, тоже застанешь за завтракомъ, или еще хуже — за дѣломъ. Лучше ужъ кончимъ разомъ. Ужинъ не портитъ дѣла. Я еще лучше выслушаю и пойму. На голодный желудокъ, знаешь, оно неловко...

Принесли ужинъ.

— Что же, Александръ, давай... — сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Да я не хочу, дядюшка, ѣсть! — сказалъ съ нетерпѣніемъ Александръ и пожалъ плечами, глядя, какъ дядя хлопоталъ надъ ужиномъ.

— По крайней мѣѣ хоть выпей рюмку вина: вино недурно!

Александръ потрясъ отрицательно головой.

— Ну, такъ возьми сигару да разсказывай, а я буду

слушать обоими ушами, — сказалъ Петръ Ивановичъ и живо принялся ѣсть.

— Вы знаете графа Новинскаго? — спросилъ Александръ, помолчавъ.

— Графа Платона?

— Да.

— Пріятели; а что?

— Поздравляю васъ съ такимъ пріятелемъ—подлецъ!

Петръ Ивановичъ вдругъ пересталъ жевать и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на племянника.

— Вотъ тебѣ на! — сказалъ онъ: — а ты развѣ знаешь его?

— Очень хорошо.

— Давно ли?

— Мѣсяца три.

— Какъ же такъ? Я лѣтъ пять его знаю и все считалъ порядочнымъ человѣкомъ, да и отъ кого ни послышишь— всѣ хвалятъ, а ты вдругъ такъ уничтожилъ его.

— Давно ли вы стали защищать людей, дядюшка? а прежде бывало...

— Я и прежде защищалъ порядочныхъ людей. А ты давно ли сталъ бранить ихъ, пересталъ называть ангелами?

— Пока не зналъ, а теперь... о, люди, люди, *жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!* Сознаюсь, кругомъ виновать, что не слушалъ васъ, когда вы совѣтовали остерегаться всякаго...

— И теперь посоветую; остерегаться не мѣшаетъ: если огажеться негодяй — не обманешься, а порядочный человѣкъ — приятно ошибешься.

— Укажите, гдѣ порядочные люди? — говорилъ Александръ съ презрѣніемъ.

— Вотъ хоть мы съ тобой — чѣмъ не порядочные? Графъ, если ужь о немъ зашла рѣчь, тоже порядочный человѣкъ; да мало ли? у всѣхъ есть что-нибудь дурное... а не все дурно и не всѣ дурны.

— Всѣ, всѣ!—рѣшительно сказалъ Александръ.

— А ты?

— Я? я, по крайней мѣрѣ, унесу изъ толпы разбитое, но чистое отъ низостей сердце, душу растерзанную, но безъ упрека во лжи, въ притворствѣ, въ измѣнѣ, не заражусь...

— Ну, хорошо, посмотримъ. Что же сдѣлалъ тебѣ графъ?

— Что сдѣлалъ? похитилъ все у меня.

— Говори опредѣлительнѣе. Подъ словомъ *все* можно разумѣть Богъ знаетъ что, пожалуй деньги: онъ этого не сдѣлаетъ...

— То, что для меня дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ,—сказалъ Александръ.

— Что жъ бы это такое было?

— Все—счастье, жизнь.

— Вѣдь ты живъ!

— Къ сожалѣнію—да! Но эта жизнь хуже ста смертей.

— Скажи же прямо, что случилось?

— Ужасно!—воскликнулъ Александръ.—Боже! Боже!

— Э! да не отбилъ ли онъ у тебя твою красавицу, эту... какъ ее? да! онъ мастеръ на это: тебѣ трудно тягаться съ нимъ. Повѣса! повѣса!—сказалъ Петръ Иванычъ, положивъ въ ротъ кусокъ индѣйки.

— Онъ дорого заплатитъ за свое мастерство! —сказалъ Александръ, вспыхнувъ:—я не уступлю безъ спора... Смерть рѣшить, кому изъ насъ владѣть Наденькой. Я истреблю этого пошлаго волокиту! не жить ему, не наслаждаться похищеннымъ сокровищемъ... Я сотру его съ лица земли!..

Петръ Иванычъ засмѣялся.

— Провинція! —сказалъ онъ:—à propos о графѣ, Александръ:—онъ не говорилъ, привезли ли ему изъ-за границы фарфоръ! Онъ весной выписывалъ партію: хотѣлось бы взглянуть...

— Не о фарфорѣ рѣчь, дядюшка; вы слышали, что я сказалъ?—грозно перебилъ Александръ.

— Мм-мъ!—промычалъ утвердительно дядя, обгладывая косточку.

— Что же вы скажете?

— Да ничего. Я слушаю, что ты говоришь.

— Выслушайте хоть разъ въ жизни внимательно: я пришелъ за дѣломъ, я хочу успокоиться, разрѣшить миллионъ мучительныхъ вопросовъ, которые волнуютъ меня... я растерялся... не помню самъ себя, помогите мнѣ...

— Изволь, я къ твоимъ услугамъ; скажи только, что нужно... я даже готовъ деньгами... если только не на пустяки...

— Пустяки! нѣтъ, не пустяки, когда, можетъ-быть, черезъ нѣсколько часовъ меня не станетъ на свѣтѣ, или я сдѣлаюсь убійцей... а вы смѣетесь, хладнокровно ужинаете.

— Прошу покорно! самъ, я думаю, наужинался, а другой не ужинай!

— Я двое сутокъ не знаю, что такое ѣсть.

— О, это въ самомъ дѣлѣ что-нибудь важное?

— Скажите одно слово: окажете ли вы мнѣ величайшую услугу?

— Какую?

— Согласитесь ли вы быть моимъ свидѣтелемъ?..

— Котлеты совсѣмъ холодныя! — замѣтилъ Петръ Ивановичъ съ неудовольствіемъ, отодвигая отъ себя блюдо.

— Вы смѣетесь, дядюшка?

— Самъ посуди, какъ слушать серьезно такой вздоръ: зоветь въ секунданты!

— Что же вы?

— Разумѣется что: не пойду.

— Хорошо; найдется другой, посторонній, кто приметъ участіе въ моей горькой обидѣ. Вы только возьмите на себя трудъ поговорить съ графомъ, узнать условія...

— Не могу: у меня языкъ не повернется предложить ему такую глупость.

— Так прощайте! — сказалъ Александръ, взявъ шляпу.

— Что! ужъ ты идешь? вина не хочешь выпить?..

Александръ пошелъ-было къ дверямъ, но у дверей сѣлъ на стулъ въ величайшемъ уныніи.

— Къ кому пойти, въ комъ искать участія?.. — сказалъ онъ тихо.

— Послушай, Александръ! — началъ Петръ Ивановичъ, отирая салфеткой ротъ и подвигая къ племяннику кресло: — я вижу, что съ тобой точно надо поговорить, не шутя. Поговоримъ же. Ты пришелъ ко мнѣ за помощью: я помогу тебѣ, только иначе, нежели какъ ты думаешь, и съ условіемъ — слушаться. Не зови никого въ свидѣтели: проку не будетъ. Изъ пустяковъ сдѣлаешь исторію, она разнесется вездѣ, тебя осмѣютъ или, еще хуже, сдѣлаютъ неприятность. Никто не пойдетъ, а если, наконецъ, найдется какой-нибудь сумасшедшій, такъ все напрасно: графъ не станетъ драться; я его знаю.

— Не станетъ! такъ въ немъ нѣтъ ни капли благородства! — со злостью замѣтилъ Александръ: — я не полагалъ, чтобъ онъ былъ низокъ до такой степени!

— Онъ не низокъ, только уменъ.

— Такъ, по вашему мнѣнію, я глупъ?

— Н...нѣтъ, влюбленъ, — сказалъ Петръ Ивановичъ съ разстановкой.

— Если вы, дядюшка, намѣрены объяснять мнѣ бессмысленность дуэли, какъ предразсудка, то я предупреждаю васъ — это напрасный трудъ: я останусь твердъ.

— Нѣтъ: это ужъ давно доказано, что драться — глупость вообще; да все дерутся; мало ли ословъ? ихъ не вразумишь. Я хочу только доказать, что тебѣ именно драться не слѣдуетъ.

— Любопытно, какъ вы убѣдите меня.

— Вотъ послушай. Скажи-ка, ты на кого особенно сердить, на графа или на нее... какъ се... Анжета, что ли?

— Я его ненавижу, ее презираю,—сказалъ Александръ.

— Начнемъ съ графа: положимъ, онъ приметъ твой вызовъ, положимъ даже, что ты найдешь дурака-свидѣтеля— что жъ изъ этого? Графъ убьетъ тебя, какъ муху, а послѣ надъ тобой же все будутъ смѣяться; хорошо мнѣнiе! А ты вѣдь не этого хочешь: тебѣ бы вонъ хотѣлось истребить графа.

— Неизвѣстно, кто кого убьетъ,—сказалъ Александръ.

— Навѣрное онъ тебя. Ты вѣдь, кажется, вовсе стрѣлять не умѣешь, а по правиламъ, первый выстрѣль—его.

— Тутъ рѣшить Божiй судъ.

— Ну, такъ воля твоя—онъ рѣшить въ его пользу. Графъ, говорятъ, въ пятнадцати шагахъ пулю въ пулю такъ и сажаетъ, а для тебя, какъ нарочно, и промахнется! Положимъ даже, что судъ Божiй и попустилъ бы такую неловкость и несправедливость: ты бы какъ-нибудь ненарочно и убилъ его—что жъ толку? развѣ ты этимъ воротить бы любовь красавицы? Нѣтъ, она бы тебя возненавидѣла, да притомъ тебя бы отдали въ солдаты... А главное, ты бы на другой же день сталъ рвать на себѣ волосы съ отчаянiя и тотчасъ охладѣлъ бы къ своей возлюбленной...

Александръ презрительно пожалъ плечами.

— Вы такъ ловко разсуждаете объ этомъ, дядюшка,—сказалъ онъ:—разсудите же, что мнѣ дѣлать въ моемъ положенiи?

— Ничего! оставить дѣло такъ: оно ужъ испорчено.

— Оставить счастье въ его рукахъ, оставить его гордымъ обладателемъ... о! можетъ ли остановить меня какая-нибудь угроза? Вы не знаете моихъ мученiй! вы не любили никогда, если думали помѣшать мнѣ этой холодной моралью... въ вашихъ жилахъ течетъ молоко, а не кровь...

— Полно дичь пороть, Александръ! мало ли на свѣтѣ такихъ, какъ твоя—Марья или Софья, что ли, какъ ее?

— Ее зовут Надеждой.

— Надежда? а какая же Софья?

— Софья... это въ деревнѣ,—сказалъ Александръ нехотя.

— Видишь ли? — продолжалъ дядя: — тамъ Софья, тутъ Надежда, въ другомъ мѣстѣ Марья. Сердце — преглубокій колодезь: долго не дощупаешься дна. Оно любитъ до старости...

— Нѣтъ, сердце любитъ однажды...

— И ты повторяешь слышанное отъ другихъ! Сердце любитъ до тѣхъ поръ, пока не истратитъ своихъ силъ. Оно живетъ своею жизнію и такъ же, какъ и все въ человѣкѣ, имѣетъ свою молодость и старость. Не удалась одна любовь, оно только замираетъ, молчитъ до другой; въ другой помѣшали, разлучили — способность любить опять останется неупотребленной до третьяго, до четвертаго раза, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, сердце не положитъ всѣхъ силъ своихъ въ одной какой-нибудь счастливой встрѣчѣ, гдѣ ничто не мѣшаетъ, а потомъ медленно и постепенно охладѣетъ. Инымъ любовь удалась съ перваго раза, вотъ они и кричатъ, что можно любить только однажды. Пока человѣкъ не старъ, здоровъ...

— Вы все, дядюшка, говорите о молодости, слѣдовательно о матеріальной любви...

— О молодости говорю, потому что старческая любовь есть ошибка, уродливость. И что за матеріальная любовь? Такой любви нѣтъ, или это не любовь, такъ точно, какъ нѣтъ одной идеальной. Въ любви равно участвуютъ и душа, и тѣло; въ противномъ случаѣ любовь неполна: мы не духи и не звѣри. Самъ же говоришь «течетъ въ жилахъ молоко, а не кровь». — Ну, такъ вотъ видишь ли: съ одной стороны возьми кровь въ жилахъ — это матеріальное, съ другой — самолюбіе, привычку — это духовное; вотъ тебѣ и любовь! На чемъ я остановился... да! въ солдаты: кромѣ того, послѣ этой исторіи, красавица тебя на глаза къ себѣ не пуститъ.

Ты попустому повредить бы и ей, и себѣ, — видишь ли? Надѣюсь, этотъ вопросъ мы съ одной стороны обработали окончательно. Теперь...

Петръ Иванычъ налилъ себѣ вина и выпилъ.

— Экой болванъ! — сказалъ онъ: — подавь холодный лафитъ.

Александръ смолчалъ, поникнувъ головой.

— Теперь скажи, — продолжалъ дядя, грѣя стаканъ съ виномъ въ обѣихъ рукахъ: — за что ты хотѣлъ стереть графа съ лица земли.

— Я ужъ сказалъ вамъ за что! не онъ ли уничтожилъ мое блаженство? Онъ, какъ дикій звѣрь, ворвался...

— Въ овчарню! — перебилъ дядя.

— Похитилъ все, — продолжалъ Александръ.

— Онъ не похитилъ, а пришелъ да и взялъ. Развѣ онъ обязанъ былъ справляться, занята ли твоя красавица, или нѣтъ? Я не понимаю этой глупости, которую, правду сказать, бѣлая часть любовниковъ дѣлаютъ отъ сотворенія міра до нашихъ временъ: сердиться на соперника! можетъ ли быть что-нибудь бессмысленнѣе — *стереть его съ лица земли!* за что? за то, что онъ понравился! какъ будто онъ виноватъ и какъ будто отъ этого дѣла пойдутъ лучше, если мы его накажемъ! А твоя... какъ ее! Катенька, что ли, развѣ противилась ему? сдѣлала какое-нибудь усиліе, чтобъ избѣжать опасности? Она сама отдалась, перестала любить тебя, нечего и спорить — не воротись! — А настаивать — это эгоизмъ! Требовать вѣрности отъ жены — тутъ есть еще смыслъ: тамъ заключено обязательство; отъ этого зависитъ часто существенное благосостояніе семейства; да и то нельзя требовать, чтобъ она никого не любила... а можно только требовать, чтобъ она... того... Да и ты самъ не отдалъ ли ее графу обѣими руками? оспаривалъ ли ты ее?

— Вотъ я и хочу оспаривать, — сказалъ Александръ, вскочивъ съ мѣста: — а вы останавливаете мой благородный порывъ...

— Оснашивать съ дубиной въ рукахъ!—перебить дядю:— мы не въ киргизской стени. Въ образованномъ мірѣ есть другое орудіе. За это надо было взяться во-время и иначе, вести съ графомъ дуэль другого рода, въ глазахъ твоей красавицы.

Александръ смотрѣлъ въ недоумѣніи на дядю.

— Какую же дуэль?—спросилъ онъ.

— А вотъ сейчасъ скажу. Ты какъ дѣйствовалъ до сихъ поръ?

Александръ, со множествомъ окончностей, смягченій, изворотовъ, кое-какъ, съ ужимками, разсказалъ весь ходъ дѣла.

— Видишь ли? самъ во всемъ кругомъ виноватъ,— при- молвилъ Петръ Ивановичъ, выслушавъ и сморщившись:— сколько глупостей надѣлано! Эхъ, Александръ, принесла тебя сюда нелегкая! стоило за этимъ ѣздить? Ты бы могъ все это продѣлать тамъ, у себя, на озерѣ, съ теткой. Ну, какъ можно такъ ребячиться, дѣлать сцены... обѣщаться? фи! Кто нынче это дѣлаетъ? Что если твоя... какъ ее? Юлія... разскажетъ все графу? Да нѣтъ, этого опасаться нечего, слава Богу! Она вѣрно такъ умна, что на вопросъ его о вашихъ отношеніяхъ сказала...

— Что сказала?—поспѣшно спросилъ Александръ.

— Что дурачила тебя, что ты былъ влюбленъ, что ты противный, надоѣлъ ей... какъ это онъ всегда дѣлаютъ...

— Вы думаете, что она... такъ и... сказала?—спросилъ Александръ, блѣднѣя.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Неужели ты воображаешь, что она разскажетъ, какъ вы тамъ въ саду собирали желтые цвѣты? Какая простота!

— Какая же дуэль съ графомъ?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Александръ.

— А вотъ какая: не надо было грубіянить, избѣгать его и дѣлать ему гримасы, а, напротивъ, отвѣчать на его лю-

безность вдвое, втрое, вдесятеро, а... эту, какъ ее? Паденьку? кажется, пональ? не раздражать упреками, снисходить къ ея капризамъ, показывать видъ, что не замѣчаешь ничего, что даже у тебя и предположенія объ измѣнѣ нѣтъ, какъ о дѣлѣ невозможномъ. Не надо было допускать ихъ сближаться до короткости, а разстраивать искусно, какъ будто ненарочно, ихъ свиданія съ-глазу-на-глазъ, быть всюду вмѣстѣ, ѣздить съ ними даже верхомъ, и между тѣмъ, тихомолкомъ вызывать, въ глазахъ ея, соперника на бой, и тутъ-то снарядить и двинуть впередъ всѣ силы своего ума, устроить главную батарею изъ остроумія, хитрости да и того... открывать и поражать слабыя стороны соперника такъ какъ-будто нечаянно, безъ умысла, съ добродушіемъ, даже нехотя, съ сожалѣніемъ, и мало-по-малу снять съ него эту драпировку, въ которой молодой человѣкъ рисуется передъ красавицей. Надо было замѣтить, что ее поражаетъ и ослабляетъ болѣе всего въ немъ, и тогда искусно нападать на эти стороны, объяснить ихъ просто, представлять въ обыкновенномъ видѣ, показать, что новый герой... такъ себѣ... и только для нея надѣлъ праздничный нарядъ... Но все это дѣлать съ хладнокровіемъ, съ терпѣніемъ, съ умѣньемъ—вотъ настоящая дуэль въ нашемъ вѣкѣ! Да гдѣ тебѣ!

Петръ Иванычъ выпилъ при этомъ стаканъ и тотчасъ опять налилъ вина.

— Презрѣнныя хитрости! прибѣгать къ лукавству, чтобъ овладѣть сердцемъ женщины!..—съ негодованіемъ замѣтилъ Александръ.

— А къ дубинѣ прибѣгаешь: развѣ это лучше? Хитростью можно удержать за собой чью-нибудь привязанность: а силой—не думаю. Желаніе удалить соперника мнѣ понятно: тутъ хлопчешь изъ того, чтобъ сберечь себѣ любимую женщину, предупреждаешь или отклоняешь опасность—очень натурально! но бить его за то, что онъ внушилъ любовь

къ себѣ—это все равно, что ушибиться и потомъ ударить то мѣсто, о которое ушибся, какъ дѣлають дѣти. Воля твоя, а графъ не виновать! Ты, какъ я вижу, ничего не смыслишь въ сердечныхъ тайнахъ, оттого твои любовныя дѣла и повѣсти такъ плохи.

— Любовныя дѣла!—сказалъ Александръ, качая съ презрѣніемъ головой:—но развѣ лестна и прочна любовь, внушенная хитростью?

— Не знаю, лестна ли, это какъ кто хочетъ, по мнѣ все равно: я вообще о любви невысокаго мнѣнія—ты это знаешь; мнѣ хоть ея и не будь совсѣмъ... но что прочіе—такъ это правда. Съ сердцемъ напрямикъ дѣйствовать нельзя. Это мудреный инструментъ: не знай, которую пружину тронуть, такъ она заиграетъ Богъ знаетъ что. Внуши чѣмъ хочешь любовь, а поддерживай умомъ. Хитрость—это одна сторона ума; презрѣннаго тутъ ничего нѣтъ. Не нужно унижать соперника и прибѣгать къ клеветѣ: этимъ вооруживъ красавицу противъ себя... надо только стряхнуть съ него тѣ блѣстки, которыми онъ ослѣпляетъ глаза твоей возлюбленной, сдѣлать его передъ ней простымъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, а не героемъ... Я думаю, простительно защищать свое добро благородной хитростью; ею и въ военномъ дѣлѣ не пренебрегаютъ. Вотъ ты женишься хотѣлъ: хорошъ былъ бы мужъ, если бъ сталъ дѣлать сцены женѣ, а соперникамъ показывать дубину—и былъ бы того...

Петръ Ивановичъ показалъ рукою на лобъ.

— Твоя Варенька была на двадцать процентовъ умнѣе тебя, когда предложила подождать годъ.

— Да могъ ли бы я хитрить, если бъ и умѣлъ? Для этого надо не такъ любить, какъ я. Иные притворяются подчасъ холодными, не являются по расчету нѣсколько дней—и это дѣйствуетъ... А я! притворяться, рассчитывать! когда, при взглядѣ на нее, у меня занимался духъ и колѣни дро-

жали и гнулись подо мной, когда я готовъ былъ на всё муки, лишь бы видѣть ее... Нѣтъ! что ни говорите, а для меня больше упоенія—любить всѣми силами души, хоть и страдать, нежели быть любимымъ, не любя, или любя какъ-то вполонину, для забавы, по отвратительной системѣ, и играть съ женщиной, какъ съ комнатной собачонкой, а потомъ оттолкнуть...

Петръ Иванычъ пожалъ плечами.

— Ну, такъ вотъ и страдай, если тебѣ сладко,—сказалъ онъ. — О, провинція! о, Азія! На Востокаѣ бы тебѣ жить: тамъ еще приказываютъ женщинамъ, кого любить; а не слушаютъ, такъ ихъ топятъ. Нѣтъ, здѣсь,—продолжалъ онъ, какъ будто самъ съ собой:—чтобъ быть счастливымъ съ женщиной, то-есть не по-твоему, какъ сумасшедшіе, а разумно,—надо много условій... надо умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, по методѣ, если хочешь, чтобъ она поняла и исполнила свое назначеніе. Надо очертить ее магическимъ кругомъ, не очень тѣсно, чтобъ она не замѣтила границъ и не переступила ихъ, хитро овладѣть не только ея сердцемъ—это что! это скользкое и непрочное обладаніе, а умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобъ она смотрѣла на вещи черезъ тебя, думала твоимъ умомъ...

— То-есть, сдѣлать ее куклой, или безмолвной рабой мужа!—перебилъ Александръ.

— Зачѣмъ? Устрой такъ, чтобъ она не измѣнила ни въ чемъ женскаго характера и достоинства. Предоставь ей свободу дѣйствій въ ея сферѣ, но пусть за каждымъ ея движеніемъ, вздохомъ, поступкомъ наблюдаетъ твой пронизывательный умъ, чтобъ каждое мгновенное волненіе, вспышка, зародышъ чувства, всегда и всюду встрѣчали, снаружи равнодушный, но не дремлющій глазъ мужа. Учреди постоянный контроль безъ всякой тиранин... да искусно, незамѣтно отъ нея, и веди ее желаемымъ путемъ... О, нужна

мудреная и тяжелая школа, и эта школа—умный и опытный мужчина—вотъ въ чемъ штука!

Онъ значительно кашлянулъ и залпомъ выпилъ стаканъ.

— Тогда, — продолжалъ онъ: — мужъ можетъ спать покойно, когда жена и не подлѣ него, или сидѣть беззаботно въ кабинетѣ, когда она спитъ...

— А! вотъ онъ, знаменитый секретъ супружескаго счастья!—замѣтилъ Александръ:—обманомъ приковать къ себѣ умъ, сердце, волю женщины—и утѣшаться, гордиться этимъ... это счастье! А какъ она замѣтитъ?

— Зачѣмъ гордиться?—промолвилъ дядя:—это не нужно!

— Смотри по тому, дядюшка, — продолжалъ Александръ:— какъ вы беззаботно сидите въ кабинетѣ, когда тетушка почиваетъ, я догадываюсь, что этотъ мужчина...

— Тс! тс!.. молчи, — заговорилъ дядя, махая рукой: — хорошо, что жена спитъ, а то... того...

Въ это время дверь въ кабинетъ начала потихоньку отворяться, но никто не показывался.

— А жена должна, — заговорилъ женскій голосъ изъ коридора:—не показывать вида, что понимаетъ великую школу мужа и завести маленькую свою, но не болтать о ней за бутылкой вина...

Оба Адуевы бросились къ дверямъ, но въ коридорѣ раздался быстрые шаги, шорохъ платья—и все утихло.

Дядя и племянникъ посмотрѣли другъ на друга.

— Что, дядюшка?—спросилъ племянникъ, помолчавъ.

— Чтò! ничего! — сказалъ Петръ Ивановичъ, нахмуривъ брови:—некетати похвастался. Учись, Александръ, а лучше не женись, или возьми дуру: тебѣ не сладить съ умной женщиной: мудрена школа!

Онъ задумался, потомъ ударилъ себя по лбу рукой.

— Какъ не сообразить, что она знала о твоёмъ позднемъ приходѣ?—сказалъ онъ съ досадою:—что женщина не уснетъ, когда черезъ комнату есть секретъ между двумя мужчинами,

что она непременно, или горничную подошлетъ, или сама... и не предвидѣть! глупо! а все ты да вотъ этотъ проклятый стаканъ лафиту! разболтался! Такой урокъ отъ двадцатилѣтней женщины...

— Вы боитесь, дядюшка!

— Чего бояться? нисколько! сдѣлалъ ошибку—не надо терять хладнокровія, надо умѣть выпутаться.

Онъ опять задумался.

— Она похвасталась,—началъ онъ потомъ:—какая у ней школа! у ней школы быть не могло: молода! это она такъ только... отъ досады! но теперь она замѣтила этотъ магическій кругъ, станетъ тоже хитрить... о, я знаю женскую натуру! Но посмотримъ...

Онъ гордо и весело улынулся; морщины разгладились на лбу.

— Только надо иначе повести дѣло,—прибавилъ онъ:—прежняя метода ни къ чорту не годится. Теперь надо...

Онъ вдругъ спохватился и замолчалъ, боязливо поглядывая на дверь.

— Но это все впереди,—продолжалъ онъ:—теперь займемся твоимъ дѣломъ, Александръ. О чемъ мы говорили? да! ты, кажется, хотѣлъ убить что ли свою, эту... какъ ее?

— Я ее слишкомъ глубоко презираю,—сказалъ Александръ, тяжело вздохнувъ.

— Вотъ видишь ли? ты ужъ вполонину и выльчнешь. Только правда ли это? ты, кажется, еще серднишься. Впрочемъ, презирай, презирай: это самое лучшее въ твоемъ положеніи. Я хотѣлъ-было сказать кое-что... да нѣтъ...

— Ахъ, говорите, ради Бога, говорите! —сказалъ Александръ:— у меня нѣтъ теперь ни искры разсудка. Я страдаю, гибну... дайте мнѣ своего холоднаго разума. Скажите все, что можетъ облегчить и успокоить больное сердце...

— Да, скажи тебѣ — ты, пожалуй, и опять воротнишься туда..

— Какая мысль! послѣ того...

— Ворочаются послѣ и не этого! честное слово — не пойдешь?

— Клятву, если угодно.

— Нѣтъ, честное слово: это вѣрнѣе.

— Честное слово.

— Ну, вотъ видишь ли: мы рѣшили, что графъ не виновать...

— Положимъ такъ; что же?

— Ну, а чѣмъ виновата твоя эта... какъ ее?

— Чѣмъ виновата Наденька!—съ изумленіемъ возразилъ Александръ:—она не виновата!

— Нѣтъ! ну, чѣмъ, скажи? ее не за что презирать.

— Не за что! нѣтъ, дядюшка, это ужъ изъ рукъ вонъ! Положимъ, графъ... еще такъ... онъ не зналъ... да и то нѣтъ! а она? кто же послѣ этого виновать? я?

— Да почти такъ, а въ самомъ-то дѣлѣ никто. Скажи, за что ты ее презираешь?

— За низкій поступокъ.

— Въ чемъ же онъ состоитъ?

— Заплатить неблагодарностью за высокую, безграничную страсть...

— За что тутъ благодарить? развѣ ты для нея, изъ угожденія къ ней любилъ? хотѣлъ услужить ей, что ли? такъ для этого ты бы лучше мать полюбилъ.

Александръ глядѣлъ на него и не зналъ, что сказать.

— Ты бы не долженъ былъ обнаруживать передъ ней чувства во всей силѣ: женщина охлаждается, когда мужчина выскажется весь... Ты бы долженъ былъ узнать ся характеръ, да и дѣйствовать сообразно этому, а не лежать, какъ собачонка у ногъ. Какъ это не узнать компаніона, съ которымъ имѣешь какое бы то ни было дѣло? Ты бы разглядѣлъ тогда, что отъ нея больше и ожидать нельзя. Она разыграла свой романъ съ тобой до конца, точно такъ

же разыграетъ его и съ графомъ и, можетъ-быть, еще съ кѣмъ-нибудь... больше отъ нея требовать нельзя: выше и дальше ей нейти! это не такая натура; а ты вообразилъ себѣ Богъ знаетъ что...

— Но зачѣмъ же она полюбила другого? — съ горестью перебилъ Александръ.

— Вотъ вина-то гдѣ: умный вопросъ! Ахъ, ты дикарь! А зачѣмъ ты ее полюбилъ? Ну, разлюби поскорѣе!

— Развѣ это отъ меня зависитъ?

— А развѣ отъ нея зависѣло полюбить графа? Самъ же твердилъ, что не надо стѣснять порывовъ чувства, а какъ дѣло дошло до самого, такъ зачѣмъ полюбила! Зачѣмъ такой-то умеръ, такая-то съ ума сошла? — какъ отвѣчать на такіе вопросы? Любовь должна же кончиться когда-нибудь: она не можетъ продолжаться вѣкъ.

— Нѣтъ, можетъ. Я чувствую въ себѣ эту силу сердца: я бы любилъ вѣчною любовью...

— Да! а полюби тебя покрѣпче, такъ и того... на попятный дворъ! всѣ такъ, знаю я!

— Пусть бы кончилась ея любовь, — сказалъ Александръ: — но зачѣмъ она кончилась такъ?..

— Не все ли равно? вѣдь тебя любили, ты наслаждался — и довольно!

— Отдалась другому! — говорилъ Александръ, блѣднѣя.

— А ты бы хотѣлъ, чтобъ она любила тихонько другого, а тебя продолжала увѣрять въ любви? Ну, ты самъ рѣши, что ей дѣлать, виновата ли она?

— О, я отмщу ей! — сказалъ Александръ.

— Ты неблагодаренъ, — продолжалъ Петръ Ивановичъ: — это дурно! Что бы женщина ни сдѣлала съ тобой, изменила, охладѣла, поступила, какъ говорятъ въ стихахъ, *коварно*. — вини природу, предавайся, пожалуй, по этому случаю, философскимъ размышленіямъ, брани міръ, жизнь, что хочешь, но никогда не посягай на личность женщины ни

словомъ, ни дѣломъ. Оружіе противъ женщины — снисхожденіе, наконецъ, самое жестокое — забвеніе! только это и позволяется порядочному человѣку. Вспомни, что полтора года ты вѣшался всѣмъ на шею отъ радости, не зналъ куда дѣваться отъ счастья! полтора года непрерывныхъ удовольствій! воля твоя—ты неблагодаренъ!

— Ахъ, дядюшка, для меня не было ничего на землѣ святѣе любви:—безъ нея жизнь не жизнь...

— А! — съ досадой перебилъ Петръ Иванычъ: — тошно слушать такой вздоръ!

— Я боготворилъ бы Наденьку, — продолжалъ Александръ: — и не позавидовалъ бы никакому счастью въ мірѣ: съ Наденькой мечталъ я провести всю жизнь—и что же? гдѣ эта благородная, колоссальная страсть, о которой я мечталъ? она разыгралась въ какую-то глупую, пигмеевскую комедію вздоховъ, сценъ, ревности, лжи, притворства— Воже! Воже!

— Зачѣмъ же ты воображалъ, чего не бываетъ? Не я ли твердилъ тебѣ, что ты до сихъ поръ хотѣлъ жить такою жизнью, какой нѣтъ? У человѣка, по-твоему, только и дѣла, чтобъ быть любовникомъ, мужемъ, отцомъ... а о другомъ ни о чемъ и знать не хочешь. Человѣкъ, сверхъ того, еще и гражданинъ, имѣетъ какое-нибудь званіе, занятіе—писатель что ли, помѣщикъ, солдатъ, чиновникъ, заводчикъ... А у тебя все это заслоняетъ любовь да дружба... что за Аркадія! Начитался романовъ, наслушался своей тетушки тамъ, въ глуши, и пріѣхалъ съ этими понятіями сюда. Выдумалъ еще—*благородную страсть!*

— Да, благородную!

— Полно, пожалуйста! развѣ есть благородныя страсти?

— Какъ?

— Да такъ. Вѣдь страсть, значить, когда чувство, влеченіе, привязанность или что-нибудь такое — достигло до той степени, гдѣ ужъ перестаетъ дѣйствовать разумъ?

Ну, что жъ тутъ благороднаго? я не понимаю; одно сумасшествіе — это не по-человѣчески. Да и зачѣмъ ты берешь одну только сторону медали? я говорю про любовь — ты возьми и другую и увидишь, что любовь не дурная вещь. Вспомни-ка счастливыя минуты: ты мнѣ уши прожужжалъ...

— О, не напоминайте, не напоминайте! — говорилъ Александръ, махая рукой: — вамъ хорошо такъ разсуждать, потому что вы увѣрены въ любимой вами женщинѣ; я бы желалъ посмотрѣть, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?..

— Что бы сдѣлалъ?.. поѣхалъ бы разсѣяться... на заводъ. Не хочешь ли завтра?

— Нѣтъ, мы съ вами никогда не сойдемся, — печально произнесъ Александръ: — вашъ взглядъ на жизнь не успокаиваетъ, а отталкиваетъ меня отъ нея. Мнѣ грустно, на душу вѣетъ холодъ. До сихъ поръ любовь спасала меня отъ этого холода; ея нѣтъ — и въ сердцѣ темеръ тоска; мнѣ страшно, скучно...

— Займись дѣломъ.

— Все это правда, дядюшка: вы и подобные вамъ могутъ разсуждать такъ. Вы отъ природы человѣкъ холодный... съ душой, неспособной къ волненіямъ...

— А ты воображаешь, что ты съ могучей душой? Вчера отъ радости былъ на седьмомъ небѣ, а чуть немного того... такъ и не умѣешь перенести горя.

— Парь, парь! — слабо, едва защищаясь, говорилъ Александръ: — вы мыслите, чувствуете и говорите точно, какъ паровозъ катится по рельсамъ: ровно, гладко, покойно.

— Надѣюсь, это не дурно: лучше чѣмъ выскочить изъ колеи, бухнуть въ ровъ, какъ ты темеръ, и не умѣть встать на ноги. Парь! парь! да парь-то, вотъ видишь, дѣлаетъ человѣку честь. Въ этой выдумкѣ присутствуетъ начало, которое насъ съ тобой дѣлаетъ людьми, а умереть съ горя можетъ и животное. Были примѣры, что собаки умирали ча могила господъ своихъ, или задыхались отъ радости

послѣ долгой разлуки. Что жъ это за заслуга? А ты думай, ты особое существо, высшаго разряда, необыкновенный человѣкъ...

Петръ Иванычъ взглянулъ на племянника и вдругъ остановился.

— Что это? ты никакъ плачешь?—спросилъ онъ, и лицо его потемнѣло, то-есть онъ покраснѣлъ.

Александръ молчалъ. Послѣднія доказательства совсѣмъ сбили его съ ногъ. Возражать было нечего, но онъ находился подъ вліяніемъ господствовавшаго въ немъ чувства. Онъ вспомнилъ объ утраченномъ счастьѣ, о томъ, что теперь другой... И слезы градомъ потекли по щекамъ его.

— Ай, ай, ай! стыдись!—сказалъ Петръ Иванычъ:— и ты мужчина! плачь, ради Бога, не при мнѣ!

— Дядюшка! вспомните о лѣтахъ вашей молодости, — всхлипывая говорилъ Александръ:— ужель вы покойно и равнодушно могли бы перенести самое горькое оскорбленіе, какое только судьба посылаетъ человѣку? Жить полтора года такую полной жизнію и вдругъ — нѣтъ ничего! пустота... Послѣ этой искренности хитрость, скрытность, холодность—ко мнѣ! Боже! есть ли еще мука сильнѣе? Легко сказать про другого «измѣнили», а испытать?.. Какъ она перемѣнилась! какъ стала наряжаться для графа! Бывало, пріѣду, она блѣднѣетъ, едва можетъ говорить... жжетъ... о, нѣтъ...

Тутъ слезы хлынули сильнѣе.

— Если бъ мнѣ осталось утѣшеніе,—продолжалъ онъ:— что я потерялъ ее по обстоятельствамъ, если бъ неволя принудила ее... пусть бы даже умерла—и тогда легче было бы перенести... а то нѣтъ, нѣтъ... другой! это ужасно, невыносимо? И нѣтъ средствъ вырвать ее у похитителя: вы обезоружили меня... что мнѣ дѣлать? научите же! Мнѣ душно, больно... тоска, мука! я умру... застрѣлюсь...

Онъ облокотился на столъ, закрылъ голову руками и громко зарыдалъ...

Петръ Иванычъ растерялся. Онъ прошелся раза два по комнатѣ, потомъ остановился противъ Александра и почесалъ голову, не зная, что начать.

— Выпей вина, Александръ, — сказалъ Петръ Иванычъ, сколько могъ понѣжнѣе: — можетъ-быть — того...

Александръ — ничего, только плечи и голова его судорожно подергивались; онъ все рыдалъ. Петръ Иванычъ нахмурился, махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

— Что мнѣ дѣлать съ Александромъ? — сказалъ онъ женьѣ. — Онъ тамъ у меня разревѣлся и меня выгналъ; я совсѣмъ измучился съ нимъ.

— А ты его такъ и оставилъ? — спросила она: — бѣдный! Пусти меня, я пойду къ нему.

— Да ничего не сдѣлаешь: это ужъ такая натура. Весь въ тетку: та такая же плакса. Я ужъ не мало убѣждалъ его.

— Только убѣждалъ?

— И убѣдилъ: онъ согласился со мной.

— О, я не сомнѣваюсь: ты очень уменъ и... хитеръ! — прибавила она.

— Слава Богу, если такъ: тутъ, кажется, все, что нужно.

— Кажется, все, а онъ плачетъ.

— Я не виноватъ, я сдѣлалъ все, чтобъ утѣшить его.

— Что жъ ты сдѣлалъ?

— Мало ли? И говорилъ битый часъ... даже въ горлѣ пересохло... всю теорію любви, точно на ладони такъ и выложилъ, и денегъ предлагалъ и ужиномъ — и виномъ старался...

— А онъ все плачетъ?

— Такъ и реветъ! подь конецъ еще пуще.

— Удивительно! Пусти меня: я попробую, а ты пока обдумай свою новую методу...

— Что, что?

Но она, какъ тѣнь скользнула изъ комнаты.

Александръ все еще сидѣлъ, опершись головой на руки. Кто-то дотронулся до его плеча. Онъ поднялъ голову: передъ нимъ молодая, прекрасная женщина, въ пеньюарѣ, въ чепчикѣ à la Finoise...

— Ma tante!—сказалъ онъ.

Она сѣла подлѣ него, поглядѣла на него пристально, какъ только умѣютъ глядѣть иногда женщины, потомъ тихо отерла ему платкомъ глаза и поцѣловала въ лобъ, а онъ прильнулъ губами къ ея рукѣ. Долго говорили они.

Черезъ часъ онъ вышелъ задумчивъ, но съ улыбкой, и уснулъ въ первый разъ покойно, послѣ многихъ безсонныхъ ночей. Она воротилась въ спальню съ заплаканными глазами. Петръ Иванычъ давнымъ-давно храпѣлъ.

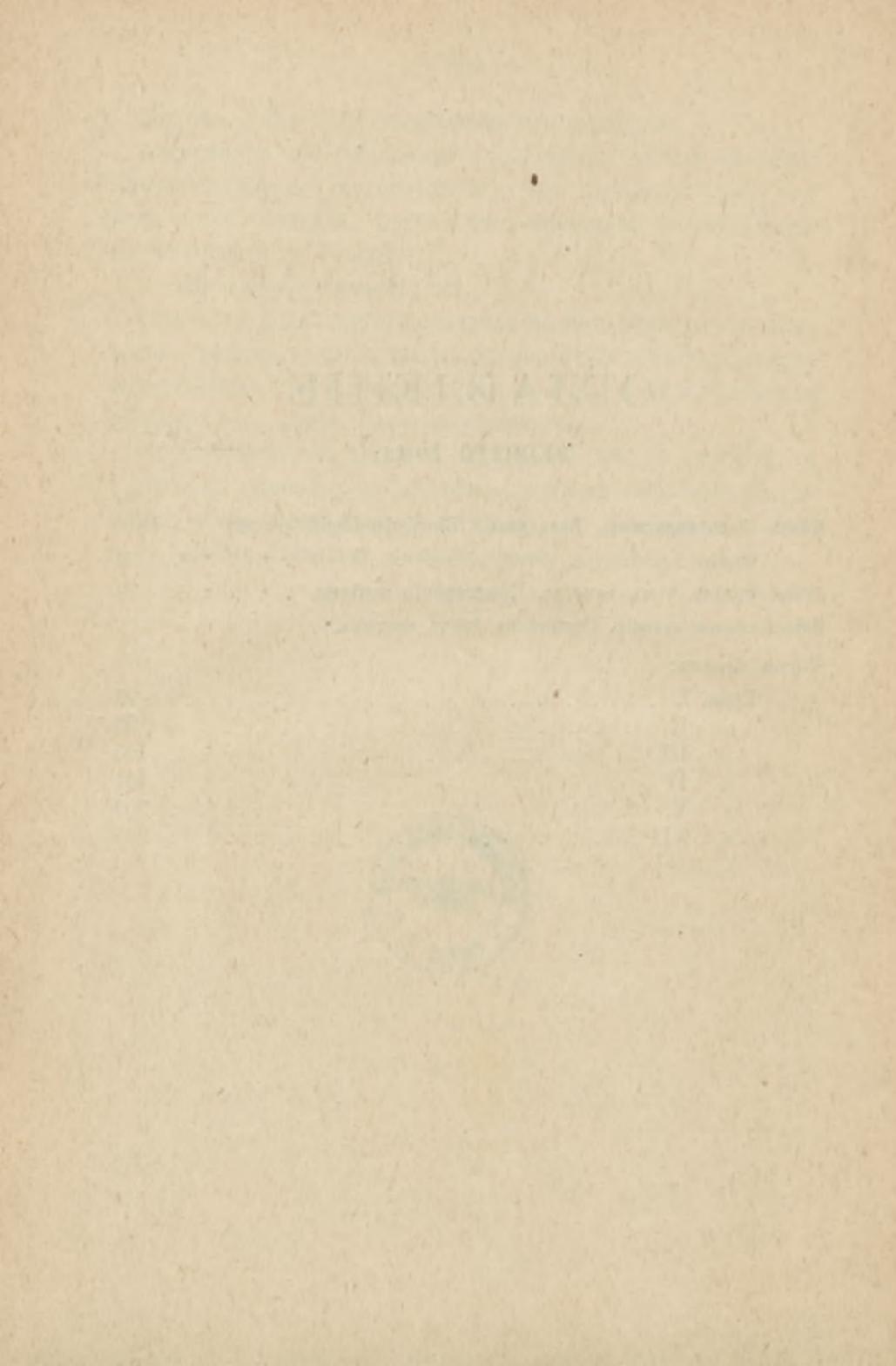

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА:

	стр.
Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Біографическій очеркъ <i>С. Венгерова</i>	3
Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки.	29
Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ.	
<i>Часть первая:</i>	
Глава I.	93
» II.	120
» III.	165
» IV.	191
» V.	209
» VI.	245

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ПОЛНАГО
СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА,

въ 12-ти томахъ:

ТОМЪ I.

Портретъ И. А. Гончарова, гравированный на стали академикомъ И. П. Пожалостинымъ, и факсимиле. — Биографическій очеркъ, составленный С. А. Венгеровымъ. — Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки. — Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I.

ТОМЪ II.

Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть II.

ТОМЪ III.

Обломовъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Части I и II.

ТОМЪ IV.

Обломовъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Части III и IV

ТОМЪ V.

Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Главы I—VIII.

ТОМЪ VI.

Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ.
Часть II. Главы I—IV.

ТОМЪ VII.

Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ.
Часть II. Главы V—IX.

ТОМЪ VIII.

Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Части I и II.

ТОМЪ IX.

Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть III.

ТОМЪ X.

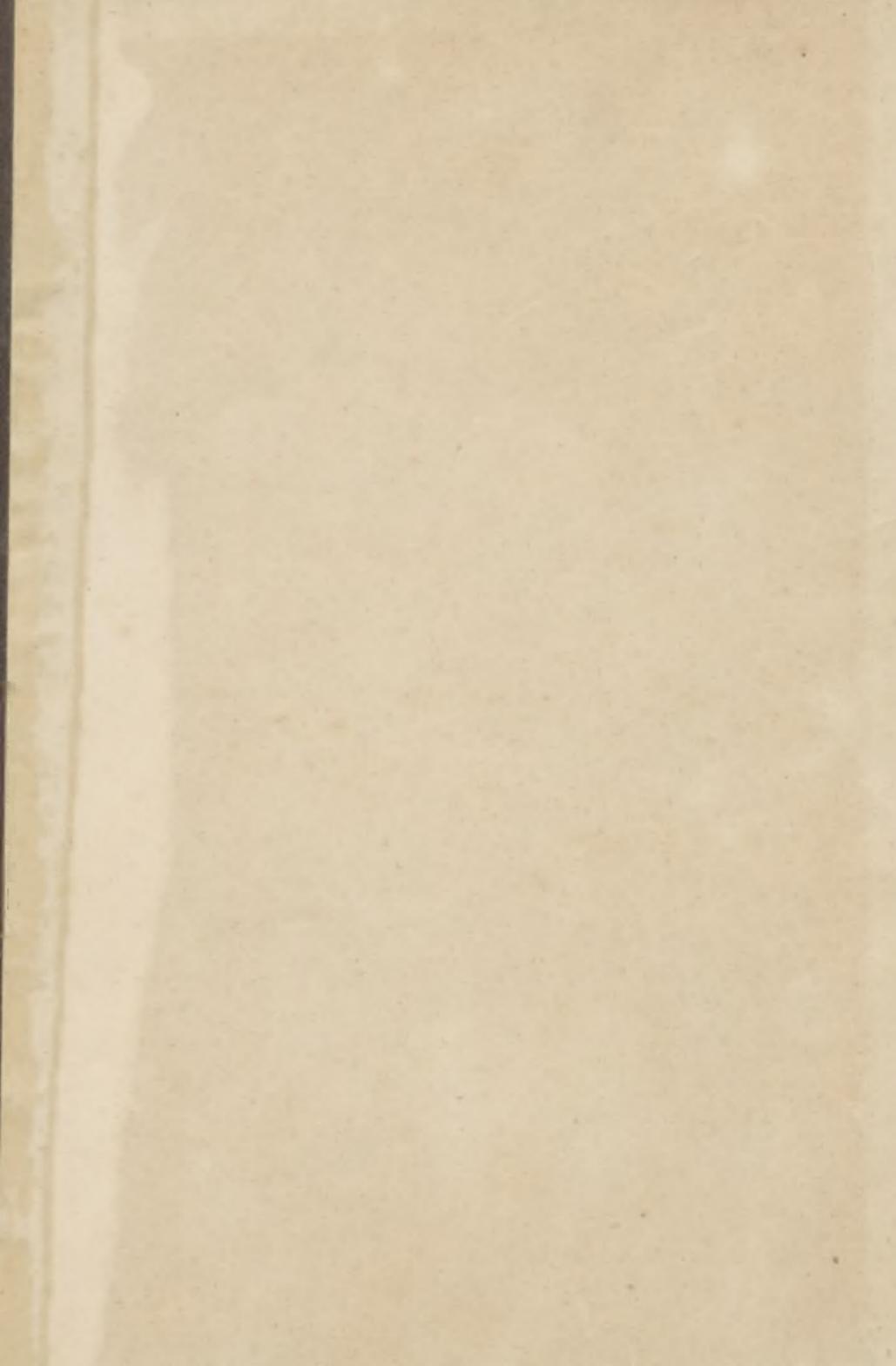
Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Части IV и V.

ТОМЪ XI.

Очерки: I. Литературный вечеръ. II. Мильонъ терзаній. III. Замѣтки о личности Бѣлинскаго. — Нарушеніе воли. — Иванъ Савичъ Поджабринъ. Очеркъ.

ТОМЪ XII.

Воспоминанія: I. Въ университетѣ. II. На родинѣ. — Слуги стараго вѣна: I. Валентинъ. II. Антонъ. III. Степанъ съ семьей. IV. Матвѣй. — Очерки: Превратность судьбы. Май мѣсяць въ Петербургѣ.

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

162074

Biblioteka WSP Kielce

0126785